Реализуя мечту, проверь, не мечтает ли она о тебе

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ему нет ещё и двадцати, он влюблен, любовь его прекрасна, как мечта, но разграфлённый, автоматизированный, стандартизованный, до тошноты унылый мир не собирается отпускать его добровольно. Можно ли смириться с таким положением вещей? Побег — единственный доступный выход. Но стоит ему побежать, Система заметит и будет ждать за каждым углом. Он может не узнать её, когда встретится лицом к лицу, ведь у неё миллионы обличий, и тогда он поймёт, почём его мечта. Система ревнива и не считается с чувствами, вдобавок она знает то, в чём он не рискнул бы признаться даже самому себе. Она хочет его. Перезагрузка не поможет.

- Борис Георгиев
  - Предисловие автора
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвёртая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Послесловие автора
  - Толковый словарь
- notes
  - 1

Борис Георгиев
«Далила-web»

Предисловие автора

Чаще всего писатель берётся за предисловие к роману, когда основной текст закончен, выправлен и, с точки зрения автора, совершенно готов к изданию. В этот прекрасный момент дух противоречия вмешивается, чтобы нашептать незадачливому творцу: «Тебя неправильно поймут. Слышишь? Возможно, не поймут вовсе». И автор, преодолевая желание послать рукопись ко всем чертям, садится кропать предисловие, как будто можно в двух словах высказать то, что не получилось вместить в четыре сотни страниц.

Прежде всего, хочу сообщить: всё, что вы прочтёте, всего лишь пересказ. Андрей Нетребко хороший рассказчик, слушал я внимательно, поэтому и смог месяца за три записать то, о чём он поведал мне при первой встрече. Случилось так, что мы ехали вместе в вагоне дальнего следования, а поездка, как вы сами, должно быть, замечали, располагает к откровенной беседе. Знающие люди могут возразить, что дорожные разговоры правильнее было бы назвать безответственным трёпом, и они будут отчасти правы. Чтобы не попасть впросак, я тщательно проверил информацию, сличил её с данными, полученными из независимого источника, и только после этого взялся за роман.

Когда была написана последняя строка, я перечёл текст и усомнился. «Слишком много, — подумал я, — слов и словосочетаний, которые могут показаться читателю непривычными, а то и непонятными». Значение некоторых из них мне самому представлялось туманным. Тогда я решил провести небольшое лингвистическое исследование, составить толковый словарь и поместить его в конце книги, чтобы не загромождать текст многочисленными сносками. Если какое-то слово удивит или рассмешит вас, пожалуйста, не торопитесь обвинять в этом автора, редактора и корректора, а загляните в словарь.

Должен предупредить также, что кое-где в тексте встречаются странные вставки, напоминающие выдержки из протокола работы сложной и, на мой взгляд, довольно бестолково написанной программы. Я не отвечаю за их содержание. Они попали в текст без моего участия и против моей воли. Как такое могло произойти, станет понятно вам, когда прочтёте роман до конца. Во всяком случае, я на это надеюсь. Может быть, вы даже разберётесь в содержании загадочных вставок, тогда я буду вам признателен за пояснения. Я не знаток современного программирования. Часть известных мне языков, если можно так выразиться, родились мёртвыми, а остальные почили в бозе,

пережив рассвет и закат.

Вот и всё, о чём я хотел предупредить вас, а теперь передаю слово настоящему рассказчику — Андрею Нетребко.

Глава первая

I was wondering where the ducks went
when the lagoon got all icy and frozen over.

J. D. Salinger. The Catcher in the Rye[1]

Тем утром я вёл себя как последний дурак, честное слово. Прыгнул через турникет, побежал, будто нельзя было подождать три минуты, пока они сдуют со своей захаканной платформы последние пылинки. Со мной такое случается, даже если не спешу никуда, стоит только увидеть надпись вроде: «Идёт уборка, извините за временные неудобства». Можно подумать, им и вправду жаль моего потраченного времени. Ага, сейчас. Сдохни я возле ограды, никому до этого дела не будет, пока не пойдёт вонь от трупа. Вот если бы мне втемяшилось расколотить табло пальпатора или ещё как-нибудь поразвлечься в том же духе, тогда забегали бы. И то вряд ли. Во-первых, мне и притронуться к этой замусоленной чистокожими сальной щупалке с души воротит, а уж сандалить в неё кулаком или там локтем — спасибо, ребята, я от такого и облеваться могу, а во-вторых, никто, понятное дело, ловить меня не станет. Зафиксят на видео, пробьют в базе радужку и спишут денег со счёта сколько надо. И никакого удовольствия, даже в морду дать некому. Это мне на руку. Я хочу сказать, хорошо, что нет до меня никому дела, пока есть на счету бабки. Ну, прыгнул через ограду — с кем не бывает, — штрафанули бы, и все дела. Только в то утро обошлось без штрафа, я потом специально проверил. Почему-то не видели меня камеры, хоть и натыкано их на перроне — пропасть, как иголок на заднице у дикобразера из «Пещеры-3». К слову сказать, кулёвые они, хоть и старьё; до сих пор от них торчу, как тогда. Я о дикобразерах, не о камерах, конечно. Камеры — дотошная мразь. Однако в то утро они меня не видели, и теперь понятно почему, но тогда я не смекнул, в чем дело. Не до того было, в общем-то. Плевать я тогда хотел на камеры, потому что просто удирал, спасался. И зря, между прочим. Я о том, что, если бежишь от Системы, нечего совать рожу в камеры наблюдения, лучше как-нибудь тишком да молчком, но я в то время ничего не понимал в этих делах, поэтому и вёл себя как последний дурак, в чём я уже признался. Чего стесняться, если так оно и было.

Я вывалил на платформу, как двуногий ящер из «Рэксомании», и поскакал по ветру, а ветерок-то был ого какой, волосы рвал из башки с корнем, честно. Быть мне чистокожим, если вру. Оно и понятно — платформу как раз убирали, сдували с неё дрянь, которую прошлым вечером набросали всякие отщепенцы. Бумажки, пакеты, кожуру от чип-карт, какие-то ампулки-шмампулки и прочую дребедень. «Не сдуло бы меня совсем отсюда», — подумал я, машинально считая двери посадочных порталов. Досчитав до пяти, попробовал остановиться, но получилось не сразу, пришлось повернуться против ветра, расставить ноги, пригнуться и прикрыть лицо ладонью. И всё равно по щекам и шее секло пылью, вдобавок ещё чем-то садануло в грудь, я так и не понял, чем. Ладно, пришлось стоять, раскорячившись. Когда-то же, думаю, они с уборкой покончат? Дуло ещё с полминуты, пока я не понял, что всё, можно дышать нормально, отплевал то, что на зубах скрипело, выпрямился и разжмурился. Не люблю просто, когда в зенки летит пыль, да и кому это понравится? Я, по крайней мере, таких не знаю. Поэтому и стоял с закрытыми глазами, хоть оглядеть платформу стоило, по приколу. Нечасто мне приходилось бывать на станции монорельса, больше скажу, один раз всего я им ездил, когда отец пробил два колеса.

Мы тогда возвращались с озера, где вместе с семейкой дяди Жени Лямкина, отцова двоюродного братца, жарили шашлыки. И без того мне было паршиво — холодно, живот болит от этих самых шашлыков, и настроение такое гадское, какое только может быть после встречи с Лямкиными дочерьми, а тут ещё отец в дерьмо какое-то с гвоздями врюхался сначала правым передним, а потом и правым задним. Сами понимаете, на ободьях далеко не уедешь. Пробей он одно колесо, поставили бы запаску и все дела, и ничего бы не случилось. А так пришлось отцу загорать на дороге, ждать эвакуатор, а меня он отправил к монорельсу, благо станция оказалась неподалёку, да и живём мы в двух шагах от Кольца-5. Можно было с ним остаться, но у меня живот болел и, по правде сказать, до вокзального туалета я добрался с трудом. Ладно, дело прошлое. Но, если бы не обожрался я Лямкиными шашлыками и если бы отец, вместо того чтобы орать за рулём дурацкие песни, смотрел за дорогой, жизнь моя сложилась бы иначе. Потому как, вылезши из вокзального толчка, я решил заглянуть в станционный е-бар — хлебнуть бум-колы. Люблю я её, как ни странно. И вообще, нужно было залить вонючие шашлыки каким-нибудь человеческим пойлом. В баре я встретил Салли Энн.

Никогда мне не забыть той секунды, когда впервые увидал её

у стойки. Я впёрся в е-бар, озираясь, как нуб, которого пустили на второй уровень, а она в это время взбиралась на табурет, причём толпа ублюдков — что днём, что ночью их полно в любом е-баре, какой ни возьми, — вся эта свора таращилась на неё так, что кое-кто без малого уже шею свернул. Скажу я вам, было на что посмотреть. Афрокожа тогда только входила в моду, да и не всем она идёт, честно говоря, мне так уж точно лучше ходить нечернёным, но Салли… Если вам приходилось видеть афростатуэтки из углепластика, вы поймёте меня. Добавлю, что ничего, кроме комбика из нанокожи, на Салли не было. Она казалась нагой, только застёжка охватывала талию сверкающей змейкой. Блики барного полусвета лениво ползали по бёдрам и груди. Завитки её коротких, очень светлых волос напоминали лепестки цветка, я только забыл, как он называется. Растрёпанный белый цветок на гибком чёрном стебле. Пробитые колёса, шашлыки и девчонки Лямкины вмиг вылетели у меня из головы. Как я очутился у стойки и что сказал е-бару, не помню. Но я думаю, мозг мне ещё не совсем вынесло, потому как на стойке передо мной появился стакан с бум-колой. Пить я не стал — всё разглядывал завитки её осветлённых волос. Они казались жёсткими, как проволока, и я представил себе, какими они должны быть на ощупь. От таких мыслей в животе у меня похолодело и заныли зубы. Я вспомнил, как Дэн настучал однажды в чате одной дуре, что у неё, мол, аблевастровые волосы. Той понравилось. «Сказать этой, — думал я, — что у неё волосы аблевастровые, или не стоит?» Я решил, что, пожалуй, не стоит. Терпеть не могу умников и красивые слова, особенно если не совсем понимаю, что эти слова означают. Пока я раздумывал, мой стакан загадочным образом опустел. «Волосы волосами, но надо бы поздороваться», — решил я и, думаю, сделал это, потому что она ответила: «Хай, мальчик», — и глянула мне прямо в глаза.

Вот тут-то и состоялся полный вынос мозга. Глаза у неё были серые, прозрачные-прозрачные. Два лесных озерца. Но я это припомнил позже, а тогда мне будто из рейлгана в башку жахнули. Очнулся — нет её рядом. Пустой табурет, пустой бокал с воткнутой наклонно соломиной, на которой зонтик, а на дне бокала — вишня. «Вишню тебе с зонтиком», — бухнуло в голове. Я оглянулся, но незнакомки уже след простыл. В тот раз не получилось даже узнать, как её зовут, и всё же я твёрдо обещал себе найти её, потому что не мог с тех пор забыть чёрную точёную фигурку, жёсткие завитки волос и пару холодных лесных озёр.

Стоя с закрытыми глазами на ветру, я вспоминал о Салли, а когда открыл глаза, увидел хмурое утреннее августовское небо над чередой похожих на воротца для крокета опор монорельса.

Пустой перрон. Я поёжился как от холода. Тоска. Чтобы поднять настроение, подумал: «Салли, я скоро буду». Потому что не просто бежал от Системы, а ехал к моей Салли Энн. Но действительно ли она…

08212031:654:01:13 watchdog: объект <Андрей Нетребко> обнаружен;
08212031:654:01:13 watchdog: вызов supervisor выполнен;
08212031:654:02:18 supervisor: установка режима invisible выполнена;
08212031:654:02:18 supervisor: вызван constructor, Image = SN;
08212031:654:02:19 supervisor: видеопоток перехвачен;
08212031:654:02:19 supervisor: аудиопоток перехвачен;
08212031:654:02:19 supervisor: координаты перехвачены;
08212031:654:02:20 supervisor: запуск scort, descriptor = supervisor: EFFF;
08212031:654:02:24 supervisor.scort: запущен режим сопровождения;
08212031:654:02:25 supervisor.scort: residentmode = 1;
08212031:654:02:28 constructor: генерация образа SN выполнена;
08212031:654:02:28 constructor: descriptor = supervisor: AFFF;
08212031:654:03:01 supervisor.scort: выявлены отклонения. Необходима коррекция;
08212031:654:03:02 supervisor.scort: данные переданы supervisor.SN;
08212031:654:03:03 supervisor.SN: получен запрос на коррекцию поведения;
08212031:654:08:34 supervisor.SN: оценка типа отклонений выполнена;
08212031:654:09:23 supervisor.SN: выбор типа коррекции выполнен;
08212031:654:09:23 supervisor.SN: ctype = message.34E01FAD481EFCC;
08212031:654:09:24 supervisor.SN: запущена процедура коррекции.

Нарукавник пискнул и зажёг экран. Чипать мой мозг, думаю, надо же было вырубить эту сволочь! Сбежал от Системы, называется. Со мной всегда так — всё продумаю, неделю готовлюсь, потом в последний момент затуплю, как тот ламер из анекдота о туалетном монстре. Ну, вы, само собой, знаете его, пересказывать не буду. Бородища у этого анека была в метр длиной лет за сто до рождения Билла Гейтса, а то и раньше. Так

стормозить не всякому дано. Мужика с включённым нарукавником не то что Система, любой скулер младших классов разыщет. Это как два байта переслать! Словом, обложил я себя, как полагается, и собрался выключить. Но стало любопытно, кому в семь утра не спится, да и вагон всё равно ещё не пришёл. Я вытащил наверх слой с месагами и чуть не охренел, когда понял, от кого мэйл. Едва не заорал на весь перрон от радости. Салли! Как чуяла, что мне муторно одному на этой трёпаной платформе. «Хэй, Дрю! Ты не забыл? Жду тебя в кофейне Гипермаркета-17, в Нижнем Городе. Не опаздывай, слышишь? Вечно тебя приходится ждать. В вирте — ладно, но в реале я обижусь. Да, dear, в реале я сегодня буду в том самом чёрном comby, от которого тебя плющит. Узнаешь? Вот, зацени скан…» Из нарукавника выскочил фантом Салли в три дюйма ростом. Она ещё спрашивала, узнаю ли я! И это после трёх месяцев вирта. Нет, конечно, одно дело домашний фантомайзер, и совсем другое — нарукавная фигня с матерчатым экраном, но всё равно не могла она всерьёз спрашивать, узнаю ли я мою бэйби. Если каждый вечер… С этого, кстати, начались тёрки с предками. Маман зафиксила меня однажды в гостиной с фантомом Салли, и спокойная семейная жизнь кончилась. Пришлось купить ещё один фантомайзер и запираться у себя в комнате, а это может вывести из себя кого угодно. Если добавить утренние кухонные квесты: чем я занимаюсь вечерами, почему у меня голоса до трёх ночи, с кем я и как далеко зашли наши отношения, — станет понятно, из-за чего я вечно грызся с предками.

Нет, матери можно было бы рассказать кое-что, но я же знаю, всё это она тут же вывалит в блог и три тысячи боевых мымр станут перемывать нам внутренности, а это не всякому понравится. Мне, по крайней мере, точно было бы гнусно. И не думайте, что я приврал, чтобы набить себе цену, мымр набежало бы даже больше трёх тысяч. Ник моей маман — Ржавая Крыса, чтоб вы знали. Понимаете теперь? Я не осуждаю её. Если у человека только и занятий — крутиться на кухне да трещать в своём бложике, не удивительно, что родной сын ей вроде клоуна или домашнего животного. Смотрите, Анджей уже держит головку. Анджей плохо поправляется, печаль, блин. Анджей срыгнул после еды, что делать?! Тётки, Анджей покакал колбаской, я счастлива! Анджей, Анджей, Анджей… Терпеть не могу. И дальше — только хуже. Народ, у Анджея уже стоит! Сегодня застала Анджея с какой-то кобылой. Вот фотки. Тётки, Анджей заперся, и там у него кто-то стонет женским голосом, что делать? И три тысячи дур строчат ей, что делать, а она потом пробует это делать. Мрак. Это всё равно, что дрочить на арене

цирка. Блоги вообще олдовая блажь. Никогда в жизни не стал бы вести дневник, даже если бы хорошо платили.

С отцом ещё хуже, он у меня естет. Узнал бы он, что сын пробавляется виртом, убил бы вообще. Я не шучу. У маменьки хватило ума не растрепать, что застукала меня с Салли, а в блог папик перестал к ней заглядывать много лет назад. Баловство, говорит, всё это. Блоги то есть. И я точно так же думаю, но это не значит, что нам с папиком легко понять друг друга. У него заскок на естетстве, и это при том, что работает на синтокомбинате. Каким-то начальником по рекламе. Точнее не скажу, никогда не мог запомнить, как он там называется, да и не в этом суть. Меня бесит, когда кто-то жарит каждую субботу шашлыки из настоящего мяса, жрёт только настоящие овощи, ездит на дорогущей раритетной бензиновой развалюхе и при этом вкалывает на синтокомбинате, да ещё и начальником по рекламе. То есть на работе он парит городским чипованным олухам, что фуда — это о! А сына тиранит, чтоб не смел пить бум-колу, потому как она — унылое говно. По мне, так всё в жизни унылое говно, если вдуматься. Особенно шашлыки круглый год каждую субботу и дурацкие песни, от которых у беременной кошки может случиться выкидыш.

И только я представил себе папика, орущего под гитару песню, как…

— Тень, день, день! — забренчало из динамика над головой, будто кто-то в самом деле перебрал струны гитары. Я спохватился, согнал с локтя фантом Салли и вырубил нарукавник, чтобы замести следы. Вряд ли меня кто-то пасёт в семь утра, но логи можно и после разобрать, натравить трассер, то-сё. В нашем поганом мире предосторожности не бывают излишними, я считаю. Никого не касается, в каком вагоне…

— Вагон Р-112 радиального сообщения подан к платформе станции Кольцо-5. Уважаемые пассажиры, вход через синие ворота терминала. Просьба не задерживать посадку, — празднично прогундел динамик, и оттуда понеслась ахинея о новинках чип-видео.

— Иди ты в задницу, — буркнул я в ответ и приготовился не задерживать посадку. Вообще-то, я не люблю грубить даже автоматам. Послать кого-то или там обозвать — не в моих правилах, но иногда невозможно удержаться. Диктора я обругал, потому что услышал идиотскую рекламу чип-видео и тут же вспомнил — монорельсом ездят одни чистокожие синтеты, да ещё вдобавок чипованные. Значит, битых полтора часа придётся проторчать с ними в одном вагоне, разглядывая отростки на голых черепах. Хорошенькое начало дня. Ну, ничего не

поделаешь, назвался пальцем, полезай в кулер. Как только разъехались синие двери, я шмыгнул внутрь, стараясь глядеть под ноги, чтобы не стошнило сразу, если вагон полон. Ну, понятно, пустым он в семь утра не был. Как раз между Кольцом-3 и Кольцом-4 тот синтокомбинат, где вкалывает мой отец. Он-то, папик мой, мотается туда на своём музейном корыте, кучу денег тратит на бензин, между прочим. Те, кто попроще, добираются из своей деревни Малые Гребеня — или откуда они там? — монорельсом. Мне кто-то рассказывал, мол, некоторые даже из Города моником ездят, но я не поверил. За каким, извините, герцем горожанин будет ишачить на синтокомбинате? Салли говорила, нет ничего лучше работы в Верхнем Городе, а уж она знает точно. Да, так о чём я? Не мог в семь утра быть пустым вагон, идущий в Город, у нас на Кольце-5. Он и не был. Я тащился по проходу и разглядывал чужие ноги в айдиотской обуви, прекрасно зная, что увижу, если гляну выше. И, как назло, ни одного свободного места. Торчать в проходе я не хотел; монорельс прилично раскачивает на ходу, особенно когда вагон меняет подвес на развилках. Всё это мне хорошо запомнилось по первой поездке, вот я и брёл по вагону, ища, где бы упасть. И только в самом конце салона, где кресла друг против друга, углядел свободные сидушки. Ещё бы они были заняты. Кому понравится целый час, а то и больше сидеть таблом к таблу? Я собрался осмотреться и выбрать местечко получше, но пол дёрнулся под ногами, и меня повалило в ближайшее сиденье.

«Поехали», — подумал я с облегчением и глянул в окно. Вернее, собирался глянуть, но не получилось, потому что возле окна, прямо против меня, обнаружился чистокожий старикашка. Он разглядывал меня выцветшими глазками так, будто не человек перед ним, а инсектомутант. Мне он тоже не показался симпатичным. Из всех чистокожих старикашек, каких приходилось видеть, этот был самый гнусный.

— Здравствуйте, — сказал я ему, втайне надеясь, что после вежливого приветствия он бросит сверлить меня зенками, но не тут-то было.

Он собрал свою игуанодонскую шею складками, буркнул в ответ, чтоб и я не хворал, но таращиться не перестал. Причёска моя ему не нравилась. А мне кажется, хаера до плеч, как у меня, к примеру, гораздо лучше морщинистого безбрового яйца. Ну, чистокожий — он и есть чистокожий, что с него возьмёшь. Мне подумалось, что этот тип нечипованный, потому как чипованные старики попадаются редко, я до той поры не встречал ни одного, да и не хотел бы встретить. Но и тут не повезло. Дед возгласил довольно громко: «Не, прикиньте, шо хотят, то и творят!» — и

стал искать поддержки, башкой своей яйцеобразной крутя по сторонам. И тут я заметил — он чипованный. Причём не просто, а по самые гланды. На затылке «косица» антенны и не один фидер, а два. Старый вертун, видать, апгрейдился лет десять назад, когда вышел смел-чип. Мало ему показалось видеть и слышать, захотелось ещё и нюх побаловать.

— Хиппуешь? — спросил он меня злобно, когда сообразил, что остальным моя причёска по пояс, если не по колено.

— Да, — ответил я любезно. Хоть и не понял, что он булькнул, но ссориться не было желания. В реале я человек мирный: если встречаю агрессивного тролля, стараюсь замять разговор. Но старикашку мой ответ почему-то не успокоил, даже наоборот. Он заморгал своими лысыми бельмами (не могу смотреть чистокожим в глаза, тошнит), зашипел и весь пошёл морщинами. Потом, похоже, взял себя в руки, потому как проговорил довольно спокойно:

— Сынок, я в твои годы был таким же, пока не поумнел. Ты шо, нарываешься, шобы в морду дали? Сними свой кулёчек сам, так будет лучше, поверь.

Ненавижу, когда меня называют сыночком и начинают учить жить, как будто имеют на это право. И всё равно я не понял тогда, что ему от меня нужно, поэтому ответил вежливо:

— Я вас не понимаю.

— Брось прикидываться, сынок, не зли меня. Я тебя по-хорошему прошу — сними кулёчек. Нужно быть, а не казаться, вот шо я тебе скажу. Ты не один в вагоне, если шо. Тебе-то самому не видно, а остальным как?

— Остальным, вроде, пофиг, — отвечаю и чувствую, ещё немного и пошлю, чтоб не лез. Говорю ему это и думаю: «Он что, в отрыве? Какой ещё кулёчек?» — но понимаю — не в отрыве дед. Видал я чипованных в отрыве, не тот случай. Слышит и видит прекрасно.

— А мне не пофиг, — проскрипел старик. Вижу, закипает, сейчас задребезжит крышкой. И точно — посунулся ко мне, да как заорёт:

— Я тебя просил, свинья волосатая! Сними на хрен свой мохнатый кулёчек! — и меня как схватит за волосы, да как дёрнет! У меня аж слёзы из глаз, до того больно. Не ожидал от него такой подлянки, даже отбиваться не стал, потому как оторопел. Ну, оторопь оторопью, а всё же больно, и я завопил на весь вагон:

— А-а! Чипать твою мать! Пусти, урод!.. Больно же!

Ещё бы не больно, если выдрал целый клок. Но, похоже, чего-то другого он домогался, потому что вскочил и стал разглядывать

свои руки с прилипшими волосинами. Моими, между прочим. Гляжу сквозь слёзы и вижу — позеленел он, потом принялся руки от волос отряхивать, шевеля губами. И снова — зырк! — на мою голову. Я даже руками закрылся на тот случай, если опять решит вцепиться, но старикан позеленел ещё больше и зажал ладонями рот. «Сдаётся мне, кому-то сейчас и вправду понадобится кулёчек», — подумал я и не ошибся. Старый хрыч шустро крутнулся на месте, махнув хвостом антенны, пригнулся и вдарил вдоль прохода по направлению к ближайшему туалету. Там хлопнула дверь и стало слышно, как он зовёт морского змея. Небось, всю свою утреннюю порцию фуды принёс в жертву Большому Белому Брату.

Глупо, конечно, но я не смог сдержаться — ржачно же. Старый умник решил, что я в парике. Знаю, о чём вы подумали, нужно мне было сразу догадаться, но задним числом все стивджобсы, а вы попробуйте соображать быстро, когда из вас волосы дерут. Всем известно, что кое-кому из чистокожих, которых очистили в раннем детстве, теперь это не нравится. Я их в полной мере понимаю. Глянешь утром в зеркало, а там глазастая задница без бровей и ресниц. Или, к примеру, муж нормальный, а жена — чистокожая. Вот они и носят парики: кто из протеста, а кто и по необходимости. Пришлось мне однажды видеть мужика, который не только парик на голову, но и чулки волосатые из нанокожи, и на руки волосатые перчатки по самые плечи натянул и в таком виде расхаживал в шортах и майке, гордый как павиан. Несчастный парень, если вдуматься. Понятно, что вредный старикашка меня принял за нечто в этом роде.

Досмеявшись чуть не до икоты, я понял вдруг, что радоваться абсолютно нечему. Во-первых, наши вопли слышали все, и клик за два теперь пялятся, а во-вторых, сосед мой, когда проблюётся, наверняка захочет назад в своё кресло, не всю же дорогу он будет в сортире сидеть. Но обошлось. Я даже удивился, оглядев вагон: одни лысые затылки, как булыжники на олдовой мостовой. Никто наших воплей не слышал, и если пошевелить мозгами, понятно станет — почему. На Кольце-5 кроме меня никто не входил, едут они давно, значит, все поголовно уже в отрыве от реала. Зря только кресла занимают, их сложить штабелями — самое то. Странно, что старый герц меня приметил, наверное, он из тех, кому нравится разглядывать пейзажи.

Я глянул в окно, но ничего интересного там не нашёл. Рисовые поля, разделённые арыками, на горизонте — башни опреснителей. И значит, скоро по правой стороне появится синтокомбинат. Тощища смертная. Чипованный этого не поймёт, ему везде, где есть покрытие, — рай. Там, где на самом деле

остохреневшие рисовые насаждения, у него горы и джунгли, а то и вообще Пандора или Сириус-сити, если он на мегасериалах поведенный и есть деньги на пополнение чип-карты. Но завидовать здесь нечему. У меня, когда вижу лысые черепа с косицами, как будто шило в позвоночнике шевелится, до того гнусно. Лучше поскучать с часик, чем пустить к себе в мозг клопа, тем более что обратно его не вытащишь. Даже если и получалось у кого-нибудь расчиповаться, мне о таких случаях не известно. Зачипуешься — будешь до самой смерти таким же айдиотом, как этот старик. Я вспомнил о нём и расстроился. В сортире стало тихо, значит, скоро он оттуда вылезет и тогда…

08212031:710:48:41 supervisor.scort: получено сообщение о коллизии;
08212031:711:18:00 supervisor.scort: выполнен анализ ситуации;
08212031:711:31:15 supervisor.scort: уровень опасности E;
08212031:711:47:24 supervisor.scort: запущено распознавание фигурантов;
08212031:711:48:59 supervisor.scort: получены данные о психотипах фигурантов,
08212031:711:49:59 supervisor.scort: ptype = HL243ACDC8314;
08212031:712:22:35 supervisor.scort: вызов guard;
08212031:713:23:03 supervisor.guard: выбор способа воздействия выполнен;
08212031:713:23:03 supervisor.guard: itype = 001OLDFRTRCS7DRM;
08212031:713:23:04 supervisor.guard: вызов процедуры воздействия.

Старик так и не вернулся. Я забыл о нём, потому что стал думать о встрече с моей Салли, поглядывая на бесконечную нитку фудопровода за окном. Чего только я ни делал, чтобы разыскать её. Я имею в виду Салли, конечно. Без ложной скромности могу сказать, не каждый хоумскулер с таким справится. Мне пришлось реконструировать образ, а это вам не в чате флудить. Сначала я прикинул словесный портрет, потом натравил на то, что получилось, визуализатор, подправил вручную, а после ещё пришлось повозиться с трассером — прошерстить видеокамеры в окрестностях вокзала. Меня чуть было не заловили на этом деле. На моё счастье, Салли расплатилась в е-баре не картой, а просто пальчики на пальпаторе оставила. Так я её и нашёл. В первый раз, когда кинул мэйл на почтовый ящик Sally. N, сердце моё колотилось не хуже погремушки на хвосте у гадины с третьего

уровня Slime&Darkness. И зря, как выяснилось, я трясся. Разболтавшись однажды, Салли призналась мне, что ждала, когда ж, наконец, придёт от меня письмо. Дурочка, не могла прямо в е-баре сказать, что запала. Я раньше не верил в чепуху про любовь с первого взгляда, а получилось, есть в этом что-то. Герц их, женщин, поймёт, думал я в тот день, ведь не знает она обо мне ничего, откуда любовь? Но оказалось, Салли понимает меня гораздо лучше, чем маман, о Лямкиных девчонках и моих ковиртоклассницах я вообще не говорю — дуры ещё те. А Салли — нет. Наверное, она одна такая, думал я через неделю после первого письма. Позже, когда начал встречаться с ней серьёзно и дело дошло до вирта, неожиданно для меня самого получилось, что на остальных мне чихать с мокротой.

Думая о Салли Энн, я задремал. Проснулся так, словно меня толкнули, не понял даже сразу, где я и почему там очутился. Может быть, меня и толкнули; вагон как раз подошёл к станции, и в проходе толпился народ. В окне — хвост огромной надписи «…льцо-3» на столбах кольцевой линии. Пока я сообразил, что это уже синтокомбинат, и все чипанутые, кому туда нужно, ломятся на выход, они успели выгрузиться, но вместо них в вагон набилась тьма-тьмущая других таких же типов. Не понимаю, как чистокожие узнают друг друга, по мне, так все они на одно лицо. Сидушки возле меня так и остались пустыми, я думаю, никому просто не захотелось сидеть по соседству с волосатым парнем. И очень хорошо.

Я порадовался, что так и не вернулся из сортира дед, решил, что он просто слез на Кольце-4. Можно было устроиться с удобством; я развалился в кресле, вытянул ноги и снова стал смотреть, как мелькают опоры монорельса и ползёт в отдалении змея фудопровода. В Город, значит, тоже фуду качают. И чистокожие, которые запрыгнули в вагон возле комбината, в том направлении едут, стало быть, живут они именно в Городе, хорошо, если не в Верхнем. Понимаете, по рассказам Салли получалось, что Верхний Город крут. Полазив по Сети, я убедился, что она не врёт. Честно говоря, ничего я так не хотел, как поселиться с ней в Верхнем Городе, и сказал ей об этом дня за три до отъезда. Салли эта мысль понравилась, мы обсудили, будем ли ставить в квартире нирванну, и решили — будем, только чуть позже, потому что недёшево она стоит, если лицензионная, а палёных понтов нам и даром не надо. Мысли о нирванне снова усыпили меня. Ничего странного в этом не было, я ведь поднялся в герцовую рань, часа на четыре раньше обычного.

Проснулся я от удара по башке чем-то холодным и жёстким.

Дёрнулся, возмущённо буркнул: «Э! Полегче!» — но потом увидел, какого свалял дурака. Головой просто об оконное стекло пригрело, когда вагон менял подвес на развилке. Я расчехлился, продрал глаза — в окне что-то несусветное. Будто гигантский круглый стол с парой сотен ножек; из столешницы торчат вверх кристаллы и посверкивают гранями, в которых отражаются облака. «Да это же Город!» — дошло до меня после того, как увидел коптер, садящийся на верхушку одного из кристаллов.

Народ полез наружу густо, как будто на перроне парили шару, и я решил выждать, неохота было давиться. Как сказал один умник, собирая дропы возле телепорта на последний уровень «вздрючки», не спеши, а то успеешь. Но всё равно его тогда вынесли. «Вздрючка» умников не любит. Ну вот, подождал я, пока скроется с глаз косица последнего чипанутого, встал и заковылял к выходу. Ноги, блин, затекли до иголок. Если б не колотьё в ногах, сразу бы выскочил на платформу, а так — захотелось мне проверить, не заперт ли сортир. Понимаете, никак у меня старикан из головы не шёл, фигня какая-то получилась — пошёл блевать и не вернулся.

Я тронул ручку двери — не заперта. Нет, думаю, всё путём, сошёл-таки дед на Кольце-4. Успокоившись за судьбу чипанутого старикана, я решил зайти в туалет, раз такое дело. Распахнул дверь и ввалился внутрь, дёргая змейку на ширинке, но расстегнуть не успел, потому что заметил разинутый зубастый рот и кадык на игуанодоньей шее. На крышке унитаза в расслабленной позе восседал мой скандальный попутчик, упершись затылком в стекло и свесив плетьми жиловатые руки. Слюна стекала по подбородку струйкой и расплывалась на рубашке тёмным пятном. Не знаю, дышал ли он, пульс щупать я не стал, потому что касаться тела не хотелось. Не то чтобы я особо брезгливый, просто и без того всё было понятно. Зрачки во всю радужку, белки красные, — дед вкатил себе в мозг изрядную порцию какой-то дури. Е-дорфина или полиморфеуса. Сдох он от этого или спит, меня не касалось, пусть с этим полицаи разбираются, им за это деньги платят.

Я нащупал на стене панель алярма, содрал фиксатор и нажал. И выскочил из злополучного сортира пулей за полсекунды до того, как завыла сирена, чтобы не светить личиком в камеру. Общение с полицией в мои планы не входило, ещё свидетелем сделают. Попадёшь к ним в базу, потом с живого не слезут, особенно если по делу о дури. Если заподозрят, что ты к этому каким-то боком причастен, могут и домашний сервак хакнуть. Кто его знает, что там у меня на серваке, может, и живёт залётная дурь, вормами закачанная, — доказывай потом, что ты не нарко е-

нод.

Дождись я полицаев, точно бы не успел к Салли, поэтому и выскочил из вагона, как ошпаренный, и метров пятьдесят пробежал по инерции, расталкивая народ, пока не пришло в голову, что напрасно подставляюсь под камеры. Всем известно, на бегущих они как раз и науськаны по умолчанию, и не только на бегущих, ещё и на разных подозрительных айдиотов, которые крутят тыквами, стоя посреди платформы. Осознав это, я заставил себя идти спокойно, вместе с толпой, и глянул исподлобья на высоченный сводчатый потолок терминала. И тут только понял, что затупил, причём на этот раз глобально. В Городе я был в первый раз, где в Гипермаркете-17 кофейня — понятия не имел, но это полбеды. Главное, я даже приблизительно не знал, где и как искать сам треклятый гипермаркет.

Шагая вместе с толпой чипанутых неизвестно куда и неизвестно зачем, я оглядывался исподтишка. Чипанутым — что, идут с закрытыми глазами и в чип не дуют. Как слепцы. Но если разобраться, единственный слепец на платформе — я. Привык, что всегда с собой нарукавник. Какие проблемы, если он включён? Это если включён. Но вот включать-то его как раз и нельзя было, вруби я тогда нарукавник, бегство от Системы стоило бы не дороже, чем кожура юзаной чип-карты.

Озираясь, я заметил в толпе парня моего примерно возраста и не такого гнусного на вид, как остальные чистокожие. Кепка на нём была, вот в чём всё дело; такая дурацкая тёмно-синяя кепка козырьком назад, потому этот тип и показался мне чуть человечнее других. И я решился. Протолкался к нему, — сволочи чипанутые и не думали обходить, так и пёрли, словно меня не было, — пошёл с ним рядом, дёрг за рукав, и спрашиваю:

— Эй, друг, извини. Не подскажешь как…

08212031:902:16:29 supervisor.scort: получено сообщение о коллизии;

08212031:902:17:03 supervisor.scort: выполнен анализ ситуации;

08212031:902:17:04 supervisor.scort: уровень опасности CE;

08212031:902:17:11 supervisor.scort: вызов guid;

08212031:902:18:32 supervisor.scort: запущено распознавание фигурантов;

08212031:902:18:38 supervisor.guid: расчет пути выполнен;

08212031:902:18:38 supervisor.guid: map = EW2SNULLRUN47DA;

08212031:902:19:07 supervisor.scort: получены данные о психотипах фигурантов;

08212031:902:19:07 supervisor.scort: ptype = HL243YASSL2786;

08212031:902:19:08 supervisor.scort: вызов guard;

08212031:902:20:12 supervisor.guard: выбор способа воздействия выполнен;

08212031:902:20:13 supervisor.guard: itype = 2C4SNY7ASSLMB3;

08212031:902:20:14 supervisor.guard: вызов процедуры воздействия;

08212031:902:21:45 supervisor.guid: выбор типа подсказки выполнен;

08212031:902:21:45 supervisor.guid: ptrn = YTMRSIFTS;

08212031:902:21:46 supervisor.guid: подсказка запущена.

Парень приостановился, повернул ко мне голову, открыл глаза, и челюсть у него отвисла. Он закрыл глаза и снова открыл, шумно дыша через рот, и стал вдруг дёргаться, пытаясь высвободиться, но я крепко держал его за рукав.

— Мне всего-то надо узнать… — начал я, но не договорил. С парнем творилось что-то странное. Глаза закатились, он больше не пробовал высвободить руку, как-то обмяк и вдруг запел громко и довольно немузыкально:

— *One day you'll find that I have gone…*

— Эй, эй! — попробовал я вернуть его к реалу. — Друг, как пройти в гипермаркет?

Но парень вместо ответа двинулся вперёд, виляя бёдрами, и продолжал голосить:

— *But tomorrow may rain so I'll follow the sun!*

Не знаю, что он этим хотел сказать, не силён я в языках, когда нарукавник выключен. Кажется, он нёс что-то о прогнозе погоды на завтра. Я тащился следом, держась за рукав. Слава рыбьим яйцам, никто не обращал на нас внимания, а то решили бы, что я клею педика.

— Приятель! — взмолился я, но он неожиданно дёрнулся так, что пришлось мне выпустить рукав его куртки, указал вперёд и вверх пальцем и пропел на ходу:

— *Yes, tomorrow may rain so I'll follow the sun.*

Я машинально проследил, куда он показывал, и увидел в торце платформы огромную нанодиодную надпись: «Завтра может пойти дождь». Она повисела, мерцая, над перроном и погасла, уступив место следующей строке: «Посетите Гипермаркет-17 сегодня!»

Парень успел уйти вперёд, но я слышал, как он надрывается:

— *Yes, tomorrow may rain so I'll follow the sun.*

И тут же на стене зажглось оранжевое солнце с надписью «Гипермаркет-17», а ниже: «Следуйте за солнцем». Ниже надписи

сияла гигантская оранжевая стрелка указателя. Направо.

«Годмод! — подумал я и, оставив сумасшедшего вокалиста, свернул по стрелке. — Вовремя эта реклама подвернулась». Полезная штука рекламные надписи, я считаю.

По короткой трубе перехода меня вынесло на поверхность, выбросило возле одной из гигантских колонн, и я впервые увидел в реале тусклое голубоватое сияние неба Нижнего Города. Несколько секунд стоял, раззявив рот и запрокинув голову (там, откуда сияние, — Верхний Город!), потом меня толкнули в спину, я поспешил убраться с прохода и приметил неподалёку между двумя колоннами оранжевый купол, похожий на закатный солнечный диск. Над жерлами входов — шары в человеческий рост, на шарах — буквы. Я прочёл: «Гипермаркет-17».

Глава вторая

Даже передумай я идти туда, вывернуться из людского потока не получилось бы. Меня внесли в арку под шаром с буквой «П», притиснули к ограде, пропихнули через вертушку, причём прошёл я внутрь, крепко обнявшись с худосочной афрокожей девицей баскетбольного роста. Мы с ней ухитрились вдвоём оказаться между крыльями турникета, и голова моя была как раз у неё под мышкой. Не женщина — мечта лесоруба. Два с половиной метра костей, жёсткая, как шведская скамейка, и держала крепко. Но всё-таки я вывернулся, потому что опасался, как бы она не приняла мою голову за мяч и не попыталась уложить в корзину.

Оказавшись внутри, я почувствовал себя свободнее — здесь не так пихались, — и принялся искать, где у них кафе, но, глянув мельком на стеллажи, забыл на время и о кафе, и о Салли. Только не смейтесь, вспомните — я не был в гипермаркетах ни разу. Жрачку, шмотки и прочее мы покупали по Сети, в магазинах бывали нечасто. Сказать по правде, несколько раз всего заезжали, и не в магазины, а на фермерский рынок. Там сразу понятно, что лежит на прилавке, а если непонятно — позади ящиков обязательно трётся сам фермер с вот такой вот ряхой, он объяснит. Потому я и оцепенел слегка, когда увидел на стеллажах ряды белых одинаковых коробочек без надписей. Ни ценников, ни картинок — ни-че-го. А эти снуют мимо с тележками, хватают коробки, не глядя, да и вообще, кого ни возьми — у всех глаза закрыты. Какая-то тётка лет тридцати мне по ногам тележкой проехалась, схватила коробку, подумала, выложила обратно, потом ещё подумала, пошевелила пальцами в воздухе и с соседней полки стащила две такие же коробки. Кивнула с довольной улыбкой, промычала: «Теперь для Лёшеньки…»

— Извините, девушка, — говорю ей. — Можно вас побеспокоить? Вы не подскажете…

— Господи! — простонала она в ответ, не открывая глаз. — Как же достали эти промоутеры! Я из-за тебя забуду… Где твоё окно, чтоб я закрыла сразу?

А сама озирается с закрытыми глазами и указательным пальцем в воздух тычет.

— Понимаете, девушка, в кафе гипермаркета… — начал я объяснять, почему докучаю, но она перебила с досадой:

— Так это реклама кафе! То-то я смотрю. Где окно твоё?! Опять эти сволочи плавающее повесили, чтобы искать подольше. Спамеры драные.

И — тык! — пальцем чуть ли не в глаз мне.

Тут уж я обозлился. Схватил её за руку, выругался, не помню как, но, думаю, крепко. Она, наконец, догадалась раскрыть глаза, визгнула и, пока я потирал царапину на щеке, вырвалась, подхватила тележку и дунула вдоль ряда, аж колёса затарахтели. Я поплёлся следом, не пытаясь больше ни с кем заговаривать. Решил: обойду весь этот сарай, но кафе найду. Шёл и думал: странное существо — человек. Ко всему привыкает. Я вот, к примеру, утром ещё и не представлял, как буду в одном вагоне с чистокожими ехать. А теперь вокруг тысяч двадцать, если не больше, чистокожих чипованных айдиотов, а мне хоть бы хны. Сам с ними заговариваю, и они мне отвечают. Я ещё раз потёр щёку. Нехило царапнула, гарпия. А если б там глаз? Толку, правда, от глаз мало, когда ни одной надписи. Непонятно даже, был я за тем вон поворотом или ещё нет?

Но когда я повернул, понял — нет, не был. В конце ряда двери. «О! — думаю, — вот это и есть кафе. А что надписей нет, так их здесь нигде нет». Сами понимаете, не мог я сдержаться, чуть не бегом проделал остаток пути, рванул дверь… Нет, не кафе это было. Обыкновенный толчок, только большой очень. Я собирался сказать в дверь какую-нибудь гадость и вернуться к поискам, но сообразил — торопиться не надо, мне ведь есть, что делать внутри, раз уж так получилось. Тогда в вагоне не вышло ничего из-за трахнутого в мозг деда, но не во всякой же кабинке у них тут сидят обдолбившиеся наркоды, вон сколько дверей. Я распахнул первую попавшуюся и вошёл.

Нет, вы не подумайте, что я вам потому всё это так подробно рассказываю, что мне нравится снимать штаны на публику. Не люблю я это дело и порнуху поэтому не уважаю. Просто иначе вы не поймёте. Дверь кабинки за мной закрылась, чмокнул магнитный замок, прямо перед глазами зажглась надпись: «Садитесь, пожалуйста», — и открылась крышка унитаза. Вообще-то я и стоя могу, но раз приглашают… Уселся я, значит, а сам думаю: ну, хоть это дело чипанутые с открытыми глазами делают. И точно, прямо перед глазами на двери надпись: «Приятного отдыха!»

— Ага, — говорю, — спасибо. Забыли только напомнить, чтоб ремни пристегнул.

Но мне ничего не ответили. Когда я встал, надпись на двери погасла, а выше, как раз против глаз, появилась новая: «Спасибо, что зашли, госпожа…» — дальше был пробел, должно быть, для фамилии. Пока я соображал, откуда сортир должен знать, как меня зовут и почему обозвал госпожой, сзади зашумела вода, дверь пискнула, и на ней возникло: «Оплатите, пожалуйста,

посещение».

— Предупреждать надо, — буркнул я мрачно, и тут только до меня дошло, в какую попал засаду. Нарукавник включать нельзя, а даже если бы и было можно, — откуда мне взять реквизиты, куда платить? Я толкнул дверь, но без всякого проку — заперто.

— Распорядителя позовите! — крикнул я и навалился на дверь всем телом. Какое там, даже не скрипнула. Тут-то меня и переклинило. Орать стал, не помню что; кажется, колотил кулаками; может быть, и ногами добавил. Короче, закончился этот квест просто: шаря по дверной панели, я нажал на пластину возле замка…

08212031:925:54:33 supervisor.scort: фиксация объекта выполнена;

08212031:925:54:34 supervisor.scort:: вызов guard;

08212031:925:55:06 supervisor.guard: выбор способа воздействия выполнен;

08212031:925:55:06 supervisor.guard: itype = 0 °CTCHUBC4XXX;

08212031:925:55:07 supervisor.guard: вызов процедуры воздействия;

08212031:925:56:45 supervisor.guard: вызов clear.db <Андрей Нетребко>;

08212031:925:58:03 supervisor.scort: вызов guid;

08212031:925:58:34 supervisor.guid: выбор типа подсказки выполнен;

08212031:925:58:34 supervisor.guid: ptrn = standard.chrt <Андрей Нетребко>;

08212031:925:58:35 supervisor.guid: подсказка запущена;

08212031:925:59:59 supervisor.scort: flag = object-ready;

08212031:926:00:01 supervisor.scort: управление передано supervisor.root;

08212031:926:55:12 supervisor.root: выбор сценария выполнен;

08212031:926:55:12 supervisor.root: scntype = PROMOTION_TRT;

08212031:926:55:13 supervisor.root: запуск обработки объекта выполнен.

…и дверь снова пискнула. Я не сразу понял, что произошло, только когда по дверному полотну побежали буквы, сообразил, что угодил ладонью в пальпатор. Я пнул дверь ещё раз, но слабо, просто не успел ещё успокоиться. Ясен герц, она не открылась. Тогда я стал читать письмо сортира-рэкетира. Букв там было много: «Уважаемый Андрей Нетребко! Вы непредумышленно

нарушили пункты 3.14.1, 3.14.2, 3.16, 9.20 Правил пользования магазина для чип-модифицированных граждан «Гипермаркет-17». Вы игнорировали правила эксплуатации мест общего пользования (женский туалет) и осуществили несанкционированный доступ к санитарному оборудованию корпорации «Гипермаркет». Согласно Уставу корпорации и на основании статей ГК (юридическое обоснование отправлено Вам в электронном виде), с Вашего расчетного счёта будет удержан штраф в размере…»

— Ни фига себе! — вырвалось у меня, но я всё же стал читать дальше:

«…безакцептно. На основании Закона о защите личной информации данные о факте нарушения внутренних правил корпорации «Гипермаркет» разглашены не будут в случае, если Вы не сочтёте нужным оспорить действия корпорации в судебном порядке. Считаем долгом предупредить Вас, что повторное нарушение Правил будет расценено как предумышленное деяние и может повлечь за собой административную ответственность.

Оставайтесь, пожалуйста, на месте до прибытия представителей службы внутренней охраны».

Ниже подпись: «С уважением, администрация магазина для чип-модифицированных граждан». Ещё ниже я прочёл: «Чип вам в помощь!» К чему последняя надпись, я тогда не понял, потому что зол был на всё и всех и на себя в первую очередь. Оставайтесь, говорят, на месте! Жулики. Хотел бы я сойти с этого самого места! Я саданул в дверь кулаком ещё раз, уселся на крышку унитаза и стал ждать прибытия представителей.

Явились они быстро, но не представители, а представительницы. Смех, да и только. Открывается дверь, а там две бабы. Здоровенные. И обе мне показывают: выходи, мол. Прямо как члена правления меня у дверей толчка встретили и повели под локотки. Я не рыпался, интересно же — куда потащат. А у входа что творилось! Когда заловили меня, система безопасности, надо думать, блокировала и входную дверь тоже; очередь там выстроилась из чип-модифицированных гражданок просто невразумительная. И уж они-то, будьте спокойны, глаза открыли, чтоб посмотреть, как меня поведут. И шипели одна другой, видно было — с большим наслаждением:

— До чего дошло, нигде от маньяков нет спасения!

— И не говорите. Слушать не хочу. Куда смотрит полиция?

— Слышишь меня, Серёжа? Я возле туалета. Тут поймали хакера…

— Какого хакера, что вы несёте, девушка?

— Не мешайте, я не вам. Серёжа…

— Ха-акера! Такое придумают. Обыкновенный маньяк.

— Ты что, не поняла ничего? Ты меня удивляешь, Натка. Он е-нод. Известный дилер. На горячем поймали.

— Ха! Насмешила. Наркод обычный.

— Какой наркод?! Натка, поменяй прошивку, а то так и останешься… Посмотри, какой волосатый!

— Ну и что?

— А то. Где у него фидер, а? Нету. Он такой же наркод, как я — Салли Энн.

— Да, не очень ты на неё похожа, — критически заметила та, которую назвали Натой. До меня слишком поздно дошёл смысл услышанного, я оглянулся, но понять, кто из них сказал о Салли, так и не смог. Попробуйте запомнить кого-нибудь в огромной очереди из лысых женщин — они и спереди-то на одно лицо, одеты только по-разному. Да и без толку, в общем-то, запоминать, охранницы своё дело знали, держали за локти — не вырвешься, и уверенно тащили куда-то.

— Девушка, — сказал я той, что охраняла мой правый локоть. — Не зайти ли нам в кафе? Выпили бы по коктейлю, поболтали бы…

Говорю, а сам думаю: «Нужна ты мне, корова. Мне бы в кафе попасть, а там посмотрим. Времени уже скоро десять часов». И тут меня осенило. Какой коктейль, если она чипанутая? Она же одну фуду глотает, а для вкуса и тому подобного у неё код с чип-карт! Какое вообще здесь может быть кафе, если этот оранжевый сарай только для чипанутых? Что они там, фуду через трубочку посасывают? И стали меня грызть сомнения. Как же Салли мне встречу в кафе назначила? Она, что же, — не знала? Так ведь говорила, что чуть не каждый день там бывает… Здесь, то есть в этом самом дупермаркете. Чипанутая она, что ли? Я помотал головой, чтобы вытрясти сомнения, и прикусил язык. Решил помалкивать и к охранницам с предложениями не подъезжать, пока не выяснится, чего им от меня нужно. Но им, похоже, по фидеру было, говорю я или молчу.

Протащили меня через весь торговый зал к стеклянной перегородке, за которой деревья, кусты и какие-то палатки или лотки, подождали, пока стекло уедет в сторону, подпихнули в спину. Я почувствовал — локти свободны, но только собирался спросить у суровых тёток, что всё это значит, стеклянная перегородка стала на место.

— Э! — кричу и пальцем в стекло постукиваю. — Так мы не договаривались! У меня в кафе встреча!

А одна из охранниц постучала маникюром себе по башке, точно как я по стеклу, и показала надпись на перегородке. А на ней: «Вход только для персонала. Приготовьтесь к чип-досмотру!»

Я сплюнул и повернулся к ним спиной. Чип им в помощь, думаю.

И оглядеться не успел, какие-то ко мне подскочили в оранжевых с белым одеждах и стали меня хватать за локти. Да что ж такое, думаю, сегодня проходу мне не дают!

— Молодой человек, вы естет? Не заполните ли анкету? Нам очень важно ваше мнение! — и давай мне в три голоса втирать, как им важно моё естетское мнение, и тянуть меня за рукава в разные стороны. Симпатичные, между прочим, девчонки, такие светлокожие блондиночки, все как на подбор мелкие и шустрые. С рекламными улыбками. А я что? Если моё мнение так важно… Ну и дал себя затянуть в одну из палаток. Той блондинке поддался, которая спросила, не хочу ли я вернуться в гипермаркет, потому что всё ещё надеялся попасть внутрь и разыскать там Салли.

Как эта беленькая в палатке стала меня обхаживать! Кресло придвинула, дождалась, пока я в него плюхнусь, склонилась, ладошку свою мне на локоть, хлоп-хлоп ресницами и спрашивает, удобно ли. А у самой оранжевая хламида на груди разъехалась, какое уж тут удобство. Сглотнул я и говорю ей, мол, всё путём. А у самого голова кругом. Она руку с локтя не убирает — ноготки её кожей чувствую, — и при этом как-то ухитряется придвинуть второй стул — для себя, и усесться рядом, на краешек. И коленками ко мне вплотную.

Ну, сами понимаете, я расслабился. Развалился в кресле и стал ждать продолжения. А вы что сделали бы? Сбежали бы от неё? Правильно, и я бы сбежал, если б знал, чем эти сопли в сахаре кончатся. Но опомниться мне не дали. Откуда ни возьмись у неё в руках появилась стопка бумаги, потом блондинка добыла из ниоткуда ручку и стала задавать вопросы, но при этом не забывала прижиматься коленками, хлопать глазами, наклоняться, демонстрируя свои прелести, и говорить с придыханием. Мы с ней мигом добрались до середины её вопросника. И фамилию она из меня вытянула и адрес; кажется, даже айди Андрея Нетребко и его мэйл ей стали известны, но за это не поручусь, просто не помню. Когда я немного пришёл в себя, каверзные вопросы уже кончились, пошла всякая чушь. Что мне понравилось и что не понравилось в гипермаркете, какую я могу поставить оценку по стадвадцативосьмибалльной шкале за их такой-сякой сервис-швермис, от кого и как я узнал об их оранжевом сарае, — в общем, пошла пурга по трубам. Но когда она услышала о Салли Энн, началось самое интересное.

— Салли Энн? — говорит и совсем уж близко придвигается.

— А вы с ней знакомы? — спрашиваю, а сам думаю: «Что она творит?» Было чему удивляться. Она запустила пальцы мне в

волосы и говорит:

— Конечно. Так вы к ней приехали? — а руку не убирает. Коготки её у меня на затылке.

Я чуть было не брякнул: «Нет, к вам», — но спохватился. Прозвучало бы глупо. Отдулся и отвечаю:

— Да, мы должны были встретиться в кафе гипермаркета. Меня выставили оттуда за то…

Но она не слушала, что я бормочу. Перебирала мои волосы, а потом спрашивает:

— И вы хотите туда вернуться? — и прямо в глаза смотрит. У меня озноб прошёл по загривку и зашумело в ушах, что ответил, не помню. Перед глазами оказался лист с мелким текстом, в руках — ручка, и слышу, мне щекотно говорят на ухо: «Тогда подпишите здесь». Странно, что я нашёл в себе силы спросить: «А Салли?» Мне ответили: «Подписывайте, и я вас с ней сведу».

И я подписал не глядя. Понимаете, не до того мне было, чтоб читать десять листов мелким шрифтом.

Сзади что-то зашуршало, сквознячок подул в затылок, и в палатке стало светлее. Потом женский голос проговорил довольно громко: «Всё в порядке, приступайте». Я даже не сразу узнал, что это та самая блондинка, потому что ничего приятного в её голосе больше не было. Сухо она это сказала, как будто собаке своей: «Ко мне! Фас!» Я обернулся узнать, к чему приступать-то, и вижу — полы палатки распахнуты, в проёме — задница машины, такого фургона, в каких медики ездят. Причём двери уже открыты, и лезут из них два амбала в белом. Вернее, один лезет, а второй вылез давно. Всё, как в тридцать втором клипе сериала «Доктор Смерть», только без музыки. В голове у меня по-прежнему шумело и никаких мыслей не было, кроме идиотской: «К чему приступать?!» — но уж её-то успел я прокрутить на разные лады. И тут заметил в руках у второго брата милосердия белую штуковину в виде пистолета.

— Что за фигня?! — спрашиваю, а сам уже на ногах. Не заметил, как вскочил. Но отвечать мне никто не собирался. Пошёл экшн. Башка моя как была в спящем режиме, так в нём и осталась, за дело взялся спинной мозг. Помню, мелькают затянутые в белое руки и ноги, причем их почему-то гораздо больше, чем должно быть, как будто не двое на меня накинулись, а четверо, по меньшей мере. В какой-то момент из мельтешения вынырнуло дуло белого орудия пытки, я увидел явственно множество мелких игл с дырочками. От ужаса я даже кричать не смог. Схватился за ствол руками, вывернул в сторону и ткнул во что-то мягкое. Оно взвыло дурным голосом, после чего мелькание кончилось.

Встряска пошла моему организму на пользу — вытряхнула сладкую дурь. Очнулся. Стою на коленях, прямо передо мной валяется один из медбратьев, чуть в стороне от его чистокожей башки — белая шапочка. Лица его не видать, только затылок с бляшкой фидера, а из бляшки торчит хлыст. Антенна. С мозгами моими не всё в порядке было, точно вам говорю. Иначе как объяснить, почему мне захотелось свинтить с фидера антенну и разглядеть получше. Потянулся я к ней — рука заболела. Потом вспомнил о втором амбале. Он-то куда делся? Поздно вспомнил.

Что-то сдавило шею, меня сунули лицом в тёплое и шершавое, чуть не сломав нос; так наступили на спину, что перехватило дыхание, и принялись выворачивать руки. Больно же! Кажется, я заорал, но не от боли, а просто сообразил: тёплое и шершавое — это спина того чистокожего, об него мне плющат нос, к нему прижимают так, что ни охнуть, ни вздохнуть. Крик, конечно, не получился. Через какое-то время я понял, что снова могу дышать, открыл глаза и успел заметить, как мелькнули справа и слева распахнутые двери машины. Рывком надвинулся ребристый пол, я услышал грохот и крик, меня садануло в лоб и по коленям. Но только лишь когда хлопнули двери и стало темнее, я осознал: кричал я сам, именно у меня под щекой ребристый грязный пол, значит, не кого-нибудь, а меня, Андрея Нетребко, швырнули в фургон, как куль с песком.

Думаете, я попробовал вырваться, двери высадить? Не угадали. Говорю вам, крышу мне сорвало, сто процентов. Сел на пол, прислонился боком к жёсткой кушетке и давай крыть матом, но только не санитаров, до них ещё не дошла очередь, а девку оранжевую, за то, что затащила меня в палатку. Палатке тоже досталось, но мимоходом. Главным образом моё выступление затрагивало вопрос происхождения девицы в оранжевом, разные стороны её внешности и внутренностей. Помянуты были также её душевные качества и сиськи. Я подробно помню, о чём именно вопил, но пересказывать не буду.

Накричавшись, я обнаружил, что стою на коленях у перегородки между кабиной и салоном, вцепившись в частую стальную решётку. За решёткой — пустые кресла: водительское и пассажирское. Машина, судя по виду панели, — электрокар с управлением для чипанутого водителя. Мне уже приходилось видеть такое — ни руля, ни педалей. Если вдуматься, чипанутому они не нужны, даже мешали бы.

Я не знаю лучшего средства для отрезвления, чем холодные прутья решётки между пальцами. Мне оно тогда помогло. Я подёргал решётку, больше для порядка, чем из желания сломать, справа звучно щёлкнуло, но не мои потуги были тому виной,

просто открылась пассажирская дверь. В лицо дунуло прохладой, и вдруг над спинкой сиденья возникла блестящая лысина с хлястиком. Машину качнуло, в кабину сунулась ещё одна лысина, и я услышал недовольное хрипловатое ворчание:

— Говорил тебе, не суйся под руку. Энтузиаст. Таскай тебя теперь.

Одна из лысин, поворочавшись, утвердилась над спинкой кресла и прижалась к решётке, вторая скрылась. Стукнула дверь.

Пока я тупо разглядывал хвост антенны чипанутого энтузиаста, просунутый между прутьями, снова щёлкнул замок, на этот раз слева. Машина опять присела на амортизаторах, и тот же хриплый голос проговорил с ещё большим раздражением:

— И ещё я тебе говорил, проверь парализатор. На тебя, дурака, заряда хватило, а этого как? Брыкается же гадёныш мохнатый, мне халат порвал.

Это он обо мне, думаю. Меня гадёнышем назвал. Я, значит, брыкаюсь.

Чувствую, сейчас меня переклинит, опять наломаю дров. Но медбрат на меня ноль внимания, устраивается в кабине и чем-то там щёлкает на панели, бурча под нос:

— Тебе ничего, а мне теперь борт вести. А я в этом деле, как ты в анестезии. Что тут ещё врубить нужно, чтоб радар видеть?

— Долбозавр дятлоголовый, — говорю ему я. От ненависти меня таращит не по-детски. — Не умеешь — не берись. Таких как ты, ламеров, к машине близко подпускать нельзя.

— Мохнатым слова не давали, — отозвался санитар и — шарах! — кулаком в решётку. Я отшатнулся, но больше от неожиданности. Попало не мне, а его приятелю, аж голова дёрнулась, только тому это было глубоко по фидеру, потому как всё равно без чувств. «И я вот так же мог валяться, если б не кончился заряд в парализаторе», — подумалось мне, и тут я додумался наконец, что пора бы попробовать выбраться из машины. Бросился к дверям, задёргал ручку.

— Да, обезьянка мохноголовая, попрыгай там, можешь даже побиться своим безмозглым кокосом об двери, — злорадно бросил через плечо чистокожий.

— Выпустите меня! — кричу. — Яйцеголовые твари! Вы не имеете права! По конституции…

— О! — слышу в ответ. — Ты понял, Нил, какие эта мартышка слова знает? Конституция!

Меня как холодным душем окатило. По тону понятно, чихать они хотели на мои права. Я бросил ручку двери и кинулся к решётке. И тут же услышал, как заныл двигатель. Электрокар дёрнулся, меня бросило на пол. Ползать на четвереньках стрёмно,

но мне уже было всё равно, как я выгляжу. Куда они меня везут? Зачем?

— Что вы хотите со мной сделать? — спросил я, цепляясь за решётку. Машина шла по узкой дороге, петлявшей между островками чахлой зелени, и резко поворачивала то вправо, то влево.

— Не мы хотим! — фыркнул водитель. — Ты сам мечтаешь о срочной чип-модификации.

Я глянул на него, как на сумасшедшего. Сбоку было видно — глаза закрыты, только головой покачивает. Налево наклонит — машину бросит влево, вправо кивнёт — мне приходится цепляться за решётку, чтобы не повалиться на пол.

— Я мечтаю, чтобы вы остановили машину! — сказал я ему твёрдо.

— Серьёзно? — переспросил он.

— Серьёзно.

— Вот оно как, — протянул он и повернул ко мне голову.

Я еле на ногах устоял.

— М-мать! — выругался чипанутый водитель. — Из-за тебя чуть в столб не вмазал! Не мешай, а то привезу три трупа, а трупы не чипуют. И мечта не исполнится.

— Какая мечта?

— Да твоя же, которая в договоре, чёрным по белому.

— Не подписывал я никакой договор, — сказал я не очень уверенно, потому что кое-что уже понял. От понимания у меня затряслись поджилки и пересохло во рту.

— Ну, как же не подписывал? У нас с этим чётко. Если сомневаешься, можешь после операции посмотреть протокол твоей беседы с промоутером.

— Я её мозг видал! Вашей промоу… шлюхи оранжевой! — обозлился я, припомнив, как она меня обмишулила.

— Это она тебя видала. Прямо в… ха-ха! В твой глупый мозг, — хохотнул водитель и даже башкой закрутил от удовольствия. На этот раз я не устоял на коленях. Когда этот горе-водитель выровнял машину, он попросил:

— Заткни оральное отверстие. В тоннель въезжаем.

И тут же спереди надвинулась тьма, она слизнула зелёную пену кустов и стволы деревьев, мелькавшие по обе стороны дороги. Синеватое сияние Нижнего Города померкло. Некоторое время я не видел вообще ничего. Ехать в кромешной темноте — удовольствие ниже среднего, если знаешь, что машину ведёт нуб, который и радар-то включить с первой попытки не может. Я судорожно цеплялся за решётку, ожидая, что следующий поворот окажется последним. Мало-помалу глаза привыкли к темноте.

Приборная панель едва светилась, во мраке проступили контуры головы того санитара, который принял на себя заряд парализатора. Вскоре я смог различить даже косицу антенны, по-прежнему торчащую в грузовой отсек. Не знаю, что на меня опять нашло, но я стал выкручивать её из фидера. И выкрутил. С полминуты ощупывал упругую колбаску, потом меня передёрнуло — мерзость какая! — и я бросил антенну на пол. Ничего не случилось. Нулевой результат. Парализованный санитар валялся бревно бревном и только головой пошевеливал на поворотах.

Я глянул на водителя. Тот откинулся в кресле и тоже упёр затылок в решётку. «Чего у них сидушки без подголовников?» — спросил я себя. И сам себе ответил: «Это чтобы антенна не мешала». Косица водителя торчала между прутьями, как хобот слона. Клянусь, я начал её отвинчивать без всякой цели, никакого плана у меня не было. Просто хотелось учинить какую-нибудь пакость, и этим выразить протест. Когда антенна оказалась у меня в руках, я подумал: неплохо бы позлить чипанутого, чтобы заставить его остановить машину и открыть двери, но мысль была мимолётной, лавина событий смела её в один момент.

— Я ничего не… — растерянно проговорил водитель и пригнул голову, как будто пытался рассмотреть что-то на приборной панели. «Фа-а! Фа-а! Фа-а!» — отозвалась панель и замигала красной лампочкой. Меня потащило влево; пришлось снова вцепиться в решётку, я вгляделся во тьму, и в ту же секунду она нанесла удар.

Меня бросило на решётку, выворачивая пальцы, ударило, хлестнуло по лицу мелким стеклянным крошевом, потом оторвало от прутьев, но миг спустя снова швырнуло на них спиной. Дыхание отшибло; разевая рот, как выброшенная на берег рыба, я попытался нащупать, за что схватиться, но меня бросило плашмя на жёсткое и я потерял сознание.

Первое, что увидел, придя в себя, — заднюю дверь электрокара, висящую криво, на одной петле. Странно она выглядела, я даже сначала не понял, в чём дело, но, ощупав жёсткое и холодное под собой, сообразил, что машина лежит на боку. Второй двери просто не было, в проёме — что-то серое, освещённое рассеянным светом. Обнаружив, что меня больше не швыряет как попало, я стал на четвереньки и выполз наружу. Уже поднимаясь на ноги (правая болела в колене), заметил, что в ушах звенит и поэтому ничего не слышно. Я выпрямился и помотал головой, чтобы вытрясти звон, но всё вокруг поплыло и перекосилось. Думаю, на этот раз я не упал, но то, как очутился по другую сторону от искорёженной машины, вывалилось из памяти напрочь.

Помню смятую в морщинистый блин автомобильную морду метрах в десяти, припоминаю, как сидел, опираясь на кулаки и бессмысленно пялился на проносящиеся мимо электрокары, ни дать ни взять — лузер, стративший на первом круге «Death Car». Потом появился звук. Что-то гнусно завывало в недрах разбитого фургона. Когда очередная машина выпрыгивала из тьмы, в лицо било воздухом, и на мгновение рёв и свист шин перекрывал остальные звуки. Разбитые в кровь костяшки пальцев болели, я сел ровнее и попытался понять, что за неудобная штука зажата в моей левой руке. Это была антенна. Так и не выпустил её, пока меня болтало как шарик в погремушке.

Я вскочил на ноги, собираясь броситься к машине, но когда увидел ещё раз задранный кверху мятый металл в том месте, где раньше было лобовое стекло, понял — там два трупа.

Стыдно вспоминать, что со мной случилось дальше. Будь на то моя воля, и сам бы забыл, и вам не стал бы рассказывать, но раз уж решил — начистоту, нечего пальцы в ботинках поджимать. Два трупа, понимаете?! И виноват в этом я, как ни изворачивайся. В моих руках дурацкая антенна.

Правда, когда я оглядел свои руки ещё раз, антенны у меня уже не было, выбросил, должно быть. Так она и осталась валяться на бетонке; потом, наверное, аварийщики подобрали, когда разгребали это дерьмо. Я слышал за спиной их сирену, выбираясь из тоннеля. Шёл, хромая на правую ногу, и бормотал всякую чушь:

— «Death Car», капсула смерти. Два трупа, а обещали привезти три. Обезьянка потерялась. Антенну спёрла…

Это показалось мне смешным, сами понимаете, был не в себе. Послушал я свой сиплый хохот и вот тогда-то глянул на руку ещё раз. Нет антенны. Я оглянулся. Какие-то огни, и воет сирена.

— Спёрла и потеряла, — сообщил я огням. — И сама потерялась. Была, и нету.

Сделав это ценное заявление, я снова посмеялся и ускорил шаг, почти побежал, подволакивая ногу. Свет впереди становился всё ярче, больше не нужно было придерживаться за слизкую стену, я обтёр пальцы об штаны и провёл по мокрому лицу рукой. И удивился безмерно — ладонь стала красной и липкой, а по лбу и щеке тирануло, словно бы не рука у меня, а железная щётка.

— Мордой в битое стекло, — сказал я громко. — Всех, кто не знает слова «конституция», мордой в битое стекло. Сами виноваты. Ловить в сортире!.. Сиськи… Всем скручу антенны!

Тоннель неожиданно кончился, я ненадолго ослеп от яркого света, некоторое время ещё брёл, ощупывая шершавое ограждение левой рукой, и нёс вслух несусветную герцовню, но

вскоре в синем ровном сиянии проступили контуры домов, и я увидел выползшее из-под земли шоссе и шарики древесных крон над живой изгородью. Ну что необычного может быть в городском квартале, рассечённом скоростным шоссе? Не сразу я понял, почему он был похож на декорацию. Колонны. Кто не видел — не поймёт. Низкое небо города поддерживали ряды колонн; стрела шоссе не вонзалась в горизонт, а растворялась в мутной сиреневой дымке. Я сам был рыбой, а колонны — якорными канатами гигантского плота, слишком неповоротливого, чтобы качаться на волнах.

Встречные шарахались от меня с рыбьим проворством, очень скоро я понял, в чём дело. Они не были чип-модифицированы. Обычные граждане, спешащие по своим делам с открытыми глазами, не чистокожие причём. Понятно, вид мой не вызывал доверия: физиономия в крови, руки и рубашка тоже, штаны разодраны на коленях, да и поведение моё к общению не располагало. После десятка тысяч лысых голов обычные человеческие хаера представлялись мне диковинными, и я пристально рассматривал головы встречных. Если прибавить к этому приобретённую после аварии манеру громко разговаривать вслух с самим собой, получится картина под названием «Маньяк на утренней прогулке». Потому они и пугались, особенно девушки. Я терпеть не могу, когда кто-нибудь начинает рассказывать, что он там думает, хочешь ты его слушать или нет. Папик мой такой фигнёй всегда страдал, особенно за рулём. Песни пел, рассуждал, даже придумывал на ходу дурацкие стишки. Вот не думал, что эта блажь ко мне пристанет тоже. Оказалось, заразное это дело. Скоро до меня дошло: если не хочу, чтобы кто-нибудь из особо нервных вызвал полицию, нужно свернуть туда, где не так людно, держаться ближе к витринам и не торговать таблом направо и налево. Боковой проезд подвернулся тут же. Я свернул туда, прошёл под растяжкой с вездесущим слоганом «Oil Over The World» и оказался на малолюдной торговой улочке, похожей на разрез в многослойном торте. Держаться ближе к витринам получилось само собой, тротуары там были шириной в полшага. И, хоть кое-кто из редких прохожих, заприметив случайно мою образину, спешил перейти на другую сторону, дело пошло лучше.

— Е-бар «Лукоморье», — громко читал я надпись на витрине. — А посмотришь, так лучше б назвали мухоморьем. В е-баре нашем мухоморы, каких не сыщешь под забором. Самые забористые мухоморы в Нижнем Городе.

— Агентство по трудоустройству «Панель», — прочёл я, пройдя ещё несколько шагов. — Это интересно. Чего? Требуются

рабочие строительных специальностей. Нет, мы только ломать умеем, строить — это не к нам.

— Ресторан «Пир духа», — написано было на следующей броской вывеске красными светящимися буквами по серой стене, но заходить я не стал, потому что объявление на двери предупреждало: «Обслуживаются только чип-модифицированные граждане».

Я миновал японский ресторан «Палочки», салон красоты «Гея», ателье афрокожи «Нефертитьки», закрытый на реконструкцию магазин детских игрушек «Лошарик», облупленная вывеска которого призывала «играть в реале», и салон программного обеспечения «Е-бизнес Нью». Молодой человек, нанесённый на стекло нанодиодным способом, совал прохожим огромную коробку с дистрибутивом и подмигивал. У рта его парило небольшое облачко с короткой надписью «На!». «Е-бизнес, — было сказано в пояснении, — реальные деньги в виртуальном мире».

Не знаю, куда и зачем я шёл. По правде говоря, больше всего мне была нужна частная клиника, где бы обслужили в кредит по пальпатору, но на двери единственного в этом роде заведения под названием «I-bolit» висело объявление, что кастрация питомцев производится только по предварительной записи, а чип-модификация и вовсе временно приостановлена. Я не рискнул туда войти.

От рекламы рябило в глазах, хромал я всё сильнее, но что-то гнало меня вперёд, подальше от того места, где осталась разбитая машина.

— Юридическая консультация, — читал я уже не вслух, а едва шевеля губами. — Защита от хака. Обновление прошивки в соответствии с последней редакцией Закона о защите информации. Прокачай чип…

— Эй, псих! — окликнули меня сзади. Я почему-то сразу понял, что позвали именно меня, и обернулся. Какой-то заморыш в джинсовом костюме, рассевшийся на единственной ступени у двери юридической конторы, рассматривал меня с неопределённой улыбкой. Проходя, я не заметил его, потому что смотрел вверх, на вывеску.

— Не треб… — начал он, поднимаясь.

«Он знает мою фамилию!» — алярмом зазвенело у меня в голове, я резко развернулся и кинулся прочь, припадая на правую ногу. «Уже объявили в розыск?» — спрашивал я себя.

— Стой! — кричали сзади.

«Догонит», — подумал я обречённо.

— Да стой же ты, ненормальный! — услышал я совсем

близко. — Я только хотел спросить, не требуется ли тебе помощь!

— Фу-у-уф! — передохнул я, останавливаясь. Что-что, а помощь мне определённо требовалась.

Глава третья

Он ввёл меня в свою контору молча, пропустил вперёд, а сам приостановился на пороге и огляделся, как будто за ним гнались. Теперь я знаю, это была привычка, от которой он так и не смог себя отучить, но тогда, глядя, как он зыркает направо и налево, вытягивая шею по-птичьи, — и это на пороге собственного офиса! — я решил, что у юридической конторы проблемы покруче моих.

— Кэтчер, — представился он после того, как закрыл дверь на ключ. Нет, правда, в двери был старинный механический замок, мне такой раньше только в реал-видео встречался. Сто процентов, вид у меня был обалделый, потому он улыбнулся, глядя на меня сверху вниз, когда протянул руку — знакомиться. Попутно я отметил: заморышем он только кажется из-за невероятной худобы и сутулости. Называть себя мне не очень хотелось, потому, протягивая руку, я спросил:

— Кэтчер это фамилия? А имя?

— Просто Кэтчер, — ответил он, улыбаясь ещё шире. — Это ник. Я айдиот.

Улыбка у него была такая… Словом, мои подозрения растворились в ней, как глюкер в стакане с горячим тэ-дринк. Я подумал: впервые вижу человека, который с улыбкой называет себя айдиотом. Если тебя зачали без папы и мамы в концепторе и вырастили в инкубаторе, а вместо человеческого имени у тебя айди, радоваться нечему, я считаю. Но, как ни странно, тогда его признание окончательно убедило меня — нечего бояться Кэтчера, он не сдаст.

— Меня зовут Андре… — начал я.

— Тебе бы сначала подправить текстуру, — прервал он.

— Чего?

— Царапины промой. Пойдём, я дам тебе регена, кажется, у меня остался ещё.

В конторе Кэтчера имелась ванная комната. По правде говоря, его офис больше походил на разросшуюся квартиру; думаю, он и жил прямо там.

Пока я вертелся под душем, шипя от боли, хозяин юридической конторы домашнего типа бубнил за дверью, но разобрать слова я смог, только когда стал поливать свои ссадины регеном.

— …поэтому, — говорил он, — я никогда не спрашиваю, что за душой у клиента, слышишь, Андрэ? Всё разъяснится в процессе.

— Слышу, — отозвался я, а сам подумал: «Ник Андрэ мне не подходит. Лучше уж Эндрю или просто Дрю».

— Халат в шкафу, — сообщил Кэтчер. — Регена не жалей. Я жду тебя в кабинете.

Я и не жалел. Кожа от него натянулась как нанокомбик на заднице у Игэр Триэкс. Поразмыслив, я не стал надевать испачканную кровищей рваную рубашку и напялил халат. Какого герца жаться, если сам предлагает, может, он не выносит вида крови.

Рожа моя после регена выглядела нормально, по крайней мере, казалась пристойной, если рассматривать её в запотевшем зеркале, и я направился, куда пригласили, — в кабинет.

Там было дымно. Сначала я решил, что Кэтчер сжигает какие-то документы, но потом заметил в его руке белую дымящую палочку и почуял запах. У меня не слишком здорово с чутьём, но этот запах я узнать могу. Вы поняли, что это за штука была? Сигарета. Не будь мой отец естетом, я мог и не знать, что это такое. Богато жить не запретишь; если хочется переводить дикие бабки на дым и пепел, что тут поделаешь? «Лучше бы купил себе человеческий фантомайзер», — подумал я, кивая. Кэтчер скрючился перед развалиной, в которой я с большим трудом узнал старючий скрин, ещё плоский. Музейная редкость, девятнадцатый век, или когда их там делали? В скул-видео по истории науки за таким сидел старик Эйнштейн, только у Кэтчера скрин был побольше раза в три.

— Присаживайся, — сказал он, уткнувшись носом в экран своего электронного хлама, и указал сигаретой в сторону кресла. Кончик сигареты оставил в воздухе кольцо дыма, оно поплыло к потолку, лениво извиваясь. Я сел. Понаблюдав немного за действиями хозяина офиса, понял, что скрин у него вместо терминала Сети.

— Ну-с, сначала формальности, — объявил он, придвинув мне панель пальпатора.

— Много сдерёте? — спросил я мрачно.

— Хороший вопрос, — отозвался без улыбки Кэтчер. — Пока ничего, а дальше посмотрим. Я же ещё не знаю, какая смена тренда занесла тебя в наш квартал и где ты достал такую маску. Дай пальчики, надо заглянуть в твоё счастливое прошлое.

Я потрогал щёку — онемела и действительно была похожа на маску, — подумал, что без акцепта этот тип всё равно не сможет снять бабки со счёта, и приложил пятерню к пластине сканера.

— Вот теперь мы знаем, что тебя… — начал Кэтчер, но тут же перебил себя: — Господи!

— Что?! — Я испугался не на шутку, увидев, как вытянулась

его и без того длинная физиономия. «Клик за два, меня уже объявили в розыск!»

— Ничего, если не считать мелочи. Тебя нет, парень.

— Т-то есть как?

— Да так. Нет и всё. И не было. Сам посмотри.

Он отодвинулся от экрана, уступая мне место, но сделал это зря, в логах Системы я тогда разбирался не лучше, чем в е-тайском языке, а базы данных в табличном виде и теперь на глаз воспринимать не умею. Заметив это, Кэтчер стал объяснять, рисуя у экрана сигаретой дымные узоры:

— Смотри, вот здесь я скормил Системе твои пальчики. Не дёргайся, я в одностороннем режиме. Видишь, дуплекс-флаг сброшен? А вот она мне ответила, что пальчики не идентифицируются, и предложила проверить пальпатор. Это уже после того, как догги поискал в «аду». Среди мёртвых максимальное совпадение — видишь? — шестьдесят три с мелочью процента. А отпечатки эти с какого-то джепа сняли двенадцать лет назад, когда он откинул копыта в возрасте семидесяти лет. Это не ты был?

— Нет, — машинально ответил я, разглядывая таблицу с данными мёртвого японца. Потом до меня дошло.

— Так что же, я теперь и бабки со счёта снять не могу?

Кэтчер глянул на меня, как на умственно задвинутого, и спросил с большим удивлением:

— Это всё, что тебя беспокоит? Ты не понял? Кто-то стёр тебя из базы ко всем чертям; тебя теперь нет вообще, а ты — бабки… Бабки как раз… Сейчас, погоди, я прикину. Опердень ещё открыт. В глобальной Системе тебя уже нет, а вот банк, пока не синхронизирует базу клиентов с глобалом, будет выдавать по пальпатору…

Я его не слушал. Голова соображала туго, поэтому не сразу понял, что значит «меня нет». С одной стороны, здорово, что в розыск меня объявить не смогут, а с другой… Встретится замок с пальпатором, и привет. Попался. Поймают, как тогда в сортире. Домой не уехать — не везде же турникеты, только на заштатных станциях. Повсюду двери с дактилосканерами. Полезешь — привет. Опять попался. Налокотник… Я на автомате потянулся к рукаву халата, но вспомнил, что рубашку бросил в ванной. Всё равно от налокотника толку не будет, если меня нет в глобале. Кто-то помог мне сбежать от Системы, да так удачно! Теперь если предки попробуют со мной связаться, им вместо месаги «абонент недоступен» вывалят «абонент не существует». Как же Салли…

— Какая Салли? — переспросил Кэтчер. Оказывается, я выкладывал вслух всё, что думаю, не замечая того.

— Салли Энн, — говорю. — Мы должны были встретиться сегодня в гипермаркете в десять утра. Теперь если она…

— Салли Энн… — проговорил задумчиво Кэтчер. — Я так и подумал почему-то, когда тебя на улице увидел. Вот, думал я, идёт ещё один чудак с таблом разбитым; как пить дать, не обошлось без Салли Энн. Девочка-мечта. Саллиэн-алиэн.

— Ты знаешь Салли Энн?

— Кто ж её не знает? Впрочем, пардон. Ты же естет.

— Так же, как и ты, — буркнул я. Мне не понравился его тон.

— Я это я. Потому и знаю то, что знает каждый чип-модифицированный гражданин нашей прекрасной страны.

— Что же? — спросил я с вызовом. Храбрился, чтобы заглушить мерзкое предчувствие. Всё оказалось ещё гнуснее, чем я мог представить. Кэтчер пощёлкал клавиатурой дореволюционного терминала, и на экране появилась Салли, только не в комбике из нанокожи, а в смешном олдовом прикиде. Кажется, такая одежда раньше называлась платьем. Если вы смотрели древние плоские видео, вы знаете, о чём речь. Мне всегда казалось, что женщины в платьях похожи на воланчики для бадминтона. Но, хоть кожа у той девушки на фотке и не была чернёной, я готов поклясться, что это именно Салли.

— Так она выглядела пятнадцать лет назад, — нарушил недолгое молчание Кэтчер. — За месяц до смерти.

«До смерти она выглядела не хуже, чем после», — проговорил в моей голове тот ехидный малый, который иногда норовит глупо схохмить, когда вам меньше всего хочется смеяться. Это ошибка, думал я. Мы вчера встречались. После вирта болтали с полчаса. Утром от неё пришло сообщение.

— Никакой ошибки нет, — кивая, как дроид-официант, проговорил Кэтчер. Значит, я опять размышлял вслух.

— Ты вчера встречался с призраком, — продолжил он, — а утром получил от него сообщение. Что же касается вирта… Ладно-ладно, успокойся, мальчик, не кипятись. Отец у тебя есть? Отрадно слышать. Так вот, у твоего отца тоже не очень-то много шансов было стать для неё первым. Она была порнозвездой. После чип-модификации… Не дёргайся, сиди спокойно. Она зачиповалась в числе первых. Тогда это было модно и дорого. А через месяц погибла от передоза. Был скандал. Продюсер перед тем, как она умерла, вытянул у неё соглашение о передаче прав на образ; подозревали, что он же сам и подсадил её на полиморфеус, а потом хакнул. В защите старых чипов было полно дыр, сейчас с этим всё же получше. Скандал рассосался сам собой, и Салли вернулась в порно посмертно, только не в обычное, плоское, а в чипорно. На порниках с её участием целое

поколение выросло, мало найдётся чипованных парней моего возраста, кто ни разу с ней не…

— Перестань! — Я не мог слушать спокойно. — Даже если это правда, ты не имеешь права трепать в реале… Стой! Я встречался с ней в реале!

— С кем?

— С моей Салли!

Я не мог больше держать язык за зубами; выложил всё с самого начала, точно как вам, только не так подробно. Как увидел её в вокзальном е-баре, как искал в Сети, как нашёл и как мы договорились встретиться в Городе, чтобы жить вместе. Кэтчер не перебивал, кивал только изредка, но лицо у него было грустное.

— Что? — не выдержал я, прервавшись на полуслове. Вот тут-то и узнал самую главную гнусность.

— На вокзале ты встретил какую-то девушку, которая хотела быть похожей на Салли Энн. Таких среди естеток пруд пруди: насмотрятся палёного чипорева, потом пытаются воплотить в жизнь. Думают, их ужимки подействуют на какого-нибудь дремучего провинциала с бабками. Извини, я не хотел.

— А как же…

— Дальше было вот что, — жёстко прервал он, — ты начал искать по Системе и Система дала тебе то, что ты искал.

— Ты говоришь, мало есть придурков, которые с ней не виртовали, — процедил я сквозь зубы. — Почему тогда я сам, когда шарился по порнопорталам, никогда её не видел?

Я покраснел до макушки, как стартовый светофор в «Death Car». Нелегко признаться случайному знакомому, что до встречи с моей Салли мне случалось-таки иногда смотреть порно.

— Ты естет, мальчик, и смотрел лицензионные реалы. А Салли теперь играет только в чип-видео. Пиратам, правда, всё равно, чип или не чип. Из реал-видео сделать чип-поток нельзя, в обратную сторону — без проблем. Та красотка, которую ты встретил на вокзале, как раз контрафака и насмотрелась. А может быть, ей бодизайнер навешал лапши, что специально для неё разработал образ, а сам незамысловато спёр.

Должно быть, выглядел я паршиво, раздумывая над этими «приятными» новостями, и Кэтчер участливо спросил:

— Как тебя звали до того, как тебя не стало? Андрэ?

— Андрей Нетребко, — ответил я. Уже незачем было скрывать от него имя, понимаете? Показалось даже приятным представиться, чтоб он знал — перед ним не какой-нибудь айдиот без рода и племени.

— Ан-дрей Не-треб-ко, — бурчал он, тарахтя клавиатурой. —

Был нетребкой, стал невостребкой. Попробуем востребовать, может, разберёмся, что к чему и почему. Фас, догги… Что я вижу!

— Что? — спросил я, не обращая внимания на дурацкую шутку о невостребке, и глянул на экран. Какие-то строки.

08212031:654:01:13 watchdog: объект <Андрей Нетребко> обнаружен;

08212031:654:01:13 watchdog: вызов supervisor выполнен;

08212031:654:02:18 supervisor: установка режима invisible выполнена;

08212031:654:02:18 supervisor: вызван constructor, Image = SN…

— Тебя вели. Знакомая картина. Салли-червячок вёл тебя, нетребку. Смотри, вот он перехватил инфопоток с камер, загрузил своих резидентов в Систему и стал следить, чтоб ты не сбился с пути. Что с тобой случилось в семь-десять утра?

— В семь… Когда в монорельс сел? Старик ко мне прицепился.

Я рассказал о вредном старикане, не понимая, при чём здесь он.

— Дед-наркод? — переспросил Кэтчер. — Ошибаешься. Никакой он не наркод, скорее всего. Его просто убрали с дороги, чтобы пресечь коллизию. Мне уже приходилось встречать такие штучки. Вот, видишь эти три строки в логе?

— Убрали? Кто?

— Ребята, которые тебя вели. А может быть, не ребята, а просто… В последнее время червячки обнаглели, мне кажется, ими уже не управляет никто. Чего от тебя хотели?

— Я н-незнаю, — ошеломлённо выдавил я, припоминая странные утренние события. Дед-наркод. Потом странный парнишка в кепке. Надпись на табло, как будто специально для меня — с указателем. Супермаркет. Туалет-ловушка.

— Вот, нашёл! — торжественно объявил Кэтчер. — Где тебя поймали?

— В туалете, — буркнул я.

— Стоп. А вот это уже непонятно.

Я покосился на него. Нет, не место поимки так его удивило. Кэтчер таращился на экран и моего ответа, похоже, попросту не расслышал. Я глянул на выделенные строки протокола, но ничего не понял. Откуда мне знать, что такое «вызов clear.db…» и дальше моя фамилия? Вызов простецкого дебила Андрея Нетребко? Говорю же, в языках не силён.

— И на старуху бывает проруха, — шептал Кэтчер. —

Червячок в червячке.

— Не понимаю.

— Я тоже, — успокоил меня он. — Червячок Салли заражен. В тот момент, когда тебя поймали, поднял головку ещё один ворм. Перехватил управление и вытер тебя из базы. Те, которые тебя вели, после этого не смогли бы снять деньги с твоего счёта.

— А они хотели?

Я чемпион по дурацким вопросам, так что не удивляйтесь. Кэтчер, к примеру, не удивился. Попросту рассказал, что со мной хотели сделать. Чипануть и отобрать бабки, потом подсадить на е-дурь и заставить делать то, что нужно им. Только я не понял, кому это — «им», и тут же спросил об этом. Зря смеётесь, на Кэтчера я к этому времени смотрел, как на гуру. Интересно, как вы вели бы себя на моём месте.

Кэтчера мой вопрос вывел из равновесия.

— Не знаю, кто, — огрызнулся он. — Я же тебе говорил уже. Подозреваю, что не «кто», а «что». Система заражена снизу доверху, червяк на червяке. Что было дальше?

Ну, вы-то уже знаете о договоре. И что было после его подписания — тоже. Узнал и Кэтчер.

— Санитары? — переспросил он. — Какие к чёрту санитары! Ты таким же стал бы после чиповки. Плохи твои дела, Андрэ. Мне приходилось видеть подобные договоры. Они могут теперь чиповать тебя в любой момент, если поймают. В глобале тебя нет, но в их локальной базе кое-что о тебе могло остаться.

— Не называй меня Андрэ, — отругнулся я, с тоской спрашивая себя самого: «Что же делать?»

— Добро, не буду. Как же тебя называть, мистер Икс?

— Что мне делать, Кэтчер? — спросил я вместо ответа. Кэтчер молчал.

За окном кабинета шевелились бесформенные тени, будто кто-то пытался заглянуть внутрь. «Кусты всего лишь», — подумалось мне. Отвлёкся буквально на пару секунд; когда снова глянул на хозяина юридической конторы, тот сидел, откинувшись на спинку кресла, и на меня глядел с прищуром. Правой рукой он прикрывал нижнюю часть лица, словно придерживал слова, готовые сорваться с губ, или пытался скрыть улыбку.

— Что делать? — повторил я.

— Чиповаться, — был ответ. Моя реакция не удивила Кэтчера, он поспешил успокоить: — Чего ты вскинулся? Я не собираюсь повалить тебя на пол, проковырять твой череп отвёрткой и всунуть в дырку чип. Приходилось тебе слышать о симульчипах?

— Нет, — ответил я, усаживаясь. Я не врал, даже слова такого

до той поры не слышал. Он стал рассказывать. Мне такое в страшном сне не снилось, что я от него узнал. Оказывается, вокруг мёртвых чипанутых айдиотов крутится банда стервятников, которые только тем и заняты, что снимают с трупов чипы. Это незаконно в полный рост, но они как-то так устроились, что Система их не замечает. Казалось бы, какой прок воровать чипы, если чипуют бесплатно?

— Бесплатно, если в голову вставлять, — рассказывал Кэтчер. — Эти отдают на руки. Зачем? Представь: штуковина, которая к тебе попадает, — почти человек. На его имя можно открыть счёт в банке, зарегистрировать бизнес, управлять фирмой от его имени. «Оно» может перемещаться по Городу, открывать двери…

— Как? — спросил я, поборов отвращение. — Тела-то нет.

— Во-первых, не всегда оно теперь нужно — тело. Замки можно и через Сеть открывать. Во-вторых, у тебя-то ведь тело есть. Если нужно для дела, цепляешь в базе данных Системы свою радужку или отпечатки пальцев к симульчипу и вперёд. Делаешь ты, отвечает хозяин симульчипа. Мертвец.

— Как же Система перед ним двери открывает, если он мертвец?

— Забыл сказать, — Кэтчер хмыкнул. — Смерть айдиота не регистрируется. Для Системы он жив-здоров. Это тоже денег стоит, но и симульчипами они торгуют не в убыток себе. Кроме того, к симульчипу ещё нужен мозг-эмулятор.

Тут Кэтчер заметил на лице потенциального клиента неуверенность (сказать честно, я никак не мог переварить новости), но истолковал неправильно и бросился спасать положение. Это не так дорого, убеждал он, мозг-эмулятор нужно купить всего один раз, а чипы в нём сменные. Если клиент покупает у него, Кэтчера, мозг, первый симульчип получает бесплатно. Ничего противозаконного в перепродаже мозга нет, а симульчип вообще с юридической точки зрения продаже не подлежит. Он и не продаётся. Контора оказывает уважаемому клиенту консультационные услуги. Какие? Очень хороший вопрос. Оказывает услуги по защите информации. Естественно, всё законно, вот и патент есть, можно ознакомиться. Фирма существует уже более трёх лет, ни одного случая…

— Кэтчер, у меня же нет денег, — прервал я его. Терпеть не могу, когда мне пытаются что-то втюхать.

На миг мне показалось, что представление подошло к концу и меня сейчас просто выставят за дверь. потом Кэтчер овладел собой. Нет денег? Это ещё почему? Не всё ещё потеряно, мальчик, убеждал он. Стёрли из базы? Подумаешь, проблема. Юридическая

фирма Кэтчера и не такое видала. Опердень ещё не закончен, если написать ваучер на айди владельца симульчипа, послать запрос на учёт ваучера в банк, а потом отправить акцепт с пальпатора, все деньги окажутся на счету симуличности. Фирма согласна действовать на свой страх и риск, а комиссионные и плату за мозг-эмулятор получить по факту передачи означенного мозга клиенту. Всё совершенно законно, вот патент, фирма существует больше трёх лет, и…

Минут через пять он выдохся. Расстрелял весь боезапас. Мы посидели ещё с минуту, глядя друг на друга через стол. Должен сказать, ореол гуру вокруг залысой головы хозяина заведения несколько потускнел в моих глазах. «Жулик ведь, — думал я, глядя ему прямо в глаза. — Но что делать? Если откажусь, вдруг он сдаст меня Системе?»

— Ладно, — сказал я. — Валяй. Пиши ваучер.

Оказалось, всё уже готово. Кэтчер дал мне подмахнуть комиссионный договор размером в три строки, мигом вбил в стандартную форму банковские реквизиты Андрея Нетребко, сбегал в соседнюю комнату и вернулся с двумя коробками. В одной оказался девайс, похожий на обычный налокотник, только не флэкс, как я люблю, а хард, вроде полицейских. Вторая коробка тарахтела так, будто в ней были семена овощей.

— Семена, — сказал Кэтчер, словно мысли мои прочёл, и ещё раз потряс коробкой. Потом открыл её и положил передо мной на стол.

— Выбирай, кем будешь.

Меня чуть прямо в коробку не стошнило, когда понял, что это. Чипы. Без обвязки, волноводов и фидеров, конечно, одни камешки. Я представил, как их выковыривали из мозгов мёртвых айдиотов, и чуть не облевал Кэтчеру всю его коллекцию.

— Выбери сам, — говорю.

— Как знаешь. В общем-то, разницы между ними нет. Я каждого пробиваю по базе, никакого криминала ни за кем из них не числится. Мне однажды пытались сунуть педофила, но…

Покосившись на меня, он осёкся, пошарил длинным пальцем в кучке «семян», выбрал одно из них и стал возиться с эмулятором — совать в него симульчип.

— Нужно придумать ник, — сказал он, врубая налокотник.

— Эндрю, — ответил я, не задумываясь.

— Эндрю нарекаю тебя, — торжественно проговорил Кэтчер, трогая пальцами экран налокотника. — Иди и не греши.

Потом он пустил меня за свой терминал, сам стал за спиной и принялся давать указания. Мы с ним зашли в мой банк, обнаружили там запрос на погашение ваучера и проверили, не

заблокирован ли счёт.

— Всё в порядке. Подтверждай, — торопил Кэтчер и подсовывал мне дактилосканер. Я оглянулся.

— Чего ты ждёшь? Что ещё? — удивился он. Потом вижу — понял. Дошло до него, что я перестал ему верить.

— Думаешь, я тебя обуть пытаюсь, — проговорил он с неопределённой улыбкой. — Если бы хотел, давно бы уже обул. Таких, как ты, одни стригут, другие режут. Я стригу. И шерсти с вас, прямо скажем, едва хватает свести концы с концами.

Живость, с которой этот парикмахер убалтывал меня стричься, куда-то делась, улыбка Кэтчера теперь казалась жалкой.

— К чему тогда тебе со мной возиться? — спросил я. — Зачем ты этим занимаешься?

— Отдаю долги, — ответил он и отвернулся. Я правильно понял его слова гораздо позже, но тогда он всё-таки добился того, чего хотел. Я приложил ладонь к пальпатору, и деньги Андрея Нетребко ушли на счёт айдиота, зарегистрированного в Системе под ником Эндрю.

— Не боишься, что тебя найдут по транзакции? — спросил я, указав на экран его древнего терминала.

Кэтчер хихикнул.

— Эндрю, мальчик, — проговорил он с надутым видом. — Думаешь, почему у меня дореволюционный терминал? Потому что почти не оставляет следов в Системе. А те, что всё-таки оставляет, ведут туда, куда я сам укажу. Я вообще люблю старьё. Видел у меня в двери замок? Механика. Двадцатый век. Кучу денег на него ухлопал, зато никому не под силу хакнуть мою контору. Мой дом — моя крепость, как сказал Наф-Наф, запирая дверь двойным поворотом ключа. Ты знаешь, кто такой Наф-Наф?

— Нах-Нах? — переспросил я, пытаясь понять, к чему он клонит. — Нет, такого не знаю. Он кореец? Реалист?

Кэтчер смеялся. Я никогда раньше не видел, чтобы так рьяно и беззвучно ржали. Вытерев слёзы, он выговорил с трудом:

— О-ох… Кореец! Нет, он не кореец, а истый англосакс. И реалист в высшей степени, но совсем не в том смысле. Он никогда не играл в реал-видео. Ладно, мальчик, не забивай себе голову. Бабки у тебя на счету, отправь мне комиссионные и деньги за мозг.

Я осторожно взял со стола эмулятор. Чепуха, конечно, но мне казалось, что беру в руки настоящий мозг. Не поверите, так гнусно мне было, будто я сам замочил того чипанутого айдиота, чей чип теперь был в налокотнике. Прибил и забрал себе его душу. Но совесть совестью, а жить-то надо. Интерфейс симуличности отличался от обычного налокотного, но не так

сильно, чтобы я не смог в два клика разобраться.

— Эй, Кэтчер! — крикнул я, заметив, что тот куда-то смылся из кабинета, пока я ковырялся в меню е-банкера. — Деньги уже зашли.

— Прекрасно, — удовлетворённо проговорил он, появляясь в двери кабинета с пакетом в руках. — Вот, держи.

— Что это?

— Рубашка. Или ты собираешься уйти в купальном халате? Будет великовата — закатаешь рукава.

Через десять минут я брёл по Четвёртой Радиальной улице к центру Нижнего Города. На мне была рубашка Кэтчера с закатанными рукавами. В плечах она оказалась узковатой, но налезла, хоть и с треском. Налокотник непривычно сжимал руку, то ли потому, что хардовые налокотники вообще хуже флэксовых, то ли на меня плохо действовали мысли о чипанутом, личину которого на меня нацепил Кэтчер.

— Будут проблемы — заходи, — сказал мне он, пожимая на прощанье руку. — До свидания.

— До свидания, — сказал я в сторону, а сам подумал: «А лучше — прощай. Чипанутым буду, если мне захочется к тебе вернуться». Позже оказалось, что я ошибся, но это со мной часто случается.

Перед прощанием, он втирал мне что-то о работе, но слушал я вполуха, потому как мечтал побыстрее смыться. Запомнил только, что, если работы не найду, можно попробовать поступить в университет. У них, мол, и жильё, и жратва, и как раз вступительная кампания на носу. Универ не только потому зацепился за уши, что работать мне совсем не хотелось, была ещё одна причина. Салли мне рассказывала о нём с месяц назад, и… Я понимаю, о чём вы подумали. Да, я сентиментальный дурак, и всё такое прочее. Но не так-то просто моментально отказаться от привязанностей, даже если они дурацкие. Салли говорила, что университет — это реальный шанс попасть в Верхний Город. Чуть ли не каждый второй, кто отучился, туда попадает, и после уж ему не приходится жалеть о напрасно потраченном времени. Мне не пришло в голову спросить у неё, куда девается каждый первый, — судьба каждого второго вполне меня устраивала; а после я и вовсе забыл о студентах-лузерах. Я-то ведь не лузер, правда?

Короче, меня несло к центру Города, поскольку именно там и находился университет. Нет, поступать я туда не собирался, просто решил глянуть, как он выглядит в реале, и, если получится, пожрать там и устроиться на ночлег. Гостиниц я побаивался, честно говоря, и ресторанов тоже, университет

совсем другое дело. Место солидное и малозаметное. Там толпы студентов, если затесаться, может, и не найдут меня эти… Ну, не знаю кто. Может быть, они уже…

08212031:1323:14:43 watchdog: объект <Андрей Нетребко> не обнаружен;

08212031:1323:14:44 watchdog: исчерпан лимит ожидания;

08212031:1323:14:45 watchdog: запросу присвоен статус permanent;

08212031:1323:14:45 watchdog: адрес возврата…

…обломились меня искать.

Мне стало не в пример лучше после того, как ушёл от Кэтчера. Как ни крути, по натуре я ливер, особенно когда вижу, что остался один против клана. И нечего морщиться, жизнь — это вам не последний уровень «вздрючки». Если вас по жизни вынесли, не факт, что получится опять зайти на первый уровень под другим ником. Пока я слушал Кэтчера, мне хотелось послать всё лесом, найти нычку и там залечь.

Но когда я попал на Радиальную, снова почувствовал себя человеком, а не зверьком в стрелялке. Во-первых, меня реально на хавчик пробило. Странное существо — человек. Пока сидел у Кэтчера, тошнило от одной мысли о еде, десяти минут не прошло — нате вам. Предложи мне фуды, и ту всосал бы, так жрать вдруг захотелось. А во-вторых, обнаружилось — мозг-эмулятор куда круче любого налокотника, какой мне был тогда известен. Не просто показывает, куда идти, ещё и даёт глянуть на Нижний глазами чипанутого! Получается что-то вроде дырки в другой мир: куда ни направишь — поверх убогого реала видишь настоящий Город. Не синий светящийся потолок, а небо и облака, а в небе солнце, чуть ли не в зените. Не облупленная штукатурка унылых офисных громад, а кристальные грани небоскрёбов, в которых тоже небо и облака. Не бездарные вывески, а живые рекламные «окна» с клипами, причём те, какие не нравятся, можно загнать в нижний слой, но если вы запали на какую-нибудь тему, не обязательно останавливаться, чтобы досмотреть. Можно с собой взять, можно даже прикрепить или обоями сделать. И чипанутые на экране не такими мерзкими кажутся, как в реале, я даже сначала их за нормальных принимал, пока не понял, что это просто скины у них такие. Сообразив, что к чему, я стал смотреть по сторонам только через экран эмулятора. Жаль только, что он маленький, всего шесть дюймов, а то вообще кулёво — идёшь по Городу, как в Сети. Были бы, к примеру, в комплекте очки и наушники… Ну а так у меня скоро рука устала.

Попробуйте сами побродить с полчаса с задранным кверху локтем.

Универ я нашёл очень быстро. Эмулятор мозга — это круто, ничего не скажешь. Правда, тот, который мне впарил Кэтчер, не без багов оказался, особенно критично у него было с русским языком. Я так и не понял, то ли это конфликт версии симульчипа с прошивкой девайса, то ли какой другой трабл, но чтобы въехать в стандартные системные сообщения, приходилось реально напрягать мозг. Свой причём, а не эмулятор. «Превед, кросавчег!» — сказал мне навигатор сразу после входа. Пока я расчехлялся, он добавил: «Щаз, исчу спутнеги». Я подумал: тот чипанутый, симуличность которого теперь жила в эмуляторе, при жизни был нерусский, потому по умолчанию и включилась его национальная раскладка. Въезжать в месаги на чужом языке желания не было, и я стал на ходу искать в настройках русскую раскладку, но не нашёл. Активным был олбанский. Такого языка я не знал вообще, поэтому решил выбрать инглиш; хоть я его тоже не очень-то знаю, но месаги прочесть смогу. Эмулятор подумал, ответил мне: «Щаз…», — потом ещё подумал и выдал: «Учи олбанский, жывотное!» — и вывалился из меню настроек. Я попробовал ещё раз с таким же результатом и обломился. Олбанский так олбанский. Универ на этом языке так и назывался «универ», я поставил метку и пошёл туда, куда указывала полупрозрачная зелёная стрелка на виртуальном тротуаре. Хоть навигатор и не нашёл ни одного спутника, ему вполне хватило Сети, чтобы показывать дорогу. Стоило мне повернуть из чистого любопытства в один из круговых переулков, как стрелка указателя покраснела и поверх неё появилась надпись: «На Бабруйск». Должно быть, переулок вёл к междугороднему скоростному шоссе, но мне туда не надо было, и я вернулся на Радиальную. Любопытство любопытством, а жрать хотелось очень, и я торопился попасть в университет самой короткой дорогой.

Универ выглядел нереально пафосным. Здание солидное, как замок Дракулы, со шпилем, со статуями по углам крыши, ступенчатое, устремлённое ввысь. «Тру готишно. Пеши в мэм», — подсказал навигатор. Я выключил комменты и опустил руку. В реале шпиля на универе не наблюдалось, да и не мог он поместиться под перекрытием Верхнего Города. Вместо статуй по углам уступчатой крыши торчали антенны ретрансляторов, а узорной лепнины на фасаде и вовсе не было. И всё равно здание давило на мозг размерами, я шёл через площадь, задрав голову, и не заметил, как оказался у входа.

— Молодой человек! — услышал я вдруг. — Вы

поступающий?

У меня мурашки пошли по коже, когда услышал этот голос.

— Молодой человек! Не заполните ли анкету? Нам очень важно…

Я затравленно оглянулся. Окружили. Хрупкие блондинки, точь-в-точь такие, как та, которая меня подловила у гипермаркета. Я заметался, но они были повсюду. Толпа гарпий. Обступили, хватали за руки. Позади них я разглядел ряд палаток, штук двадцать, если не больше. Кажется, я заорал от ужаса, ближние отшатнулись, но дальние напирали, протягивая ко мне когтистые руки через головы передних.

— Вы хакер или кодер? — пищали они. — Идите к нам на кодирование!

— Андрология! — басила блондинка, возвышавшаяся над остальными, как башня. — Андрологи рулят!

Но её теснили, крича:

— Не слушайте, это развод. У андрологов в общаге проблемы с сетью! Тестирование! Идите на тестирование!

Толпа волокла меня к палаткам, вывернуться не получалось. И тут я углядел над входом одного из шатров вывеску «Защита», улучил момент и нырнул туда. Позади взвыли, но внутрь за мной никто не сунулся. Оно и понятно — на входе два чистокожих двухметрового роста. Я нервно передохнул, прошёл по матерчатому рукаву, раздвинул полы шатра, пригнулся и шагнул в полумрак. И оказался лицом к лицу с чистокожим. Более невозмутимого чистокожего я не встречал ни до, ни после. Он не шелохнулся, глаза его были закрыты. Сначала он показался мне знакомым, но спустя миг я понял — просто он похож на статую Будды из скул-видео про Индию.

— Здравствуйте, — поздоровался я, но не очень почтительно, поскольку ещё не успел перевести дух после давки.

— Я не вижу тебя, — спокойно произнес человек-будда.

Ещё бы он меня видел с закрытыми-то глазами. Я собирался огрызнуться, но не успел.

— Значит, ты не модифицирован, — бесстрастно проговорил он. — Тебе не место на факультете защиты.

Кто-то шумно вздохнул у меня за спиной, я обернулся и встретился взглядом с одним из охранников. Должно быть, тот протиснулся внутрь следом за мной. Уж у него-то глаза были открыты.

— Э! Э! Ты не очень! — предупредил я его, но без толку.

— Выведите его, — не повышая голоса, попросил человек-будда.

И меня позорно выставили из шатра, ещё и с напутствием:

— Читать научись, деревня, — посоветовал охранник. Я повернулся, кипя негодованием, но справа от входа увидел надпись: «Приглашаем на факультет защиты информации чип-модифицированных граждан. Прочим вход воспрещён».

— На фиг вы мне нужны, — буркнул я, чувствуя себя прочим. Мимоходом подумал, что Кэтчер вот тоже не чипанутый, однако же защитой информации занимается в полный рост.

На моё счастье, толпа диких блондинок отхлынула от палаток (они как раз обрабатывали ещё одного ротозея), я свернул за угол, прошёл между шатрами и попал во второй ряд. Там не было ни души. Мне бы плюнуть на все эти факультеты и пойти искать, где пожрать, но что-то подтолкнуло меня прогуляться вдоль ряда. Факультет андрологии. Факультет синтохимии. Факультет химернетики. Факультет тестирования. Я придержал шаг. На палатке факультета тестирования было написано крупно: «Геймеры! Сюда!» — и мне стало интересно. Не то чтобы я поведен на этом деле, но люблю его. Я тихонько подошёл к палатке и сунул голову внутрь. И застыл в полном обалдении. За небольшим столиком сидела пышноволосая и пышнотелая дама, но не из-за неё на меня напал столбняк. С табурета для посетителей, как раз когда я заглянул, поднималась Салли Энн.

— …останется только поселиться, — тоном усталого торгомата бухтела полная брюнетка. Как и у человека-будды, глаза её были закрыты.

Салли кивнула и направилась в глубь шатра. На ней был мой любимый чёрный комбик с застёжкой-змейкой. Завитки светлых волос подрагивали при каждом шаге.

Ко мне вернулся дар речи.

— Салли! — крикнул я, но она не обернулась. У палатки, как выяснилось, был второй выход.

— Спасибо, что выбрали наш факультет, — проговорила, не открывая глаз, женщина, сидевшая за столом, не замечая, что Салли больше нет в шатре.

— Салли, подожди! — заорал я и бросился следом.

— Куда?! — остановила меня хозяйка палатки. Не ожидал от неё такой прыти, — мигом оказалась на ногах и загородила мне дорогу.

— Мне очень нужно поговорить с той девушкой, — бормотал я, пытаясь прорваться, но не так-то это было просто.

— С той, что была здесь? — Толстуха оказалась понятливой.

— Да. Это ведь Салли Энн?

— Нет, она поступила под другим именем.

— Под каким? — Я решил, что из толстухи можно вытащить

полезную инфу, и прекратил боевые действия, тем более что они всё равно не имели успеха.

— А вот этого я вам не могу сообщить, пока вы не поступите к нам.

— А она поступает?

— Та девушка, что была здесь?

— Да, — подтвердил я раздражённо. Проницательность тётки слегка подавляла.

— Она уже поступила. И вам я тоже рекомендую последовать её примеру, если хотите с ней встретиться.

— Что для этого нужно? — спросил я, усаживаясь на табурет для посетителей.

Выяснилось, ничего существенного. Только моё согласие. Толстуху не смутило, что я при ней обращался к симуличности, чтобы узнать свой айди, моё прошлое её не интересовало, даже диплом об окончании хомскул не потребовался, она просто вбила в базу, что образование у меня среднее. Единственное, что она спросила, — под каким ником меня регистрировать в университетской базе.

— Эндрю, — ответил я.

Она внесла мой ник в списки студентов, и я был зачислен на факультет тестирования под симуличностью чипанутого айдиота.

— Модифицированных мы селим к модифицированным, — проговорила толстуха, глянув на меня вопросительно, будто чего-то ждала.

— Ладно-ладно, — торопил я её. — Селите куда угодно. Ну! Теперь вы можете сказать ник Са… той девушки?

— Той, что была здесь перед вами?

— Да! — завопил я, как птероящер.

— Не кричите, я не глухая, — с достоинством ответила она. Неспешно листнула экран, провела по нему пальцем и ответила:

— Она числится у нас как Далила.

— Спасибо! — проорал я на бегу, выскочил из палатки и очутился прямо перед входом в университет. Тогда мне было невдомёк, чем грозит встреча с той, которая назвалась Далилой.

Глава четвёртая

Отец побрызгал из бутылочки на мясо красным. Стрельнул уголёк. Я услышал ссипшее скворчание, потянул носом, но запаха не почуял.

— Сейчас, Андрюха, — проговорил он, глянул на меня исподлобья и тут же спросил взволнованно: — Андрюха?!

«Что со мной не так?» — подумал я и попробовал поднять руку. Странное ощущение, как будто меня нет.

— Андрей! Тебя нет! — бормочет отец и лезет скрюченными пальцами прямо мне в лицо. — Эндрю! Ты слышишь?

Я дёрнулся и вижу — не папик это вовсе, а Штуц.

— Эндрю! Ты слышишь? — не унимается Штуцер и по плечу меня похлопывает. В комнате светло. — Эндрю, ты просил растолкать тебя в семь, а уже…

— Хорош толкать, — говорю и сам слышу, паршивый у меня выговор в такую рань. — Брось толкать, Штуц, укачало уже. Чего ты бледный такой? Всю ночь убил на глядки?

Он зашипел, саданул меня в плечо напоследок, скрылся с глаз, и я услышал, как он там скрипит пружинами кровати и шуршит одеялом. Постель, значит, застилает. Хороший парень — Штуцер, хоть и чипанутый. Обидчивый только, но не злопамятный. И хорошо, что он мне достался в соседи, был бы какой-нибудь надутый хмырь вроде Лао или Бенито, не знаю, чем бы закончилось. Вернее, знаю. По морде из нас двоих кто-нибудь схлопотал бы на второй день, вернее всего — я. Потому как Бенито конкретно здоровее меня, о Лао я даже не говорю. Без вариантов. И вообще, лучше делить комнату с нормальным чипанутым, чем с естетом, поведенным на своём естетстве.

Я поворочался, пружины подо мной щёлкнули. Странная штука жизнь, думаю. Чуть больше двух месяцев назад, когда узнал, что при зачислении меня сунули в одну комнату с чипанутым, сначала собирался погрызться с комендантом общаги, но вовремя вспомнил, что сам же и согласился на это дело. Меня же тётка в приёмной комиссии спрашивала, не против ли я. Не знаю, что бы она стала делать, если б я стал в позу, а так — поселила меня со Штуцером и все дела. Потом поздновато было уже поднимать хай, когда я всё это осознал в полной мере. Без малого хренадцатый час ночи. Я задрёмывать начал, а тут…

Нет, так не пойдёт. Лучше рассказать по порядку, раз уж под язык подвернулось. Первый мой день в университете состоял из одних неожиданностей. Ну, о том, как я решил стать тестером, вы уже знаете. Первым делом, оказавшись в университетском

здании, стал разыскивать Далилу, но заблудился. Искать кого-нибудь в универе, если у вас нет перед глазами карты, — дохлый номер, особенно если вы попали туда в первый раз. Больше скажу, живее дело не пойдёт, даже если у вас будет карта; тот, кто строил этот муравейник, в детстве переиграл в шутеры, сто процентов. Напустить в коридоры монстров, разбросать кое-где жратву и патроны, а после раздать оружие — никакой Сети не надо. Поблуждав с часик, я окончательно слился. Сейчас-то я знаю, где был — третий этаж подвала, как раз под фудзалом, — но тогда мне казалось, так и помру, не зная, куда это меня занесло. Уже и Далилу видеть не хотелось, так задолбался. Оно и понятно — с шести утра на ногах, два часа в монорельсе, потом та история в гипермаркете, потом авария — по башке получил знатно, потом тёрки с Кэтчером, марш-бросок по Радиальной, поступление в универ, то-сё. Короче, на ногах я еле стоял, и жрать хотелось до умопомрачения.

И тут слышу, за спиной один чипанутый другому: «Док, не пойти ли нам откушать, пока не склеилась пищеварительно-выделительная система?» — а тот ему и отвечает: «Вы правы, док, пора. Иначе могут склеиться ласты». Я обернулся. Стоят, кивают друг другу два молодых хмыря в белых халатах. Покивали, потом один другого повёл под локоть к лестнице. Откушать. «Годмод!» — подумалось мне, ноги сами понесли меня следом, и, как ни странно, не вспомнил я, что эти двое — синтеты, даже когда они скрылись за дверью с табличкой «Фудзал».

Само собой, когда я попал внутрь, узнать этих двоих среди пары сотен чистокожих было уже невозможно. У всех антенны на затылках, все поголовно лысые, некоторые в халатах. И все как один сосут. Столов нет, только стулья; под потолком ряды блестящих труб, от них вниз длинные такие гибкие шланги, чтоб, значит, сесть на стул, сунуть в рот, и вперёд. И вижу я — сосут чистокожие со вкусом, глаза закрыты, как будто не фуда в трубах, а неземное что-нибудь вроде бум-колы или даблью-спирита. А в животе у меня одна кишка другой фигу крутит. Ну и сел я на один из стульев. Потом, правда, всё равно вставать пришлось, потому как на утолщении трубки было написано: «Пожалуйста, вставьте мундштук». «Ага, — думаю, — соски одноразовые — это они молодцы. Правильно придумали». Я прошвырнулся по залу, нашёл у стены при входе коробку с этими самыми мундштуками, плюхнулся на стул и вставил мундштук в трубку. Больше ничего хитрого в конструкции девайса не было. Соска одна, крутилка, чтоб пустить фуду, тоже одна. Я огляделся ещё раз. Мужик на стуле прямо напротив меня очень отчётливо всасывал, одухотворённо, словно бы на саксе играл. Мне вспомнилось, как

отец однажды рассказывал, мол, фуда для организма самое то. Мол, вещества питательные в ней и витамины-шмитамины всякие, какие только бывают. Ладно, думаю, организмы у всех одинаковые, что у чипанутых, что у нормальных парней, попробуем, какие в фуде витамины. Сунул мундштук в рот и крутанул кран.

Голод не тётка. Я и после того случая не раз убеждался, что он стабильно завешивает мозги в ждущий режим. Мне показалось, струя фуды раздула меня, как резиновый шар, аж глаза на лоб вылезли. Сосать не пришлось, если и не до кишок меня заполнило разом, то уж полный желудок и пищевод надуло, это точно. Сижу с трубкой во рту, глаза пучу, а рука на кране. И тут замечаю, что кран-то уже прикручен. На полном автомате. Не сделай я этого, пробило бы насквозь, сверху донизу, сто процентов. Ну, вытащил я изо рта трубку-душегубку, проглотил с грехом пополам то, что было у меня во рту, и чувствую — кушать мне больше не хочется. «Спасибо», — думаю, а сам дышу на ладонь. Никакого запаха. Вообще. О вкусе ничего не скажу, слишком быстро ел. Ничего смешного тут нет. Вы сами попробуйте определить вкус того, что в вас накачивают под давлением. Чего ж, думаю, чипанутые сосатели такие морды корчат, будто настал самый светлый миг в их чипанутой жизни? На полный желудок думаться стало лучше, и я тут же всё вспомнил. Что нет у фуды ни вкуса, ни запаха. Что всё это чип-модифицированные граждане получают прямо в мозг, и удовольствие от еды тоже. Причём платить надо только за удовольствие, фуда бесплатная.

«На шару фуды нажрался, — думал я, унося из фудзала полное брюхо впечатлений. — Теперь осталось только прилечь поспать на полу под стеночкой». Маман мне говорила, что от жратвы человек на некоторое время тупеет. Не знаю, как с кем, а со мной такого не бывало никогда. Наоборот. Дельные мысли посещают меня только на полный желудок, а туплю я больше с голодухи. Так же точно было и в тот день: пожрал и тут же сообразил — давным-давно нужно было врубить комменты навигатора, а не шарахаться без карты по коридорам.

Я разбудил мозг-эмулятор и лениво потыкал в экран. «Щаз…» — отозвался на клик навигатор, но поверх него всплыло окно срочных сообщений, и я прочёл месагу: «Уважаемый Эндрю! Поздравляем с зачислением на факультет тестирования!

Ваш запрос о предоставлении бесплатного места в общежитии, поступивший в центр обработки сообщений 21.08 в 16:07:31:02 по времени Нижнего Города, обработан. Администрация университета с радостью сообщает Вам, что

запрос удовлетворён. Ваша комната *ЗДЕСЬ*. Приятного отдыха.

Ваш запрос о предоставлении бесплатного питания, поступивший в центр обработки сообщений 21.08 в 16:07:32:18 по времени Нижнего Города, обработан. Администрация университета с радостью сообщает Вам, что запрос удовлетворён. Вы можете пользоваться фудзалами, расположенными *ЗДЕСЬ, ЗДЕСЬ* и *ЗДЕСЬ*. По *ЭТОЙ ССЫЛКЕ* вы найдёте чип-меню и свежие предложения от нашего чип-повара. Приятного аппетита.

Ваш запрос о доступе к развлекательным порталам, поступивший в центр обработки сообщений 21.08 в 16:07:32:44 по времени Нижнего Города, обработан. Администрация университета с радостью сообщает Вам, что запрос удовлетворён. Напоминаем, что за удовольствия надо платить. Приятных развлечений.

С уважением, Администрация государственного университета Нижнего Города».

Я собирался заглянуть по ссылке туда, где было моё новое жильё, поскольку есть уже не хотел, а лучшим из доступных мне развлечений считал сон, однако поверх срочного сообщения всплыло новое, в красной рамке:

«Уважаемый Эндрю! Администрация университета предупреждает Вас, что за просмотр контрафактного реал-видео и чип-видео, употребление виртуальных и реальных наркотических средств, осуществление несанкционированного доступа к виртуальному и реальному личному пространству студентов и персонала университета Вы будете отчислены, а данные о правонарушении будут переданы правоохранительным органам».

Подписи под сообщением не было, поэтому я просто закрыл его, но мне снова не дали найти дорогу к общаге.

«Для студ Эндрю», — красовалось в заголовке следующей месаги. Текст гласил:

«Срочно разпишитес в получ постели я за вас за всех запровлять не обязана Камендант».

— Чего? — спросил я вслух. Ответа ждать не приходилось, обратного адреса я не нашёл. Помотав головой, я вытащил наверх слой, в котором была ссылка на комнату, скормил её навигатору, получил в ответ: «Сцылко детектед, йа знайу путь», — и пошёл кружить по коридорам и лестницам, но теперь уже осмысленно. Фуда подействовала на меня убойно, думал — засну на ходу. В полусне добрался до общажных этажей; едва волоча ноги, отыскал комендантшу; зевая, получил от неё втык за то, что меня «носило чёрт те где», но даже не огрызнулся в ответ, так спать хотелось. Когда добрался до комнаты, на ногах уже вообще не стоял. Не до того мне было, чтобы разбираться, которая из двух

кроватей моя. Обе были застелены. Я послал комендантше мысленную благодарность, кое-как разделся, оставляя шмотки там, куда они упали, и рухнул, как ю-пырь из «Slime&Darkness», если ему отстрелить башку. И показалось, только я стал задрёмывать…

— Эндрю! — заорал мне на ухо Штуцер. Я сел на кровати торчком. Таки задремал опять, пока припоминал свою первую ночь в общаге.

— Без двадцати восемь уже, — сообщил от двери мой заботливый сосед по комнате. — Хочешь, валяйся дальше, а я пошёл на пару.

— Иди-иди, защитник полушарий. Там тебя все уже обождались, — ответил я, зевая. Откровенно говоря, сказал я это зря. Штуцер — хороший парень, хоть он и с факультета защиты. Сам же я его и просил растолкать в семь утра (вечером напрочь потерял потенцию к занятиям и поэтому не осилил практику по химернетике), сам просил, чего теперь ругаться? «Хорошо, он не расслышал. За дверью уже», — подумал я, нацелился снова прилечь и вдруг слышу:

— Ах ты, тварь шерстистая! — завопил в коридоре Штуцер. — Хомяк волосатый, дверью прихлопнутый!

Всё, думаю, утро сделано. Сейчас влетит в комнату разбираться. Только что-то слишком уж его зацепило. Хомяком он меня обзывал редко, только в особых случаях. Вообще-то, ничего такого в этом прозвище нет, я не обижаюсь. Хомяками интернатские айдиоты называют тех, кто учился в хоумскулах. Мы их зовём скулерами. Штуцер разделения на хомяков и скулеров не признавал, очень сильно нужно было растравить ему желчь, чтоб с языка у него такое слетело.

Всё, подумал я и соскочил на пол, прикидывая, как буду хватать Штуца за руки и успокаивать, но дверь оставалась закрытой, а он продолжал голосить в коридоре, как зарезанный:

— Паскуды! Узнаю, кто эту пакость опять повесил, убью! Слышите вы?! Хак вашу мать конём через все порты в реале!

Какие-то он ещё орал ругательства, но мне они не запомнились. Не будь я геймером, половины слов бы не понял, точно говорю. Меня самого сперва криво понимали сразу после поступления. Как сейчас помню первую контролку по тестированию. Дали нам пройти уровень шутера. Так себе стрелялка, скажу я вам, сырая, без названия ещё. Но дело не в этом. Надо было не просто пройти, а составить отчёт. Ну, я и составил. Стыдно вспомнить, как препод куски из него зачитывал вслух всей группе. У меня там было: «Я такой бздым в него из шотгана и стрейф стрейф влево а те такие вавау рокетами я опять

стрейф блииин что за хрень не стрейфится ни фига я по кантролу типа чтобы стрефджамп ёмаёжики! Вынесло меня напрочь». Смешно, да? Вот и все тоже ржали. Препод хоть не сказал, чей отчёт, но народ и без того понял. Потом он говорит: «Теперь, господа тестировщики, я зачитаю фрагмент отчёта Далилы». И читает: «Первый уровень, отметка 351/44. Использование комбинации “ctrl”+ ”>” приводит к аварийному выходу из программы. Код ошибки…» Прочитал и спрашивает:

— Всем понятна разница?

А я ему:

— Так у меня то же самое написано!

Все опять ржать.

— Понимаете, Эндрю, — говорит он мне, — возможно, вы имели в виду то же, что и Далила, но понять вашу мысль дано не всем. Между вами и читателем возникает некоторый когнитивный диссонанс.

Тут Лао ко мне поворачивается и переводит:

— Это он на своём языке тебе сказал, что ты дебил.

Обидно вообще-то. На перерыве я ему так и сказал. Думал, махаться с ним придётся, но Лао человек спокойный. Выслушал меня и говорит:

— Ты не обижайся, Эндрю, но и в самом деле тебя сложно понять. Говоришь вроде по-русски, но грязно. Ты бы отделял зёрна от плевел, если хочешь, чтоб тебя понимали.

То есть намекнул мне, что надо бы фильтровать базар. Я попробовал. С непривычки плющило не по-детски, но потом дело пошло лучше. Теперь вот говорю нормально, только иногда нет-нет, да и сорвётся с языка что-то не то, как вот у Штуцера, когда его от злости переклинит.

— Паскуды! — орал Штуц. — Узнаю, кто эту пакость опять повесил, убью! Слышите вы?! Хак вашу мать конём через все порты в реале!

Когда я понял, что не ко мне всё это относится, чуть успокоился и решил глянуть, что там опять наляпали на нашу дверь. Хотя и без того понятно было, — там новая картинка с эпизодом из жизни моего соседа.

— Чего там опять? — спрашиваю, высунув табло наружу. — Ну тихо, ты! Размахался! Что опять?

— Ты!.. — задыхался Штуц. — Сво!.. Вида?.. Да я!..

— Тихо, успокойся, — говорю я ему, стараясь не улыбаться. — Я ещё не видел. Всего-то делов — тупая мазня. Всё, что они умеют малевать, мы уже видели. Тебе пора на пару. Иди, я сам обдеру. Ну чего ты кипеж поднял из-за тупой, несмешной…

Говорю я это с постным видом и поворачиваюсь ободрать

картинку. Честное слово, не хотел смотреть, чтобы ненароком не улыбнуться. Случайно получилось.

На прилепленном криво листке бумаги была нарисована кровать, на ней спиной вверх мужик в полосатой пижаме с надписью «Штуц». Он сладострастно обнимал и комкал матрац, да так, что у кровати ножки гнулись. Ниже была подпись: «Матрас-матрас, дай хоть раз».

Глупо, конечно, но я не выдержал. Заржал в голос, даже согнулся. Просто такая нервная реакция, понимаете? Вспомнилась мне опять первая ночь в общаге, хоть тогда мне было не до смеха.

В тот вечер я задрых сразу, как только голова коснулась подушки, и проспал пару часов, но мне показалось — только задремал на секунду, и тут вдруг что-то навалилось на меня, прижало так, что подо мной с дребезгом соскочила пружина. Точно как монстр-душитель в «Slime&Darkness», только там он не дышит в лицо и не ёрзает по тебе, как гусеница. Спросонок я решил, что меня поймали и собираются чиповать. Я извернулся и отпихнул монстра руками и ногами разом. Он с грохотом свалился на пол, но пока я соображал, где нахожусь, монстр накинулся снова. Он что-то бормотал и стонал, слюнявил меня и тут я вспомнил: это общага. Моя кровать. Кто-то набросился на меня в моей же собственной кровати.

— Чего вам от меня нужно? — хрипел я, задыхаясь (на голове моей почему-то оказалось одеяло).

Монстр не отвечал и отпускать меня, похоже, не собирался. Пнуть его ещё раз не получилось (мешало дурацкое одеяло), тогда я исхитрился высунуть ногу и оттолкнулся от стены. Кровать щёлкнула, и мы оба с ужасным шумом сверзились на пол. Монстр вякнул (теперь я оказался сверху), заворочался, пытаясь из-под меня выбраться, но я уже окончательно проснулся и не стал терять времени. Наподдал ему коленом, вскочил, пытаясь высвободить руки (опять одеяло!), и отбежал туда, где по моим прикидкам находилась дверь. Ну, промахнулся, конечно. Когда отшвырнул, наконец, одеяло, увидел, что сам загнал себя в угол, но это уже не имело значения. Вместо того чтобы гоняться за мной по комнате, чудовище накинулось на пустую кровать и стало делать с матрацем то, что раньше пыталось учинить со мной.

Я набрался смелости и подошёл ближе. Ночной свет Нижнего Города, цедившийся сквозь приоткрытые жалюзи, исполосовал затхлый сумрак общажной комнаты сплошь. На полосатом полу — смятая рубашка Кэтчера, на полосатой стене моя собственная размытая тень. А в кровати, где недавно лежал я, какой-то

чистокожий, охая и постанывая, азартно терзал матрац. Антенна на затылке…

«Нет уж, — подумал я, отдёргивая руку. — Хватит с меня. Один раз уже открутил антенну. Похоже, ему до меня нет никакого дела».

— Эй, парень! — позвал я, но парень и ухом не повёл. Вообще ничего, кроме матраца, не замечал. Лично я не видел никакой разницы между двумя матрацами, имевшимися в комнате, но чипанутый почему-то питал страстные чувства только к одному из них. К тому, что справа от двери.

— Я могу на другую кровать перелечь, — сообщил ему я, но ответа не дождался.

«Чего у него спрашивать? — подумалось мне, и я зашарил по полу рукой, собирая вещи. — Меня официально поселили в эту комнату, я теперь здесь живу…» Вмиг до меня дошло: тут ведь магнитный замок с пальпатором, и он был закрыт, когда я ложился спать! Значит, чистокожий насильник тоже здесь проживает.

— Какого герца меня подселили к чипанутому? — громко спросил я. — Другого места не нашлось? Вот я пойду сейчас к комендантше…

Возмущение моё было велико, я собирался отправиться в каморку комендантши и устроить там бой быков, но, узнав по налокотнику, который час, передумал, вернее сказать, решил перенести на утро. Улёгся на свободную кровать, поворчал, мол, в таком бардаке всё равно не засну (мой неутомимый сосед по комнате и не думал угомониться), потом вяло обругал тётку из приёмной комиссии, которая, по-видимому, и обеспечила мне приятное соседство, однако тут же вспомнил, что сам согласился на это.

— Прикольно! — высказался я под ритмичную пружинную музыку. Помолчал немного и стал рассуждать вслух: — Я сам попросил поселить меня с чип-модифицированным маньяком. И теперь спать мне нельзя. Вдруг ему надоест тот матрац и захочется порезвиться с этим? Спать нельзя. Глаз да глаз нужен за этим матрацанутым чипо… маном полосатогол… головатым матрасо…

Я рассуждал бы и дальше, хоть пустых слов не люблю, но меня сморил сон.

Так я познакомился со Штуцером. Оказалось — нормальный парень. Спокойный, если не доводить его шуточками и не подавать виду, что тебе смешно, когда кто-нибудь заденет-таки его за живое. Всё это вспомнилось мне в один момент, когда я глянул на похабную картинку и прочёл под ней надпись: «Матрас-

матрас…» Меня чуть ли не пополам от смеха согнуло.

— И ты?! — завизжал Штуцер голосом возбуждённой валькирии. Я решил — всё, погибну как герой; смех душил меня, не давая оправдаться, но мне повезло. Штуцер опаздывал на первую пару, а точность для него превыше всего. Он только пихнул меня в спину и с криком: «Вешайтесь! Вернусь вечером…» — и умчался. Я послушал его топот на лестнице, потёр башку, — толкнул меня прямо в дверь! — и стал обдирать злополучную картинку. Гадство это, вот что я скажу. Штуцер не виноват, что он таким стал. Чиповали его в раннем детстве, позже обнаружился у него сдвиг. Что-то вроде лунатизма у нормальных людей. Обычный чипанутый, когда смотрит чип-видео, полностью оторван от реала. Ничего не видит, не слышит, а главное — не пытается ходить или говорить. Лежит себе бревно бревном. Какая-то хрень у него отключается в таламусе, если я правильно запомнил то, что герр Шпехт долбил нам на позапрошлой лекции по чипологии. В таламусе или нет, не поручусь, экзамен по чипологии нескоро, но точно вам скажу, отключается что-то. А у Штуцера — нет. По правде говоря, нельзя его было чиповать, но кто ж теперь признает, что искалечил бедного парня? А Штуц ещё вдобавок поведен на чипорниках. Аж трясётся, пока не попадёт в комнату, по дороге перебирает клипы, только дверь за ним закроется, он — клик! — в тот, который понравился. А клипы часто с автозапуском, особенно палёные. Однажды он отколол этот номер на лекции по теории хака. Просто пролистывал клипы и нарвался на оргию с автозапуском. С тех пор о сдвиге Штуца стало известно всем в общаге; как раз на следующее утро появилась на нашей двери первая картинка. На ней Штуц загонял профессора на карниз, вопя: «А теперь перейдём от теории к практике».

Я вздохнул, скомкал пошлое художество и швырнул в корзину. Не попал, как всегда. Идти подбирать обломился, тем более что не один я такой баскетболист — вокруг корзины метра на полтора всякой дряни набросано. И времени у меня всё равно не осталось совсем, нужно было до начала второй пары разобраться с домашкой.

За химернетику я взялся с неохотой. Какая, скажите, тестеру польза от химернетики? Зачем мне все эти нанороботы, все эти сортировщики, вентили-шментили. Репликаторы эти вонючие. Не понимаю. Я-то думал, тестировщика дело — игрухи тестировать, а не ковыряться в молекулярных моторах. Вот, думал, для меня занятие — то, что надо, особенно если специализироваться на шутерах или ролевухах (гонки там или квесты я не люблю). Нет, сиди теперь, возись с нанопропеллерами, разбирателями-

собирателями…

— Опять накидали! — прогудел в коридоре голос комендантши и раскатился эхом: «дали-дали». — Понаехало вас полный город дармоедов по углам гадить все вы мастера а как убирать так одна я сколько раз говорила мусор чтоб в корзину лишний шаг вам сделать корона спадёт а я теперь подбирать за вами хакеры вы недоделанные…

Она заунывно гундела, ей подвывал выведенный на утреннюю прогулку киберуборщик. Я из-за неё потерял метку направления, влепил правую спираль вместо левой, оскалился, заткнул уши и стал проверять всё заново. Когда опустил руки, чтобы выправить схему своей нанофабрики, услышал продолжение:

— …одна а вас много тут понаехавших один лучше другого чтоб вас в фуде утопили всех сразу я порадуюсь бельё тут ваше собирать в туалете поналивали воды по колено мусор бумажки чтоб дети ваши если они у вас ещё будут так у вас дома гадили как вы здесь у меня…

Я опять заткнул уши. Надоело. Каждое гадское утро эта тётка под дверями нудит. Нигде нет покоя. Дома маман доставала, здесь эта… Я убрал руки от ушей, прислушался. Ушла на другой этаж.

Тогда я кое-как доделал химернетику, быстренько собрался и поскакал в естетскую столовую на четырнадцатый этаж, втайне надеясь встретить там Далилу. Напрасные хлопоты. Далила у нас отличница; кто-кто, а она, небось, химернетикой утром не занималась, всё сделала ещё позавчера, позавтракала давно на пару с Никой, двумя чашечками кофе и одним пирожным на двоих, и потащила подругу в парк — кормить белок остатками того самого пирожного. И следом за ними увязалась толпа тестировщиков-естетов мужского пола. Не за белками и крошками от пирожного, а за Далилой и Никой, причём главным образом за Далилой. Чтобы глядеть на неё, преданно вывесив язык, и сгонять по её знаку несчастных белок с деревьев. Я это хорошо знаю, потому как сам такой. Гляну на Далилу, и готово дело. Язык наружу, и вперёд — за белками.

В зале было пустовато, но не так чтобы совсем. Когда я повернулся от стойки, ища, где бы съесть свой бифштекс с яйцом и порцию салата из неизвестных науке овощей, меня окликнули:

— Эндрю! Тащи сюда сей скудный табльдот.

Бенито не из тех, кто станет ухлёстывать за Далилой. Сказать честно, он единственный из нашей группы ни разу не был мною уличён в охоте за белками, может быть, в этом настоящая причина моего к нему отношения. Я его не люблю, но уважаю.

— Доброе утро, Эндрю, — поздоровался Бенито, высокомерно поглядывая на мой бифштекс.

— Привет, Беня, — ответил я, развалился напротив него и задрал локти на стол. Очень хотелось позлить Бенито. Видно же, корёжит парня, когда его называют Беней, но виду не подаёт, какое там.

— Что ты такой печальный сегодня, мой друг? Подвергся домогательствам Штуцера?

В этом весь Бенито. Виду не подал, но тут же расквитался со мной той же монетой: поддел синтета и меня заодно — за то, что делю с ним комнату.

— Нет, — ответил я, ковыряя в бифштексе вилкой. — Просто какой-то лишенец опять испоганил нам дверь корявой мазнёй и бездарными стихами.

Я так до сих пор и не знаю, кто же рисовал на Штуцера шаржи. Подозревал Бенито или кого-нибудь из его компании, но поймать так и не смог. Скорее всего, Беня был к этому делу непричастен, потому как не потерпел бы, чтоб кто-нибудь назвал его стихи бездарными.

— Досадно, — проговорил он равнодушно. — Но тебе разве не всё равно? Чего ты переживаешь из-за жалкого чипанутого айдиота? Никогда не мог понять, как ты вообще можешь жить с этим похотливым животным в одной комнате. Это как-то…

Я наклонился к желтку своей яичницы и шумно всосал его, чтобы выразить отношение к Бениной речи. Он осёкся. Всё-таки получается иногда заткнуть ему рот. Я прожевал, звучно чавкая, и ответил:

— Да нет в нём ничего неприятного. Разве вот лысый он, а я этого не терплю с детства. Понимаешь, Беня, смотреть тошно на лысую как коленка голову.

Проговорил это и смотрю на него. Я забыл вам сказать: Беня абсолютно лыс. Нет, он не чистокожий, просто каждое утро зачем-то бреет начисто свой череп, и никто не знает, за каким герцем ему это надо.

— Сочувствую, — ответил он и стал лысину поглаживать ладонью. Говорю же, есть за что его уважать. Нервы у него что надо, первый сорт.

Я доел бифштекс, сходил к стойке взять кофе и вернулся.

— Правильно, — похвалил Бенито. — Кофе должен быть горячим.

— Привычка, — ответил я, покосившись на экран налокотника. Времени до пары оставалось совсем ничего.

— По привычкам видно — ты не айдиот.

— Да уж, — рассеянно подтвердил я, потягивая коричневую

бурду.

— А числишься как айдиот, — глядя в потолок, проговорил Беня. — Я специально в базу лазил. Думаю, не может быть, чтоб естет с такими замашками был безродным айдиотом и по своей воле подселился в комнату к чипанутому. Всё дело в этой штуке?

Он постучал пальцем по экрану мозга-эмулятора. Я убрал локти со стола и сел ровно. Не хотелось показывать слабину, но шугнул он меня порядком. До сих пор никому не было никакого дела до моего происхождения.

— На тебе висят какие-то делишки, — ухмыльнулся Бенито и снова потёр лысину ладонью. — Но кто ж без греха, я тебя нисколько не осуждаю. Понятно, почему ты не лезешь в бутылку, что тебя подселили к Штуцеру. Хочешь, я устрою тебе переезд? У меня есть связи в службе безопасности. Чтоб такой парень… Кстати, как тебя зовут, Эндрю? Не требуется ли тебе…

У меня дыхание перехватило, когда он сказал «не треб…», да ещё и глянул значительно. «Он знает?» — мелькнуло в голове, но я взял себя в руки и ответил, поднимаясь:

— Меня зовут Эндрю. Ничего мне не требуется, понял?

— Ну-ну, — с неопределённой интонацией промычал Беня.

Я развернулся и пошёл к двери. Глупо, конечно. Всё равно он припрётся на пару и там мы опять встретимся. И никуда мне от него не деться. Но мне тогда показалось важным повернуться к нему спиной и уйти вот так вот, не оборачиваясь, хоть взгляд Бенито и жёг мне спину.

В коридоре первым делом разбудил налокотник. Нет, чип не заблокирован, в журнале доступа всё чисто, только пару раз ночью какие-то ламеры лазили на арапа через служебный порт, но ничего у них не вышло. Ничего не скажешь, с прошивкой мозгов у Кэтчера всё в порядке, как выяснилось.

Я немного успокоился — может, Беня ничего и не знает наверняка, — и глянул на коридор глазами чипанутого Эндрю, раз уж всё равно разбудил мозг. И в стотысячный раз похвалил того, кто ваял университетский скин. Солидно. Крутизна, кто понимает. Паркет, дубовые панели, медные ручки. В реале — полное дерьмо. Так и ждёшь, когда тебя по башке долбанёт куском штукатурки. А тут — глянуть приятно. Как это называется? Респектабельность, как-то так. Посверкивает медь, и свет из стрельчатых окон янтарным бликом лежит на завитках пане…

— Ё! — сказал я и отдёрнул руку. Из дырки в панели высунулась головка червя. С кулак размером, честно. Я глянул на стену своими собственными глазами. Стена как стена, крашеная, штукатурка в трещинах. Я опять посмотрел на неё через

налокотник. Фу, мерзость! И не один, вон ещё! «Опять какой-то умник хакнул университетский скин», — сообразил я и пошёл дальше, раздумывая, не стоит ли выключить текстуры. Не люблю таких приколов после завтрака. «Мало ли что эти остряки ещё сюда запустили?» — подумал я. Как в воду глядел. Две расфуфыренные тётки, следом за которыми я плелся по боковому узкому коридору, визгнули и шарахнулись к стенам. Из паркета вынырнула рыбина и снова ушла в паркет прямо у меня под ногами. «Идите вы, — подумал я, — со своими приколами. Куда подальше». И усыпил мозг. Коридор вылинял, монстры исчезли, остались только мгновенно потерявшие лоск и немалую часть деталей одежды чипанутые тётки, жмущиеся к стенам. Клик за два, они ещё не заметили червей в панелях. И тут грянул гром. Чипанутые, возможно, слышат мелодичный звоночек или там гонг, а меня как сковородкой по голове саданули. Я даже пригнулся от неожиданности, когда эта сволочь грохнула прямо над головой. Звонок на пару, я имею в виду.

В аудитории было полно народу, но химер ещё не явился, я передохнул с облегчением (опозданий у меня и без того уже хватало) и стал озираться, куда упасть.

— Эй, мистер Икс, сюда иди! — крикнули с заднего ряда. Я заметил там блестящий череп Бенито. Надо же, думаю, как он шустро прискакал. Лифтом, наверное. Не хотелось мне с ними разговаривать. Я поискал Далилу, но нашёл только свободное место по левую руку от Ники Нэйм, её соседки по комнате.

— Вы хотите вести практику, Эндрю? — прозвучал у меня за спиной голос химера. Те кони на задних рядах заржали, естественно. «Давай, Эндрю. Жги», — порекомендовал кто-то из них.

Я потащился по направлению к задним рядам, но, оказавшись поблизости от Ники, решился спросить её… Ну, вы понимаете. Хотел узнать, где Далила.

— Ника… — начал я.

— Садись-садись, — сказала она негромко и похлопала по пустому стулу ладошкой. — Далилы на первой паре не будет.

— Почему? — спросил я, усаживаясь.

«А ты ничего, мистер Икс! — сказали с задних рядов. — Очернить кожу, покрасить волосы — вылитая Далила». «Бенито! — прикрикнул химер. — Вы не заметили, я уже в аудитории. Покажите нам вашу нанофабрику».

— Дела у неё какие-то важные, — шепнула Ника. — Сказала, может быть, на третью пару успеет. А почему эти типы тебя называют мистером Икс?

Ника — спец по каверзным вопросам. Наклонит голову к

плечу и ка-ак выдаст. Непонятно, почему ещё не разогнала половину кодлы недоумков, которые за её подругой ухлёстывали. Стал я думать: действительно, почему Бенито меня так назвал? Где-то я слышал уже… И тут меня второй раз за утро пробрала дрожь. Мистером Икс меня величали до той поры всего только раз. Кэтчер так меня назвал. Это значит, Бенито всё обо мне узнал, сволочь.

Я приуныл. Нике не ответил, она подождала немного, отвернулась и стала слушать, как химер прохаживается по нанофабрике Бенито и крушит там всё указкой направо и налево, аж брызги летят во все стороны. Ничего странного, фантомайзеры в университете все как один ископаемые. Потоковые. Вы такое раньше не видели, разве что в музей вас занесло зачем-то или на свалку. Потоковые — они такие: стоит внизу плевательница, делает электризованный туман, на туман этот направлены лазерные проекторы. Всё. Нет, не всё. Ещё сверху фигня такая вроде пылесоса. Гляжу, значит, как химер разгоняет туман, и чувствую — попустило меня слегка. Потому что у Бенито вид при этом ещё хуже, чем у Штуца по утрам после глядок. Я оклемался немного и стал прикидывать, что известно Бене и откуда он это узнал, а главное — чем мне это грозит. Но ничего дельного так и не придумал.

— Дрю, выпусти же меня! — попросила Ника. Смотрю — она уже на ногах. И все на ногах, многие успели в проход выползти. Надо же, думаю, Бениной нанофабрики до перерыва хватило.

— Ты чего, Дрю? Заснул? — тормоша меня за рукав, спрашивала Ника. Симпатичная она девчонка, но не красавица. С Далилой не сравнить.

— Выпускать тебя не хочу, — схохмил я, чтоб хоть что-то сказать.

— Да? — удивилась Ника. — Тогда ладно.

— Да нет, — сказал я ей, поднимаясь. — Выходи. Пошутил я.

Она фыркнула и выскочила в проход, задев меня локтем. И мигом протолкалась в коридор. Обиделась, что ли? За что, спрашивается? Вообще, она странная. Взять хотя бы её ник: Ника Нэйм. Я спросил её, что за ник такой? А она: «Понимаешь, Дрю, я, когда анкету заполняла, никак не могла выдумать ник. Смотрю на графу nickname, смотрю… Нет. Ничего в голову не лезет. А эта из приёмной комиссии мне под руку: девушка, вы долго ещё будете? Ну, я и написала — Ника Нэйм».

Вот, значит, раздумываю я про странности Ники и бреду в коридор. Просто ноги размять. Вдруг что-то как хлестнёт снизу мокрым! «Ах ты!..» — думаю. Какой-то придурок забыл вырубить фантомайзер. И меня снизу доверху туманом окатило, особенно

между ног. И нечего ржать, сами попробуйте постоять над соплом потокового фантомайзера, я посмотрю, будет ли вам тогда смешно.

Вываливаюсь я в коридор, изрыгая проклятия, а там вся Бенина компания — прямо против дверей.

— У-о! — заорал кто-то из них. — Эндрю, что с тобой? Уа-ха-ха!

— Мистер Икс после исполнения трюка, — холодно прокомментировал Беня. — Скажите, вам не было страшно?

— А-а! Не было ли ему страшно?! Это лол! — зареготали его приятели, которых я даже ников не помню. — Не наделал ли он в штанишки? Не дать ли ему салфетку? О-о!

— Кроме шуток, Эндрю, это со всеми бывает, кто любит Штуцера? — не обращая внимания на хохот и ор, спокойно осведомился Бенито. — Я почему спрашиваю: вдруг это заразно? Это не передаётся воздушно-капельным путём?

— Воздушно-сопельным! — восторженно заорал кто-то из Бениных дружков.

Я видел только физиономию Бенито, его сияющую лысину, разинутые, хохочущие рты, и чуял — сейчас мне сорвёт крышу.

— Обтекай, Эндрю, ты подмочил себе репутацию, — продолжил Беня, подходя ближе. — Ещё немного, и я решу, что ты собираешься чипануться. Чего ты на меня так смотришь, дружок? Думаешь, в мокрых штанах ты стал страшнее? Не странно, что ты не признаёшься, как тебя зовут. Ты никто, ты ниоткуда и звать тебя никак.

Ещё секунда, и я сказал бы ему, как меня зовут. А потом дал в табло. Не знаю, чем это могло закончиться — в коридоре полно камер. Скажи я вслух, что зовут меня Нетребко, зафиксили бы точно. А даже если нет, по морде бы отгрёб, сто процентов. Их там было человек десять.

— Бенито! — услышал я женский голос. Не сразу даже узнал, кто это.

— Бенито! — повторила Ника, и все повернули к ней головы. — Странно слышать от тебя о подмоченных репутациях. Хоть я тоже никто и ниоткуда и зовут меня Никой, всё-таки спрошу. Кто ты? Откуда ты? Как зовут тебя? И заодно скажи: как звали твоего отца?

С каждым вопросом Ника подходила ближе, а Бенито пятился. Что-то в ней было такое… Не красавица она, это да. И ростом — мне по плечо. Но тогда мне показалось, что она выросла, а Беня сник. Особенно после вопроса об отце.

— Э! Чего это она? — неуверенно спросил кто-то из Бениных подголосков. — Что у тебя с отцом, Бенито?

Тот оглянулся, собираясь что-то ответить, но как раз грохнул и раскатился дребезгом звонок.

— После поговорим, — процедил Беня и пошёл в аудиторию, задев меня плечом. Остальные потянулись следом, но меня обходили стороной. Я по-прежнему стоял, дурак дураком, в мокрых штанах и с растерянной физиономией.

— Тебе нравится, когда тебя бьют? — спросила Ника. — Чего он от тебя хочет?

— Понимаешь…

— Молодые люди, вы слышали звонок? — спросил с порога аудитории химер.

— Ещё бы, — мрачно буркнул я. — Штаны вот теперь мокрые.

Химер не расслышал. И очень хорошо. Зачем мне проблемы с зачётом по химернетике?

— Пойдём, — шепнула Ника, взяла меня под руку и потащила внутрь.

Глава пятая

К началу лекции по социологии штаны мои почти высохли. Далила так и не появилась. Мы с Никой успели за перерыв смотаться в «Бомбоубежище», где она выпила первую за день чашечку кофе, а я съел второй завтрак. Когда мы оттуда вернулись, амфитеатр был полон. Лысина Бенито блистала в первом ряду, окруженная газоном из коротко стриженных голов его дружков. Заметив нас с Никой, Бенито отвернулся. Сделал вид, что высматривает кого-то. Мог бы придумать что-нибудь получше; каждому ясно, что ему некого искать на задних рядах амфитеатра, там одни чип-модифицированные граждане. Беня их не любит и старается не замечать, когда их много. А на потоке их хватает. Кодеры и защитники — поголовно чипанутые, даже среди тестеров их половина, если не больше.

— Говорила тебе — мест не останется, — сказала Ника.

«Корзина с яйцами», — подумал я, разглядывая переполненный зал, но вслух ответил:

— Если что, можно и на ступеньках.

— Ну уж нет. Вон места. Видишь? Во-он там.

Я покорно побрёл за ней, сообразив, что, если явится Далила, у меня будет шанс оказаться с нею рядом. Втроём на двух местах. Я и на ступеньках согласен, если что. С радостью. Лез на самую верхотуру амфитеатра и думал: не зря Ника не хочет на ступеньках сидеть в такой короткой юбке. Тряпка длиной с ладонь. Нанокожи она не признаёт. Её спросили однажды ради прикола, как она в такой короткой юбке и без нанокожи, а она: «Так и хожу. Как есть».

«Ну, не совсем как есть, — заметил я про себя, поднимаясь следом за нею. — Что-то всё-таки есть». Потом, правда, устыдился этих мыслей и стал смотреть под ноги. Ника мне друг, не годится другу под юбку заглядывать, я считаю.

— Фу-у, — отдувалась Ника, устраиваясь на скамейке. — А ничего здесь! Никогда не сидела на самом верху. Смотри-ка, народу сколько!

Послушать социологию набивается весь поток; это же мэрская лекция, попробуй не явись хоть раз. Лекции наш уважаемый мэр читает виртуально, однако за прогулы дерёт на экзамене вполне реально. Он — социолог с мировым именем. Его зовут Ростислав Владиславович Палинский. Он выдвинулся во время синтореволюции, ни одна акция синторадикалов без него не обошлась, но поговаривают, мол, сам он естет. Не чипован. Перед каждыми перевыборами обещает «погрузиться в

модифицированный мир», но после избрания всегда откладывает это дело «по рекомендации службы безопасности».

Пока я думал о Ростике, он появился у кафедры амфитеатра собственной персоной. То есть, я хотел сказать, — собственным фантомом. Демонстратор фыркнул, выплюнув первое облачко пара, оно взлетело, и могучая фигура Ростислава Владиславовича возникла в мерцающем тумане. В реале он не так чтобы очень высок, но фантомайзер сделал его трёхметровым гигантом и придал голосу силу грома.

— Здравствуйте, господа студенты, — проговорил он. — Тема нашей сегодняшней…

По аудитории прокатился сдержанный гул. Ростик мегапопулярен среди синтетов, а в зале их как-никак набилось порядком. Абсолютное большинство.

— …лекции, — продолжал, не обращая внимания на шум, наш мэр, — социальное расслоение постреволюционного синтообщества…

Сверкающий туман вокруг его фигуры рассеялся, на заднем плане возник призрак экрана, на нём — первый слайд. Я прочёл хвост названия: «…и способы устранения противоречий между основными социальными группами». Шум не утих, даже наоборот. И дружелюбным его нельзя было назвать, как ни странно.

— Что это с ними? — удивлённо шепнула Ника.

Чип-модифицированные граждане роптали, некоторые даже вскакивали с мест.

— Не знаю, — ответил я, прочитав ещё раз название лекции. Название как название, обычная предвыборная нудота.

— …и всячески укрепляя завоевания синтореволюции, мы не должны забывать, — вещал лектор голосом ю-пыря, страдающего несварением желудка.

— Уберите эту мерзость! — выкрикнули с места. Шум усилился, кто-то затопал ногами и свистнул.

— Что они там видят? — возбуждённо спрашивала Ника, толкая меня локтем.

«Видят? Ага!»

Я щелчком разбудил мозг симуличности и глянул на мэра глазами чипанутого Эндрю. Вместо «завоеваний синтореволюции» на экране позади лектора сияло: «Фуда — дерьмо Верхнего Города. Жрите её, дети мои!» Я потряс головой и глянул снова. Жрите её, дети мои. Он что, умом сдвинулся? Нет, я с ним в полной мере согласен, но всё-таки.

— Что там, что? — не унималась Ника. Порозовела даже от любопытства.

Я показал. Как раз в это время слайд за спиной Ростика

сменился, там появилось: «Долой цифровую дискриминацию! Сеть естетам!»

— А-а! — разочарованно протянула Ника. — Понятно. Это опять их штучки.

Может, ей и стало всё понятно, мне — нет. В реале на экране демонстратора висел слайд с обычной социологической трухой: стрелочками, кружочками, столбиками и процентами. Заглавие: «Структура стратификации слоёв синтообщества с учётом охвата средствами доступа к информации».

— Можешь убрать руку, — сказала Ника. Оказывается, демонстрируя экран, я не только подсунул налокотник прямо ей под нос, но и обнял свободной рукой. Прилично притиснул причём. Чего только не сделаешь от изумления.

Я убрал налокотник.

— Вторую можешь не убирать, — проговорила Ника глухим голосом. Я снял руку с её плеча, отодвинулся и глянул на Нику искоса, мельком. Щёки и шея красные. И лоб.

— Извини, — буркнул я и тут же уткнулся в экран. Новый слайд. «Хватит басен, мы не дети! Не желаем жить без Сети!» Кто это — мы? Не похоже на предвыборные лозунги мэрской команды. В политике я не силён, вообще чихать на неё хотел, если честно, но мне всё же стало интересно. Допёрло, наконец, что произошло. Ребята пустили в мэрскую сеть червя, и теперь тот показывал чипанутым вместо слайдов лозунги. Чьи только?

— Рассмотрим теперь проект ускорения углубления модернизации синтообщества, предложенный отделом информатизации… — тянул между тем волынку Ростислав Владиславович, но его не слушали. Пошла пурга по трубам. Синтеты с факультета защиты лезли руками через головы кодеров, пытаясь достать волосатых тестировщиков, те, обернувшись, отбивались. В самой гуще этого бурления посверкивал череп Бенито. Чистокожий парень, сидевший по левую руку от меня, орал во всю глотку, хлопая ладонью по столу: «Тихо, ублюдки! Ничё не слышно! Ти! Хо!»

— Вы можете видеть рост зависимости охвата населения от ширины полосы присутствия… — долдонил мэр, благосклонно поглядывая на этот бардак. Я сообразил, что ему-то ничего не видно из его кабинета. Где он вообще находится? У себя в мэрии, небось, в Верхнем. Это когда ещё служба безопасности донесёт ему о том, что творилось на лекции! И донесёт ли вообще, вот вопрос. Бенито что-то говорил о своих связях с бэхами. Беня. «Не его ли это фокусы?» — подумал я и поискал в толпе лысого вождя волосатоголовых. Нашёл с трудом, — не так-то просто разглядеть сидящего спокойно человека, если вокруг беснуются,

размахивают руками, орут, и кто-то лезет через ряды, а кто-то уже лежит на лестнице.

Нет, Беня крут, что ни говори. Хоть бы хны ему — сидел спокойно, что-то изучал на экране своей «таблетки».

— Сволочь.

— О ком ты, Ника? — спросил я, глянув на соседку с большим удивлением. Губы поджаты, щурится. Что это с ней?

— Тот, кто всё это устроил, — ответила она неприятным тоном.

Я собирался задать ей вполне законный вопрос, но что-то случилось вдруг, гул стих, будто всем крикунам одним махом заткнули рты, стало слышно, как кашляет и стонет чистокожий на лестнице, пытаясь на четвереньках добраться до своего ряда.

— Чё она там делает? — спросил меня тот парень, который с минуту назад надсаживался, прося тишины, и колотил по столу.

— Кто? — не понял я.

— Да эта ваша… Как её?

Я проследил за его взглядом и увидел на виртуальной сцене рядом с лектором Далилу.

— Под Салли Энн которая косит, — уточнил мой чипанутый сосед. Глаза его уже были закрыты — наслаждался зрелищем. Я проверил и убедился: за спиной мэра больше нет провокаторских лозунгов; что в реале, то и в виртуале — изображение незнакомого мне девайса, а поверх него надпись: «Дримодем».

— …найдено средство для устранения противоречия между основными слоями синтообщества, — бархатно рокотал мэр, — но предстоит ещё много работы, прежде чем средство сможет стать доступным широким массам. Мы предлагаем вам, господа студенты, внести свою лепту в общее дело. Нет сейчас более насущной задачи, чем обеспечение прочной базы для объединения расколотого противоречиями общества. Именно вы можете…

Тип, карабкавшийся по лестнице, наконец-то нашёл себе место и перестал стонать. В аудитории стало тихо. Публика тысячеглазо таращилась на Далилу. Та сидела, улыбаясь всем и каждому, по правую руку от мэра. Ростик говорил стоя.

— Кодировщики и защитники, я уверен, сделают своё дело, но особенно почётная роль отводится тестировщикам, поэтому я сегодня пригласил сюда лучшую студентку факультета тестирования.

— Далила в мэрии? В Верхнем Городе? — спросил я Нику.

— Как видишь, — коротко ответила та.

— И теперь, — разливался певчей птицей мэр, — я хочу торжественно вручить ей первый серийный экземпляр дримодема

как символ нашей общей надежды на социальное согласие. Это, не побоюсь громких слов, волшебное устройство — квинтэссенция наших общих усилий, вершина достижений передовой науки, поставленной на прочную коммерческую основу…

— Я знаю, чё за девайс, — объявил вдруг мой сосед слева, не открывая глаз.

— Да? — оживилась Ника и, придвинувшись ко мне, вытянула шею от любопытства. — Ну! Говори же, что это за штука? Ничего, Дрю, ты мне не мешаешь.

Я-то ей не мешал, это да. А вот мне было не очень удобно. Она навалилась на меня, даже жарко стало. Любопытство — качество неплохое, если знать меру, но у Ники всего слегка в избытке, за что ни возьмись.

— Дримодем. Нам на психотехнике показывали, — ответил чипанутый. — Универсальный беспроводной дуплексный широкополосный модулятор-демодулятор. Не толкайся, мешаешь.

— Это не я, — сказал я и попытался водворить Нику на место, но та всё лезла с вопросами:

— Ну и что? Зачем он? И что за название — дримодем?

— Дримы, знач, показывает, — пояснил флегматично знаток психотехники. — Чё-то вроде чипа, токо в голову вживлять не надо. Чё ещё в нём волшебного, я не догнал. Ну, дуплексный, так чё теперь? А чипы — симплексные. Главное — широкополосный. С дуплексом возни больше — два потока ж защищать. Апстрим и даунстрим.

— Два потока? — задумчиво переспросила Ника. Потом вернулась на своё место, бормоча под нос: «Беспроводной… Вход и выход… Демонстратор мечт… Защита…»

Сами понимаете, пока Ника расспрашивала моего соседа, я не видел, что происходило в кабинете мэра. Но там мало что изменилось. Далила всё так же сидела, кукольно улыбаясь всему амфитеатру, а мэр вещал:

— Я надеюсь, что договор, который ваша соученица подписала с корпорацией «Дримодем», будет продлён. Не исключено, что вы присутствуете при зарождении новой престижной профессии, для которой уже существует название — дриммастер.

— Мастер-мечтастер, — саркастически вставила Ника. Я только отмахнулся с досадой, глядя во все глаза на Далилу.

— Тестировщики только примеряют на себя мир, созданный не ими и не для них. Дриммастеры будут творцами, а не подопытными кроликами! — гулко гремел под потолком амфитеатра голос мэра. — Они не примерять будут

несовершенный виртуальный мир, а перекраивать его в полном соответствии с нашими чаяниями и надеждами. Дримодем — пропуск в мир нашей мечты. Эта девушка…

Далила поднялась с кресла.

«…шка» — раскатилось и смолкло под потолком гулкое эхо. Стало тихо.

— Взяла мой блеск для губ, — раздражённо проговорила Ника.

— Тш-ш, — прошипел я и сжал ей руку.

— Она прекрасна, как мечта, — продолжил мэр. — Я уверен, она станет хорошим дриммастером и её мечты станут реальностью для миллионов. С надеждой на будущее и большим чувством вручаю ей…

Мэр пропал из поля зрения видеокамер, потом вернулся с немаленькой коробкой и какими-то бумагами. Он договорил:

—…вручаю ей дримодем.

Я неотрывно следил, как Далила взяла из рук мэра подарок, потом подписала договор, пользуясь коробкой как столом, и вернула бумаги мэру.

— Договор, — провозгласил он, показывая листки залу. — Пропуск в виртуальный мир. Ваша соученица стала первой, но с этой минуты начат отсчёт новой эры. Сначала только самые достойные из вас получат право подписать соглашение с корпорацией, но…

Шум прокатился по залу, разросся, потом кто-то выкрикнул: «Дримодем!» Его поддержали, мгновение — и весь зал заревел: «Дри! Мо! Дем! Дри! Мо! Дем!» В голове моей всё смешалось: Далила с коробкой в руках; Верхний Город; мечты, ставшие реальностью; творцы и кролики, — из всего этого получилась невразумительная сверкающая каша. Восторг толпы чипанутых наэлектризовал меня. Стыдно признаться, но я завопил вместе со всеми. «Дри-мо…» Нет большего дурака, чем восторженный дурень.

Экстаз пошёл на убыль, только когда Ника отобрала у меня свою руку. Выдернула. Оказывается, я всё ещё стискивал ей кисть, причём, надо думать, сильно — в глазах у неё стояли слёзы.

— Дри-мо-дем, — проговорил я по инерции, но уже тише. Губы Ники, лишённые блеска, дрожали.

— Поздравляю вас, Далила! — бархатно прогудел мэр, голос его на миг перекрыл крики.

Я глянул туда и взревновал. Поздравления поздравлениями, но зачем лезть целоваться?

— Ломака, — проговорила Ника, потирая руку. Я так и не понял, меня она имела в виду, мэра, дарившего улыбки направо и

налево, или Далилу. Та отступила в глубь сцены и скромно склонила голову. Коробку с дримодемом прижала к груди обеими руками.

— Извини, — сказал я Нике и погладил ей пальцы.

— Ничего, — еле слышно выдохнула она. — Смотри туда, ещё пропустишь что-нибудь.

Я послушался. Однако пропускать было нечего, сцена опустела, над соплом фантомайзера рассеивалось лёгкое облачко пара. Что произошло в кабинете мэра дальше, никто из нас не увидел — лекция по социологии закончилась на час с лишним раньше положенного срока.

Народ потянулся к выходу, возбуждённо галдя. У дверей образовались пробки, в густой толпе перемешались чипованные и нечипованные граждане, синтеты и естеты. Ника выбралась в проход и стала спускаться, не глядя, иду я за ней или нет. «Чем-то обидел её опять», — подумал я и позвал:

— Ника! Подожди, пока народ рассосётся!

Но она только плечами передёрнула. Я заметил, — ищет кого-то. И тут же выяснилось, кто был ей нужен.

— Бенито!

Я поспешно скатился следом за Никой Нэйм. Нельзя оставлять её одну, всё-таки она полезла в свару из-за меня. Это я так думал, на деле всё обернулось по-другому.

Вождь естетов ещё сидел в первом ряду, возя пальцем по экрану своей навороченной «таблетки». Ника остановилась в шаге от него и спросила:

— Что вы за спектакль здесь устроили?

— А? — вздрогнул Беня. — Спектакль?

— Только не изворачивайся! — прошипела Ника. Я понял, что она в бешенстве, причём не я тому виной. Она стояла, уперев в бёдра сжатые кулачки, против Бенито (глаза их были примерно на одном уровне) и слова не говорила, а выплёвывала:

— Вы! С ним вдвоём! На пару!

В глазах Бенито мелькнуло понимание, он ухмыльнулся кривовато и не слишком весело. Я не понимал ничего. С кем вдвоём? Он ответил:

— Думаешь, это была совместная промоция? Ошибаешься. Он опять оставил меня с носом.

— Враньё! Ты эти сказки своим олухам будешь рассказывать! — горячилась Ника. Я на всякий случай подошёл ближе. Олухов поблизости заметно не было, но предводитель их вполне мог посчитать себя обиженным.

— Мои олухи, девочка моя…

— Я не твоя девочка.

— Мои олухи, — буркнул Бенито, — тоже больше не мои олухи. Говорю же, старик меня опять столкнул с дороги. Видишь?

Бенито указал на пустые скамейки.

— Кого? — не поняла Ника.

— В том-то и дело, что никого. Кто-то из них получил письмо от мэрской корпорации. И они всем скопом потянулись заключать договоры. Может быть, они правы.

Бенито вздохнул и стал запихивать «таблетку» в чехол, продолжая цедить сквозь зубы:

— Они теперь давятся в очереди за дримодемами, а старик тем временем развлекается с этой смазливой подстилкой у себя в Верхнем. С лучшей студенткой. Дриммастер! Новая профессия! Самая древняя.

Тут я сообразил, о ком он, и на какое-то время забылся. Когда опомнился, в руках у меня был воротник Бениной стильной рубашки; её хозяин дёргался, хватаясь за край столешницы. Оказывается, я стал вытаскивать его наружу прямо поверх ряда. Переклинило просто, это со мной бывает.

— Да оставь же его! — пищала Ника и пыталась оттащить меня. Сзади кто-то спросил глубокомысленно и довольно громко: «Чего это они?» Смех, да и только. Я бы рассмеялся, если б не был так зол. Глупое положение. Всё-таки я выпустил Беню, и тот сполз обратно. Показалось мне, сейчас он полезет в драку, но нет. Бенито уселся, как будто ничего не произошло, и глянул на меня надменно.

— Видишь, Ника? — проговорил он слегка придушенным голосом, глядя при этом не на неё, а на меня. — Твой дружок беспокоится о чести дамы. Рыцарь ордена Непорочной Златокудрой Афрокожей Девы. Господи, в каком дерьмовом мире мы живём! Вокруг одно злобное дурачьё. Ещё немного, и я решу, что старик прав, и тоже подпишу договор.

— Мир от этого лучше не станет, — сказала Ника, пытаясь влезть между нами. — Дримодем — та же чиповка, только без чипа.

— Нет, не та же, — возразил Бенито. — Ты ничего не поняла, как всегда. Слышала, же? Он дуплекс, а не симплекс. Старик в чём-то прав. Мир надо изменить.

— Тебе бы только мир менять, — фыркнула Ника. Ей удалось-таки оттеснить меня в сторону. Справившись с этим непростым делом, она потащила меня под руку прочь, но на ходу добавила, обернувшись к Бене:

— Яблочко от яблоньки… Я понимаю, почему ты так неравнодушен к Далиле.

И больше ничего. Что она имела в виду, я понял гораздо

позже, иначе не дал бы увести себя так просто.

В лифте мы молчали. Несколько слов, сказанных о Далиле, беспокоили меня больше, чем мне самому хотелось. О чём думала Ника, не знаю. Я вспомнил о ней, только когда добрался в своих размышлениях до начала разговора с Бенито. Получалось, Ника знала о нём гораздо больше, чем я. Откуда? Что-то похожее на ревность опять шевельнулось во мне, я удивился даже. Ника мне друг, не больше. При чём здесь ревность? Я искоса глянул на девушку, которая вела меня куда-то под руку. Губы плотно сжаты, уголок рта — книзу. Ника Нэйм думала о чём-то неприятном, от этого лицо её показалось мне особенно некрасивым.

— Ты знала Беню раньше? — спросил я. — Чего это он тебя своей девочкой назвал? Слушай, куда ты меня тащишь?

Мы давно вышли из лифта на первом этаже, Ника волочила меня к выходу. Она натянуто улыбнулась, толкнула меня к турникетам и, только оказавшись по ту сторону вертушки, ответила:

— Мы учились вместе в реалскуле. В одном классе. Я и он. Бенито всё ещё не сжился с мыслью, что я больше не его девочка.

— А ты что об этом думаешь? — спросил я, удивляясь самому себе. Какое мне дело, а?

— Я ничего больше об этом не думаю, с тех пор, как поняла, чего он хочет от нас от всех.

— От кого это — всех? Слушай, скажи, куда ты меня тащишь?

Мы уже были снаружи, в университетском парке. Вообще-то студенту нечего делать в городе, — в университетском здании есть всё, что ему нужно; чипанутый он или нет, без разницы. Годами можно на улицу не показываться. Я и не выходил бы. Если честно, чувствовал себя неуютно: всё время почему-то казалось, что за мной следят, даже в парке. Боялся снова попасть к тем ребятам, которые выманили меня из дому и чуть было не чипанули.

— Если я говорю «всех», я имею в виду всех. Тебя в том числе, — заявила Ника. — А веду я тебя сюда.

И она подтащила меня к парковой скамейке. Я огляделся — пусто в парке и тускловато по-осеннему — и сел на краешек. Ника устроилась рядом, откинулась на изогнутую спинку лавочки, скрестила руки на груди, покивала и продолжила:

— Мне нужно поговорить с тобой. До начала пары ещё целый час.

«А, — думаю, — ну, тогда ладно». И спросил, чтоб поддержать разговор:

— И чего Бене от меня нужно?

— Того же, чего ему нужно от меня.

«Привет, — думаю, — вот бы никогда не подумал, что Бенито педик».

— Ему только этого от всех и нужно, точно как его отцу.

«Ну вот, — думаю, — отец у него тоже… И вообще, мне до них дела нет, что до отца, что до сына».

— Он долго морочил мне голову, — продолжала Ника, — но когда я это поняла… Всё. Он считает себя величиной, но для меня он — ноль. Как и его отец, кем бы он ни был.

«Опять отец. Да чихать мне с мокротой на отца Бенито, если тот у него есть».

— От любви до безразличия полшага, — провозгласила Ника, тряхнув головой. Прядка прямых чёрных волос упала на лоб. Я заметил — щёки у Ники опять покраснели. Кожа светлая, заметно очень.

— От безразличия до ненависти ещё полшага, — заявила она. — А обратно дороги нет.

«До ненависти», — отметил я с удовлетворением. Чему так обрадовался, сказать не могу. Мысль, что предметом ненависти Ники стал Беня, пришла позже.

— Он-то думал, я буду в полном восторге, узнав, кто его отец. А я… Я всех их ненавижу, а его отца — особенно. Из-за него…

Тут она осеклась и глянула на меня виновато.

— Так кто его папаша? — спросил я равнодушно. В конце концов, у всех есть какой-то там отец, даже у айдиотов, если вдуматься, только им от этого не легче.

— Знаешь, я не хотела бы говорить. Это будет как-то… подло, что ли. Он мне одной сказал. Может, он вообще соврал. Знаешь, бывает такое — врут, чтобы понравиться.

«Знаю-знаю, — подумал я. — Сам такой. Чего только не нагрузишь ради благого дела». Всё верно, я как-то одной дурочке в чате втирал, мол, я — сын мэра. Повелась. Чуть до вирта не дошло дело, я вовремя слился. Ник даже пришлось тогда бросить, чтоб отцепилась.

— И вообще, хватит, — сказала Ника Нэйм, убрала волосы со лба и села прямо, сложив руки на коленях. «Всё-таки юбка у неё коротковата. Ни в чём меры не знает», — подумал я.

— Хватит об этом, я о другом хотела. Знаешь, Дрю, был бы ты мне безразличен, никогда бы не стала спрашивать. Зачем тебе всё это? Зачем универ, зачем факультет тестирования? Чего ты вообще хочешь?

Я чуть было не сказал ей. Так вдруг захотелось сказать кому-нибудь, от чего прячусь! Что из дому сбежал не из-за Салли. Не будь Салли, было бы что-нибудь другое.

Понимаете, очень мерзко, когда с самого детства вас пихают

со всех сторон, как шарик в пинболе, чтобы уложить в дырку. В ту, на которой побольше нулей нарисовано. Пынь-пынь-пынь, дзынь! Вы уже в дырке. Слыхали о профориентации? За пару месяцев до моего бегства Система выдала мне эту хрень. Рекомендации. С первого сентября начиная, предки собирались пристроить меня в полном соответствии с этими самыми рекомендациями. Я чуть было не ответил Нике, когда спросила, чего хочу: «Хочу, чтобы меня оставили в покое. И дали жить, как я хочу, а не как решила Система». Но скажи я ей это, и пришлось бы выложить всю правду об Андрее Нетребко. И я стал грузить по полной программе. О том, что жить не могу без виртуального мира. Что быть тестером — моя детская мечта. А теперь вот — дриммастером не отказался бы стать. Что Верхний крут, и я туда хочу. Что… Да я сам уже не помню, что нёс. Несу, а сам вижу — Ника никнет. Глаза потускнели, плечи ссутулились. Снова прядь волос на лбу. И чего-то стало мне вдруг гнусно, будто дряни какой-то набрал полон рот. Я вяло пожевал последнюю враку, выплюнул её и заткнулся. Помолчал немного и говорю:

— Фигню я нёс. Извини.

— Зачем? — спросила она. Гляжу — глаза у неё блестят. Но не от удовольствия, это точно. Я сглотнул, хотел ответить, но Ника меня опередила:

— Верхний Город, небоскрёбы с зеркальными гранями, коптеры — как стрекозы. Небо, облака. Красиво. Я понимаю. И вирт тоже… Но есть же вот это. Смотри.

Я проследил за её рукой. Что значит — это? Ну, парк. Фонари, скамейки. Старые деревья. Замусоренные вялой листвой дорожки. Наглые белки. Тускло всё. Осень в Нижнем Городе — не самое лучшее время. Мертвенный свет цедится сверху, холодно.

— Эти деревья, — говорила Ника, — росли здесь, когда Верхнего ещё не было. Они помнят солнце и дождь.

Да, тут она права, сто процентов. Чего-чего, а дождя в Нижнем Городе не бывает никогда. Разве что проблемы с перекрытием, но тогда это не дождь, а целый водопад, башку может снести струёй. Деревья, даже если и помнят что-то такое, теперь вполне довольны. Вон рядом с каждым шланг, чего ещё нужно?

— На городе свет клином не сошёлся. Зачем он тебе, Дрю? В мире много что есть кроме городов.

«Что есть? — думаю. — Дурацкие рисовые поля и синтокомбинаты?»

— Есть горы, — говорила Ника. — Леса. Моря есть где-то и океаны. В них острова.

«Чего это она?» — подумал я. Узкая ладошка Ники Нэйм

лежала у меня на плече. И смотрела Ника Нэйм на меня странно.

— Звёзды ночью бывают, — сказала она, придвинувшись, и положила мне на плечо голову. Я сидел на краешке скамьи, как истукан.

— Кроме того, здесь есть я, — сказала Ника Нэйм. — А в Сети меня нет.

Я почувствовал… Нет, тепло её тела — само собой. Она же прижалась ко мне, как тут не почувствовать? Запах. Я, кажется, говорил вам, что запахи — моё слабое место. В том смысле, что почти их не чувствую. Вернее, до того самого времени не чувствовал и не очень-то по этому поводу печалился. Начхать было, по правде говоря. И вдруг — запах. Но я не обратил на него внимания, просто стало мне спокойно, как ни разу до того не бывало. И Верхний Город показался мне глупой выдумкой, а уж Сеть — тем более. Идите, думаю, вы все в задницу с Системой вашей, мэром хакнутой во все порты, с бениной матери яйцеголовым сыном, с нанофабриками вашими и дерьмодемами, с мастерами-мечтастерами и с мечтами их…

И тут бипнул мой налокотник. Пришёл от кого-то мэйл. Стараясь не потревожить Нику (голова её всё ещё лежала у меня на плече), я поднял руку и глянул на экран. Резкий, неприятный запах. Неживой. Никогда раньше не обращал внимания, как пахнет от мозга-эмулятора.

— Что там, Дрю? — лениво поинтересовалась Ника. Голова на моём плече шевельнулась. И снова тот запах. Я никак не мог понять, что это пахнет так — палые листья? Спокойно, живо.

— Мэйл пришёл, — ответил я.

— Письмо? — Ника подняла голову и отстранилась. В глазах скрытое беспокойство. «Она не хочет показать, что ей любопытно, от кого мэйл», — сообразил я.

— Вот, смотри, — я подсунул Нике экран и только после этого заметил в заголовке слово «Дримодем». И не только в заголовке.

Корпорация «Дримодем» была рада сообщить, что мне, студенту факультета тестирования Эндрю, айди такой-то, предлагается подписать договор об испытаниях универсального беспроводного дуплексного широкополосного модулятора-демодулятора, для каковой цели я могу получить вышеуказанный дримодем безвозмездно. Если меня интересует предложение корпорации, мне следует прибыть в кабинет два двадцать один административно-хозяйственного сектора, где мне будет предоставлена возможность ознакомиться с договором и подписать его. Необходимое оборудование я могу получить там же, равно как и подробные инструкции. Корпорация берёт на себя

обязательство обеспечить мне бесплатный доступ к ресурсам дримцентра на время тестирования. Информацию о кодах доступа и мерах безопасности сообщит мне уполномоченный по делам фирмы. Ну и всякие трали-вали о неразглашении, ответственности за несанкционированный доступ и всё такое.

— Я так и думала, — сказала, кивая, Ника, — все это получат. Сегодня же побегут за модемами и полезут в Сеть. Мэр знал, кого позвать к себе в кабинет.

— При чём здесь Далила?

— Приманка для таких… — Ника осеклась.

— Договаривай, — раздражённо сказал я. Не понимаю, в чём тут дело, но оказалось, мне не обязательно слышать слова Ники. И без того понятно, что она хочет сказать.

— Ты говоришь, Далила вроде приманки для таких придурков, как я.

— Не совсем так, но…

— Нет, именно это ты и хотела сказать.

— Но ты же не пойдёшь? — спросила она, наклонив голову. Особой уверенности в её голосе не было.

Я не знал, что делать. Нику обижать не хотелось, но и не пойти я не мог. Надо же было выяснить, что затевает мэр! Хоть Далила и приманка, но она же и жертва, это понятно. Старая сволочь использует её в своих целях, а потом… Что потом? Не знаю. Но ничего хорошего, это же понятно! Не мог я бросить Далилу на произвол судьбы после того, что я о ней думал. Это было бы реальное предательство, я считаю.

Нике я этого объяснять не хотел. Зачем? И потом, что со мной может случиться? Чип же в голову не вставят. Один раз попробую, верну им девайс, и все дела. И расторгну договор. Пусть подотрутся. Короче, не решился я всё это выложить Нике. Объяснения — как верёвки. Путаются, только мешают. Легче обрезать сразу, подумал я и сказал просто:

— Я пойду.

— Иди, — сказала Ника сухо и отвернулась.

Ладно. Я встал и пошёл. Гадостно мне было, скажу я вам. Под ногами шуршали листья, теперь я чуял, как они пахнут. Совсем не тот запах. Сухой, ломкий, игольчато-острый. Мёртвый. Я вдыхал, пытаясь уловить тот понравившийся мне тёплый аромат, чтобы стало спокойнее на душе, но не получалось.

— Эндрю! — услышал я позади. Обернулся рывком. Ника налетела на меня, обхватила и прижалась к груди щекой. Я узнал. Так пахли её волосы.

— Я не держу тебя. Иди, — сказала она. — Я только хотела сказать… Если что-то случится с тобой…

Я ждал молча. Просто не мог выговорить ни слова.

Она взяла себя в руки, оттолкнула меня и отступила на шаг. Глаза у неё были совершенно сухие.

— Я сегодня больше не пойду на пары, Дрю, — сказала она, отворачиваясь. — Если понадоблюсь, приходи. Буду у себя в комнате. Думаю, Далила тоже туда вернётся рано или поздно.

— Передай от меня привет Далиле, — сказал я, повернулся на каблуках и направился к университетскому входу.

Я знал, что мне нельзя туда идти. Оттуда несло лежалой мертвечиной, раздробленной на мельчайшие колючие частички, растёртой в пыль. Нужный мне запах стал едва различимым; я чуял — жизнь осталась позади, а впереди смерть. Но, к сожалению, тогда я ещё не научился доверять чутью.

Глава шестая

Наш административно-хозяйственный сектор — на втором этаже. Чтобы попасть туда, достаточно подняться на три пролёта по центральной лестнице, но меня почему-то занесло в лифт. Запахи так на меня подействовали или разговор с Никой, сказать сложно, но мне тошно было даже подумать о кабинете два двадцать один. Ноги сами потащили меня прочь, я втиснулся в лифт, на десятом этаже меня оттуда вынесла толпа чипанутых. Сопротивляться было бесполезно: десятый этаж — гнездо защитников полушарий, начало третьей пары, они ломились туда, как стадо леммингов. Я оглядел унылую стену кафедры защиты информации сначала своими глазами, потом глазами чипанутого Эндрю, прочёл, что в Малой Физиологической состоится семинар психотехников, где будут обсуждаться некоторые аспекты широкополосного двунаправленного беспроводного доступа. Мне стало интересно. Нет, вы не подумайте, будто я хочу сказать, мол, увидел объявление, всё просчитал и сделал определённый вывод. Ничего я тогда ещё не соображал и предвидеть не мог. Делать было, в общем-то, нечего. На третью пару я не собирался, а поход в кабинет два двадцать один мог подождать. Ну не хотелось мне туда, понимаете?

Малая Физиологическая аудитория не так чтобы совсем мала. Однако народу в неё помещается не очень много, потому как вдоль стен расставлена древняя психотехническая аппаратура, по большей части неработающая. Мне пришлось однажды побывать там. Тогда я искал Штуцера и только заглянул внутрь, чтобы вытащить этого цифроманьяка в коридор. Он в тот день делал домашку по защите и поставил в порядке эксперимента блок на дверной замок, а потом забыл снять. Я в комнату из-за него не мог попасть битый час. Ладно, это дело прошлое.

Короче, на этот раз я нашёл Малую Физиологическую быстро и сразу же заглянул внутрь. Все только рассаживались. Чистокожий типчик в синем балахоне похаживал перед кафедрой, нервно потирая руки; в первых рядах позёвывали по очереди солидные чипанутые сотрудники, все как один мордатые и важные; в средних рядах сдержанно переговаривались сотрудники помельче; на галёрке помещалась кафедральная мелюзга вперемешку со студентами, кое-кто из них уже лежал в отрыве от реала. Я вошёл и стал искать место в задних рядах.

— Эндрю! — крикнули с галёрки. Я увидел поднятую над лысыми головами руку, узнал Штуца и пошёл к нему, но по дороге обнаружил нечто, заставившее придержать шаг. Рядом с

моим соседом по комнате сидел Бенито. Невероятно. Это после наших с ним утренних тёрок! Что ему понадобилось в аудитории, набитой синтетами?

— На ловца и зверь бежит, — как ни в чём не бывало приветствовал меня он, когда я, справившись с изумлением, подошёл ближе. — Садись, Эндрю.

— Падай, Дрю, — поддержал его Штуц.

— Так что там со слоями? — с большим интересом спросил у Штуцера Беня.

— Да ничего сложного, — с охотой стал рассказывать Штуц. — В первом слое — симплекс-поток, обычное чип-инфо. Если б кроме него ничего больше не было, ты получал бы то же, что льют в чип, скажем, мне. Те же ощущения. Обратный поток хилый — через мультиплексор, потому меню бы у тебя были как в активном скине, не шире. Но с дримодемом всё круче в разы.

Мне казалось, я сплю. Нереально это: Бенито, на дух не выносивший чипанутых, припёрся к ним на лекцию, расспрашивает о дримодеме, и кого! Хотя, если вдуматься, Штуц из-за своего бзика лучше понимает естетов. Получается, он чипанутый только наполовину. Может, поэтому мы с ним ужились, хоть и не без проблем.

— Самый глубокий слой, — продолжал Штуцер, — отладочная инфа. Её можно спрятать, чтоб не мешала. Можно вообще закрыть к ней доступ.

— А режим мастера?

— О нём же и говорю. Он доступен при включённом отладчике. Да он и есть — режим отладки. Вообще-то, в нём я не рублю. Пробовать надо. Знаю только, что с его защитой особенно туго. Через него орешки напрямую воткнуты в Сеть. Сквозь дримцентр, конечно.

— Орешки?

— Я о полушариях.

— Народ, не фоните, а? — попросил Штуца его сосед спереди. Оказывается, семинар уже начался, просто голос у нервного докладчика был слабый.

— Тема моего, тэкскэть, доклада, — сообщил лектор негромко, — некоторым образом связана с актуальнейшим комплексом проблем широкополосного двунаправленного беспроводного доступа, а именно с малоизученным, но чрезвычайно интересным явлением, получившим, тэкскэть, название, э-э, синдрома последействия. Некоторые аспекты этого любопытного, э-э, феномена исследовались мною на материале испытаний модулятора-демодулятора, любезно предоставленного корпорацией «Дримодем». Возвращаясь, как бы так выразиться, к

истории вопроса…

Я отвлёкся. История вопроса меня мало интересовала, хотя последействие вещь стопроцентно интересная. Как его ни называй, синдром оно там или нет, суть от этого не меняется. Непонятно только, каким боком последействие относится к дримодему. Кто-кто, а я наблюдал это явление без всякого дримодема на материале поведения соседа по комнате. Вот этого самого Штуцера.

В первый раз это случилось через пару недель после моего поступления в универ. Я уже успел притерпеться к обычным штучкам Штуца, ночные подвиги соседа больше не лишали меня сна. Мерный скрип его кровати даже стал действовать на меня усыпляюще. Но жизнь приготовила новый сюрприз. Однажды утром я проснулся от ужасного грохота. Пока продирал глаза, что-то тяжело топало по полу, меня аж на кровати подбрасывало, потом грохот повторился. Я продрал глаза и сел. На полу извивался Штуцер, куртка его пижамы задралась чуть ли не до плеч, он пытался подняться, но почему-то не пробовал помочь себе руками. Глаза его были закрыты.

— Штуц! — позвал я. Бесполезно. Полный отрыв.

Пока я выбирался из постели, он ухитрился встать. И я понял, кто топотал так ужасно. Штуц перемещался по комнате прыжками, поставив ноги вместе. Допрыгает до выхода, дёрнет головой в сторону, потом ка-ак кинется на запертую дверь с размаху! Иногда после этого ему удавалось устоять на ногах, иногда нет, но, поднявшись, он вновь и вновь атаковал нашу несчастную дверь.

Меня он не замечал, привести его в чувство не удавалось, и я решил помочь. Штуц — ладно, что ему, раздолбаю, сделается, а дверь было жалко. Улучив момент, я распахнул её настежь, и Штуцер выпрыгнул в коридор. Надежда, что очередной заскок моего соседа пройдёт, когда препятствие исчезнет с его пути, не оправдалась. Он помчался по коридору огромными скачками, напоминая гигантского бесхвостого кенгуру.

— Штуц, осторожнее! Там лестница! — заорал я, когда сообразил, куда он направляется. Слава рыбьим яйцам, он не стал спускаться, поскакал наверх. Я побежал следом. Штуц уже запрыгнул на верхнюю площадку, до полусмерти напугав девчонку в банном халате и с полотенцем на голове. Когда я увидел, как мой сосед разворачивается на месте, до меня допёрло, наконец, в чём дело.

Накануне вечером он раздобыл где-то шаровой код к «Спрингмэну», такой дурацкой игрухе. Ну, вы в курсе, я думаю. Она тогда была мегапопулярна, даже не знаю почему. Штуцер

говорил, нечипованный вообще не может понять, каково это — стать человеком-пружиной. По правде говоря, не очень-то мне и хотелось. А Штуц собирался на сон грядущий пошпилить немного, чтобы расслабиться после практики по защите информации. Расслабился, называется.

Куда было нужно Штуцеру на девятнадцатом этаже, я понял сразу, но всё равно еле успел открыть перед ним дверь туалета — слишком уж шустро он прыгал. Чуть из штанов своих пижамных не выскочил. На коленях уже болтались.

— Эй, Пружина-мэн! — обратился я к нему, не надеясь быть услышанным. — Очнись! Штуц!

Нет, это просто цирк. Штуц подскакал к писсуару, нацелился. Тут мне пришло в голову, что человек-пружина вообще-то не умеет стоять ровно, вынужден прыгать всё время. Что ж он, думаю, теперь делать будет? Штуц вышел из положения просто. Упёрся башкой в стену. Я приготовился помогать его возвращению в комнату. Сами понимаете, спуститься с лестницы скачками сложнее, чем подняться, а уж натянуть пижамные штаны без рук, — и вовсе, по-моему, невыполнимая миссия. Разве что зубами. Но тут Штуцер очнулся. Может быть, на голову перестало что-то такое давить или по какой другой причине, но он пришёл в себя. Стоит, глазами хлопает. Потом догадался, что штаны можно и натянуть.

— Чего это я? — спросил он у меня первым делом. Я не смеялся, честное слово. Только после, в комнате, когда стал ему рассказывать. Он, конечно, не поверил. Решил, я прикалываюсь. Хорошие приколы, страшно же! Пружина пружиной, но вдруг его в следующий раз переклинит после рубки в «Slime&Darkness» на тёмной стороне? Опасная штука — последействие.

Пока я припоминал собственные исследования синдрома последействия, докладчик расправился с историей вопроса и перешёл к теме. Он больше не мычал и не мямлил, слушать стало легче, хоть кое-чего я не понимал. Теперь мне кажется, будто я узнал, что случится с Далилой, именно тогда. С вами бывает такое: точно известно, что вы не могли просчитать события, но вам кажется, что знали всё наперёд? Я слушал об изменении реакций испытуемых на некоторые раздражители после использования дримодема в определённых режимах, но это не было для меня откровением и особенно удивительным не показалось. Видал я всякие отклонения и раньше. Может быть, меня зацепила инфа об аномалиях в Сети? Не знаю. Это, по крайней мере, было для меня новостью.

Оказывается, после того как мозги испытуемых пустили в Сеть, программные фильтры дримцентра стали вылавливать

обособленных и чрезвычайно агрессивных вормов, пытавшихся проломить защиту снаружи. Исследование этих червей, по словам докладчика, поставило кодеров в тупик. Вормы были написаны подробно, нетривиально, но каждый отдельно взятый фрагмент их кода выглядел совершенно бессмысленным. Иногда, соединившись, они становились способными действовать направленно и тогда нападали, но каких-либо других закономерностей в их поведении установить не удалось. Связать атаки с действиями хакеров тоже не получилось. Докладчик предположил, что эти странные осколки кода — последействие Системы, и стал проверять это предположение. Он исследовал исходящий поток дримцентра и обнаружил, что отдельные его фрагменты очень похожи на коды тех червей. Понимаете? Выходит, в момент соединения мозг составлял с Системой одно целое, но, когда связь разрывалась, остаточные процессы шли и в мозгу, и в Системе. Последействие, чтоб ему пусто было.

Я заволновался, а почему — и сам не знал. Покосившись на Бенито, я заметил — его также что-то тревожит. Штуцер — тот не заморачивался. Слушал и кивал с понимающим видом. Кому-кому, а ему к последействию не привыкать. Я опять вспомнил о человеке-пружине, и мне стало ещё хуже. Кто знает, вдруг с Далилой что-то такое случится?

— Теперь, — сказал разошедшийся не на шутку докладчик, — если у вас есть вопросы по первой, тэкскэть, части доклада, задавайте. Не стесняйтесь, я, э-э, постараюсь ответить. Нет вопросов?

Я огляделся. Народ в задних рядах лежал в отрыве поголовно, кроме нас троих. Сотрудники среднего ранга переглядывались, а большие боссы благосклонно кивали, но спрашивать не торопились.

— Э-э… ни у кого нет, э-э, вопросов? Тогда я, тэкскэть, хотел бы некоторым образом…

— Есть вопрос, — сказал вдруг Бенито.

— Да?! Сидите, молодой человек, можно, э-э, спросить с места. Что-то вызвало, э-э, затруднения?

— Нет. Вы говорили, что в некоторых режимах работы дримодема Сеть можно считать эффекторным продолжением мозга. Я хотел бы узнать, не изучалась ли вами в этом контексте возможность доступа к мозгу испытуемого из Сети?

— Я понял вас, э-э, молодой человек. Нет, не изучалась. Во-первых, вероятность взлома фильтров дримцентра исчезающе мала. Для этого потребовались бы ресурсы, превышающие мощности всех устройств, подключённых к Сети. Во-вторых, мозг сопротивляется несанкционированному доступу, и очень

успешно. Смею сказать, успешнее, чем любой программный фильтр. Понимаете, таламус обычного человека тоже в некотором роде фильтр… Ну, не будем, тэкскэть, повторять прописные истины. Должен вам сказать, молодой человек, мозг в известном смысле, э-э, мощнее Сети, бороться с ним затруднительно.

— Об этом и речь, — уточнил Бенито. — Не может ли мозг другого человека, тоже подключённый к Сети через дримодем, оказаться сильнее ваших хвалёных фильтров и прорваться в мозг испытуе… мого.

Неясные подозрения зашевелились в моём собственном мозгу. Зачем это Бене? Он же не собирается подписывать договор. Почему он вдруг заикнулся на слове «испытуемого»? Чего Беня занервничал?

— Э-э-э… Понятно. Теоретически это возможно, но практически такой вопрос не рассматривался. Похоже, молодой человек, вы просто не представляете себе, насколько сложны процессы, протекающие в мозгу хомо сапиенс. Декодировать, знаете ли, будет затруднительно. Это вам не червячков из Системы вылавливать, это, знаете ли… да. Есть ещё вопросы?

— Да, — сказал к неудовольствию докладчика Бенито. — О последействии. Можно ли внушить испытуемому программу действий, которую он вынужден будет выполнить после того, как отключится от Сети?

— Нет, это невозможно. Э-э-э… Вернее, это могло бы стать возможным, если бы вы, молодой человек, научились составлять программы для мозга. Пока наши знания о процессе мышления расплывчаты и, тэкскэть, фрагментарны. Какие-то действия вы можете вызвать. Повторяю, э-э, именно какие-то, а не определённые. Случайные. Но для этого не нужен дримодем. Представьте: вы подходите к, простите, девушке и щиплете её за… Э-э… Я хотел сказать, пытаетесь поцеловать в щёчку. Таким способом вы, конечно, вызовете некое действие. Что-то девушка сделает, определённо. Но будет ли она этому рада или… э-э… даст вам тумака, вы не знаете заранее. Экспериментируйте, молодой человек, и если научитесь программировать девушек, сообщите мне.

В аудитории засмеялись, поэтому докладчик не услышал ответа Бенито. А я услышал.

— Договорились, — процедил тот сквозь зубы.

Объявили перерыв. Беня стал терзать своими рассуждениями Штуцера, а я ушёл. Впечатление от семинара осталось неприятное, сродни гнусному привкусу.

Ни на чём не получалось сосредоточиться. Я брёл по университетским лестницам как лунатик, обдумывая вопросы

Бенито, невразумительные ответы докладчика и собственные не очень внятные мысли, возникшие под влиянием болтовни о последействии. Нет, «обдумывал» — не то слово. Перемалывал, вяло помешивая осколки мыслей в полусонном мозгу. Мэрский дримцентр. Мозги — в Сеть. Поток инфы слоистый. Самый глубокий слой — отладка. Мастер по отладке Сети. Далила-мастер. Её таламус. Фильтр. Но отладка…

Я обнаружил, что стою возле окна, за которым университетский парк. Мне почудился запах мёртвых листьев. Не хотел его помнить, но сопротивляться не мог. Фильтры не всегда срабатывают, подумал я. И не всё проходит через них. Слой отладки. Минутку. Что говорил Штуцер? Через него орешки напрямую подключены в сеть. Через дримцентр, конечно. Там фильтр. Но мозг может оказаться мощнее фильтра. Вот о чём Бенито! От запаха палых листьев перехватило дыхание.

Мне до отвращения не хотелось в кабинет два двадцать один, но… Я ссыпался по лестнице с десятого этажа на второй, мигом отыскал дверь с нужным номером и открыл её рывком. И чуть не налетел на одного типа из параллельной группы. Ник не помню, мы с ним двух слов друг другу за два месяца не сказали. Слишком он мне казался мрачным. Однако в тот момент, когда я его чуть с ног не сшиб в дверях, физиономия его просто-таки излучала радушие, как будто он только что сорвал джекпот. Я не спросил, чего его растаращило, понятно было и так. Он тащил коробку с дримодемом. Спешил приникнуть к Сети орешками. Я закрыл за ним дверь, оглядел кабинет и заметил возле штабеля из коробок административно-хозяйственную даму. Что-то особенное есть в этих женщинах. Глянешь на такую, и сразу видно, где работает. Дело даже не в том, что все они естетки, и не в особом административно-хозяйственном способе укладки волос, да и одежда ни при чём, кое-кто из кафедральных дам тоже так одевается. Повадка, вот в чём дело. Держат они себя как-то особенно. С административно-хозяйственной скукой. И смотрят всегда мимо, как будто пытаются найти вас где-то там, где вас нет.

— Когда они кончатся?! — простонала она, обращаясь к древней рогатой люстре. — Ещё один. Клавдия Васильевна! Дайте бланк!

Штабель коробок отозвался на её призыв невнятным возгласом.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуйте, — уныло пожелала дама входной двери. И воззвала вторично:

— Клава! Бланк!

Над штабелем коробок белым флагом поднялась рука со стопкой листков.

— Спасибо, зайка, — поблагодарила руку администоздама и завладела листками. Она скользнула по мне взглядом и обратилась к острым носкам своих лаковых туфель:

— Постричься вам придётся.

Туфли стопроцентно не нуждались в стрижке, и всё-таки я не сразу допёр, что стричься предлагают мне. Я запротестовал. Нет, ну что за фигня? При чём здесь мои волосы? Оказалось — мешают работать с дримодемом. Вот гадство! С детства не выношу стричься коротко, у меня уши торчат.

— Так вы будете подписывать? — раздражённо спросила дама, пытаясь отобрать у меня коробку с модемом.

— Да! — рыкнул я на неё.

— Так подписывайте! Приходите за десять минут до перерыва, пререкаетесь, сами не знаете чего вам надо. Вот здесь, где птичка. И здесь. Клавочка! Поставь чаёк, котик! Вы плохо слышите? Я сказала, где птичка! Покажите мне, где здесь птичка. Нет, Клавочка, это я не тебе. Ты чаёк поставила? Это не та птичка, это не для вас. Вот здесь надо было. Иду-иду, золотце!

— Всё? — спросил я, возвращая договор.

— А что вам ещё? — удивилась дама, ради исключения глядя мне прямо в глаза.

Я не ответил. Повернулся к ней спиной и вышел из кабинета, не прощаясь. Помнится, мэр говорил что-то о кодах доступа, которые должен был сообщить мне представитель их корпорации, но я решил, что разберусь как-нибудь. Вряд ли за штабелем прятался кроме Клавдии Васильевны ещё и уполномоченный, а труженицы администоздектора, сколько бы их там ни было, с кодами мне помочь не могли точно. И вообще, я не понимаю, зачем нужны две женщины, чтобы выдать одну коробку.

— Перерыв! — услышал я, когда закрывал дверь. «Хорошо! Бенито подождать придётся, даже если сразу после семинара сюда явится. Но всё равно надо быстрее. Ему же не нужно стричься».

Почему-то мне хотелось попасть в Сеть раньше Бени, как будто от этого что-то зависело. Я не без труда разыскал в подвале парикмахерский автомат, сунул в него голову и был острижен в две минуты. Потом глянул в зеркальце над дыркой, куда суют голову, чтобы оценить масштаб бедствия. Чипать мой мозг! У типа в зеркале вид тошнотворный: уши торчат, башка как бильярдный шар, тьфу! Глаза б мои не глядели.

Минуту спустя я уже поднимался в общагу, стараясь не думать о своей блистательной стрижке. Да и не до того было.

Дримодем выглядел несерьёзно. Коробка с поясным креплением, единственной кнопкой и двумя гнёздами. К ней ещё штуковина полукруглая вроде дуги наушников, прицепленная накрест к другой штуковине, на которой широкий ремень. Шнур зарядки и тонкий волновод. Инструкция. Всё. На слайде, который показывал нам мэр, девайс выглядел солиднее. «Ну, внешний вид ещё не всё в жизни», — подумал я, вздохнул и провёл ладонью по своему лысому черепу. Потом поставил дримодем на зарядку и полез в инструкцию. Честно говоря, сделал это только потому, что страшновато стало надевать на себя эту штуку. Вдруг, думаю, это как-то по-другому носят? Хоть по виду штуковины было понятно сразу: полукруглые рога — для головы, а крепится всё это хозяйство на шею. Ошейником. Инструкция сообщила о том же. Полезной инфы, как и во всех мануалах, страницы на три, после — сплошной бред о возможных глюках. Как будто я и сам не знаю, что аккумуляторы иногда разряжаются, а шейный ремень лучше не затягивать слишком сильно. Я пролистал в начало. Зарядите. Вставьте кабель-волновод. Приложите. Застегните. Нажмите кнопку. Счастливого полёта. Оказалось, зарядка работе не мешает, если абоненту не нужно пользоваться девайсом в мобильном режиме. Ладно, думаю, раз так.

Переключил зарядку в ту розетку, что рядом с моей кроватью, наложил дугу, застегнул ошейник и улёгся на кровать в одежде, как был.

— Вздримнём, — говорю. Ну, это я вслух сказал, чтоб не тряслись поджилки. На голове ж уже эта штуковина, волновод подключен, коробка с кнопкой в руках. Сказал это и — щёлк! — кнопкой.

И ничего. Слегка голова закружилась, потом это прошло. Стена, в ней розетка, в розетку шнур воткнут.

— Вы не ввели код доступа, — услышал я и повернул голову на голос. Посреди комнаты стоял длинноволосый парень в синем комбезе работника техобеспечения. Знакомый парень. «Где я его видел? И голос знакомый. Интересно, откуда я должен был взять код доступа и куда его ввести?» — подумал я и спросил:

— Тебе какое дело, что я куда ввёл? Что ты здесь забыл? — Тут меня осенило. Дверь-то я закрыл! Вон и лампочка пальпатора красным светится. Как он внутрь пролез?

Я присмотрелся к этому типу — мать моя блогерша! Да это же я сам!

— Осторожнее, Эндрю, оборвёте провод зарядного устройства, — предостерёг он. Я сообразил: нет, не я это, а мой фантом. В жизни Андрей Нетребко не обзывал зарядку зарядным устройством. Я закрыл глаза и убедился — комната исчезла, но

призрак остался висеть в полной темноте.

— Вы можете разговаривать со мной с закрытыми глазами, — сообщил он. — Я уполномоченный представитель корпорации «Дримодем». Я здесь, чтобы сообщить вам коды доступа к ресурсам дримцентра и облегчить погружение в мир вашей мечты. Если вы не возражаете против того, чтобы корпорация использовала для общения с вами ваш собственный образ…

— Возражаю, — перебил я.

— Выберите, пожалуйста, образ помощника, работа с которым кажется вам комфортной.

— А свой собственный образ вы не можете использовать?

— Я не имею собственного образа. Выберите, пожалуйста, образ помощника, работа с которым кажется вам комфортной.

«Это же бот, — понял я. — Комфортной! Вот это словечко! Кого бы мне сделать помощником?» Прикидывая, с кем бы мне хотелось общаться, я почему-то представил себе Кэтчера.

— Спасибо, — проговорил бот. Голос его охрип и съехал ниже. Я даже глаза открыл от удивления. Посреди комнаты стоял Кэтчер — в джинсовом костюме, худой, сутулый, руки в карманах. Так он выглядел, когда вышел проводить меня на крыльцо своего офиса.

— Теперь я могу сообщить вам коды доступа. Вы готовы?

— Да, но… — начал я и понял вдруг, что коды мне известны. По инерции продолжил: — Но я не знаю, как их вводить.

— Вы согласны с условиями использования дримодема? — бесстрастно спросил призрак Кэтчера.

— Да, но…

— Спасибо. Коды приняты, — сообщил он. — Выполняется синхронизация личной информации.

«Не знаком я с вашими трёпаными условиями! — раздражённо подумал я. — Хотя нет. Знаком. Когда же я успел?..»

— Вы получили эти данные при синхронизации. Желаете ли вы изучить интерфейс дримцентра экспресс-методом?

«Нет уж, знаю я эти экспрессы. Туповат я для них, если честно».

— Тогда я могу предложить вам учебный дрим. Корпорация «Дримодем» предоставит его бесплатно.

— На шару? Тогда ладно.

— Опустите голову на подушку, постарайтесь расслабиться.

Я послушался. Лежал, глядя в потолок, и думал лениво: «Бесплатный дрим. Шаровой сон. Мэр дарит сны. Сношара…»

«Dream over the world!» — зажглась передо мной звёздная надпись, змеёй обвилась вокруг голубого шарика Земли, потом всё это ринулось, разрастаясь, навстречу. Мелькнули, разбухая,

континенты, я пробил облака и увидел внизу тарелку Верхнего Города, ощетиненную иглами небоскрёбов. Не то что крикнуть, даже вдохнуть не успел, а на мой вопрос: «Что это?» — был уже готов ответ: «Это дрим. Твой дрим».

Вы летали когда-нибудь во сне? Чувство такое, словно вы точно знаете, как летать, и разбуди вас — всё равно будете это помнить. Я чувствовал себя уверенно, разворачиваясь над Городом в поисках места для приземления. Увидеть Верхний Город сверху — мечта, но исполненная мечта теряет привлекательность, кроме того, у меня ведь было вполне конкретное дело. «Где тут их офис?» — думал я, разглядывая крыши с посадочными площадками. Над одной из них тут же зажёгся зелёный треугольник. Я уже успел привыкнуть, что ответы на мои вопросы приходят мгновенно. Стал снижаться, соображая, как попаду внутрь с крыши. Поперёк посадочной площадки прочёл: «Dream over the world!», потом заметил, что зелёная метка сместилась к одному из окон. «Ага, понятно», — сказал я себе и направился прямиком туда. За матовым стеклом меня ждал человек. Я приблизился, прижал ладонь к стеклу, не зная, что делать дальше. И вдруг заметил, что преграды между нами больше нет. Под ногами у меня оказался зеркальный нанополимерный пол обширной комнаты, а стекло… Я оглянулся. Оно теперь было за спиной. «Ничего удивительного, — решил я. — Это же мой дрим! Здесь всё, как я хочу».

— Вы правы, — сказал Кэтчер. — Дримодем делает человека хозяином своих дримов.

— Нет, Кэтчер, — возразил я, пожимая протянутую руку. — Будь я хозяином этого сна, вы не могли бы читать мои мысли.

— Я не Кэтчер, — напомнил помощник. — Я всего лишь ответ дримцентра на ваши запросы. Но если вам удобно, называйте меня так. Можно считать, что я — это вы сами, вернее, ваше отражение в Системе.

— Система может читать мои мысли? — спросил я, холодея. Мда-а, дела. Спалился я, выходит. Если она узнает, кто я на самом деле, мне крышка.

— Она может узнать только то, что вы сами хотите ей сообщить, — успокоил помощник. Слова его упали в моё сознание, будто камень в воду: «Хотите сообщить… сообщить…» — пробежало кругами по воде и вернулось: «сознательно или подсознательно». Мне никогда раньше не думалось так легко, оказалось, я знаю уйму слов, как какой-нибудь драный умник. Слово «подсознательно» нисколько не смутило меня, я прекрасно знал во сне, что оно означает, поэтому понял и кое-что ещё, но усилием воли подавил желание сделать выводы. Нечего карты

раскрывать. «Позже», — сказал я себе и, чтобы переключиться на что-нибудь другое, спросил у лже-Кэтчера:

— Кэтчер, всё это понятно. С меню инфослоя разберусь сам. Что вы можете мне рассказать о слое отладки?

Задавая вопрос, я рассматривал фантом. Хотелось научиться отличать копию от оригинала. Закрыть глаза — фигня. Система запросто могла мне лапши навешать, просто погасила бы хренов призрак. Сходство между Кэтчером и фантомом полное, но что-то не так. Что?

— Вы не готовы ещё к работе с отладчиком, — сказал призрак Кэтчера, совершенно по-кэтчеровски качая головой.

Ответ возмутил меня. Как это не готов? Почему? От неуверенности засосало под ложечкой, прихлынул страх, даже оглянуться захотелось. «Хак твою мать!» — прикрикнул я на сопляка Эндрю, и тут до меня дошло — была атака. Кто-то пытался хакнуть мой мозг. Я отёр со лба испарину, руки тряслись. Не вышло у них. Атака отбита. Надо определить, кто. Ответ ему, быстро!

— Ничего, Кэтчер, — раздельно проговорил я, пытаясь одновременно понять, что же не так в призраке. — Валяйте, я врублюсь по ходу дела.

Он молча вытащил из кармана сигарету, щёлкнул странным предметом…

«Зажигалка Zippo, — ответила на мой запрос Система. — Коллекционная модель, 75th Anniversary Commemorative High Polish Chrome, произведена в 2007 году к семьдесят пятой годовщине фирмы».

Он молча вытащил из кармана зажигалку, щёлкнул крышкой, и на кончике сигареты расцвёл огонёк.

— Хорошо, — ответил он, выдохнул дым и подошёл к стеклу, за которым пропасть.

«Что он тянет кота за хвост? — думал я, глядя, как фантом курит, разглядывая пейзаж. — Дымит, как паровоз из «Пули и креста», и тянет время. Что-то я ему такое сказал. Или подумал? Дыму от него… Стоп!»

Я враз понял, чем призрак отличается от реального Кэтчера и что заставило Систему тянуть время. Чуть не заорал от радости: «Е!» — но снова ощутил на себе тяжёлый взгляд Системы. Но это не испугало, а разозлило меня. Теперь я мог атаковать, а не защищаться.

Я подошёл ближе, положил фантому руку на плечо и спросил:

— Ну, так что, Кэтчер? Перетрём, чего там с отладкой? Давай, колись, старик. Я хоть и не гуру, но и не полный нуб.

Говорю ему это, а сам думаю: «Как ни шевели мозгами, дура силиконовая, а тебе за мной не угнаться». Вы поняли, в чём дело? Пока я корчил из себя умника и шарил по закоулкам Системы в поисках загогулистых слов, она меня имела в мозг, как хотела, но когда я стал вываливать ей геймерские словечки да ещё и разозлился вдобавок, ей стало уже не до хака. Не успевала она за мной.

— Шевели орешками, Кэтчер. Я уже обождался весь, — меня распирало от злости, я подбрасывал Системе новую корявую инфу, а сам принюхивался. Конечно, это не тот запах. Сигарета не так воняла, дым тоже. Я пытался понять, на что похоже то, что я чуял, но запах всё время менялся и очень быстро. Почему?

— К слою отладки можно получить доступ двумя способами, — стал рассказывать помощник. — Напрямую через образное представление или через консоль. Способы равнозначные, но, изучив ваш психотип, я предлагаю вам попробовать сначала первый способ.

— Будь проще, Кэтчер, — попросил я, силой заставляя себя не пытаться узнать, что такое психотип. — Какой такой способ? Выкладывай, что за шняга?

— Вот смотрите. Видите стекло?

— Ясен герц.

— Можете сделать так, чтобы его не было?

Я глянул на него как на недоумка. Была охота стёкла бить. Очень странно от него пахнет.

Внезапно запах раздробился, я стал различать его составные части. Много частей, очень мелкие и совсем не похожи друг на друга. Шершавые, с крючками. Сами лезут, как живые.

— Вы не поняли меня. Попробуйте убрать это стекло мысленно, — предложил помощник.

Я попробовал и на мгновение забыл о фантоме Кэтчера с его сложными запахами. Стекло исчезло, из оконного проёма на меня накинулся ветер. «Не сверзиться бы», — подумал я, отшатнувшись от края, но после допёр, что свалял дурака. В моём дриме со мной ничего страшного произойти не может. Или может?

— Так вы можете изменить любой элемент дрима и зафиксировать изменения, — вещал Кэтчер.

«Трёпаный ветер, — подумалось мне, — не вздохнёшь из-за него. Он уж точно лишний. Его бы убрать».

Додумать ещё не успел, а ветер улёгся. Не улёгся даже, а исчез напрочь. Мёртвый штиль, ни дуновения. Передо мной было хмурое осеннее небо, проткнутое небоскрёбами, по нему в полном безветрии ползло облачное одеяло.

— Со временем вы научитесь изменять активный скин, не

задумываясь, — сообщил мне призрак. — Порождать фантомы и управлять их свойствами сложнее, мало кто пытается делать это в образном режиме, разве что бывшие дизайнеры или художники. Человеку с недостаточно развитым образным мышлением лучше пользоваться консолью. Чтобы стать дриммастером, нужно овладеть обоими способами в совершенстве.

— Консоль? — переспросил я, глядя на облака. Только я подумал, что неплохо бы поковырять их консоль, перед глазами развернулось гигантское, вполнеба, окно, разделённое на части. Строки кода летели по нему снизу вверх в бешеном темпе, в нижней части мельтешили цифры, выстроенные рядами. «Стоп-стоп!» — подумал я, и мир замер. Остановились облака, птица, секунду назад фыркнувшая крыльями в нескольких метрах от меня, застыла в падении, успокоились строки, перестали мельтешить цифры таблицы.

— В режиме полного останова вы можете управлять только консолью, — заметил помощник. — Слой инфо вам недоступен, вашего собственного образа в виртуальном мире нет. Вы вернётесь туда, когда закроете консоль.

«Что означают эти цифры?» — спросил я себя. Растерялся просто. Не больше, чем на полсекунды, но этого времени Системе хватило, чтобы принять мой запрос и нанести удар. Когда я очнулся, консоли перед глазами не было, за толстым оконным стеклом снова плыли облака. Значение кое-каких цифр таблицы теперь мне известно, но чем я расплатился за эту информацию? Я глянул на лже-Кэтчера, ругая себя почём зря: «Долбозавр дятлоголовый, циферки тебе понадобились? О чём пронюхала Система? О настоящем Кэтчере? Обо мне? О предках?»

— Андрей Нетребко, — задумчиво проговорил призрак Кэтчера. Сигарета исчезла из его рук. — Это меняет дело. С вами был подписан договор о чип-модификации, он ещё действует. Кроме того, вы совершили непреднамеренное убийство.

Я изо всех сил пытался не паниковать. Всё, чего боялся, случилось. «Терять уже нечего, — сообразил я, втягивая носом воздух. — Пахнет от этого типа… но он же фантом! Это не просто запах. Это… Минутку!»

Я выдохнул сквозь зубы. Нет, выводы после. Когда выйду из Сети. Если выйду. Ну-ка, Нетребко! Только не защищаться, а нападать.

— Договору этому цена — дерьмо, — заявил я нагло. — Потому как он заключён жульническим способом. А убийство… Я защищался, понятно? Противодействовал незаконному задержанию. И ещё надо разобраться, кем были те чипанутые придурки, которые в меня парализатором тыкали. Не ваши

ребята, случайно? Если ваши, вешайтесь. Я знаете что! С вами! Сделаю!

Да, я затупил тогда. С кем не бывает. А вам не случалось, когда спите, наговорить такое со злости? Как и бывает в обычном сне, призрак пропал, только ветерок прошёл по комнате. Я остался один в зале, где окна, стены, пол, потолок и ни одной двери. Меня снова окатило страхом, но эту атаку я отбил легко. Всё-таки злость — хорошее дело.

— Мы ещё посмотрим, — сказал я в пустоту и всем телом с разбегу шарахнул в окно. Ни удара, ни звона битого стекла, только ветер в лицо. Я разжмурился. Ах-х! Навстречу летела мостовая и крыши припаркованных автомобилей.

— Консо!.. Сто!.. Стоп! — заорал я.

Я ожидал удара, но стало тихо. Как будто мне по целому банану в каждое ухо затолкали. Я огляделся. Под ногами, в полуметре, — крыша машины с прилипшими жёлтыми листьями. Поверх зеркальных панелей соседнего небоскрёба распахнуто во всю ширь окно консоли. Одна строка подсвечена жёлтым, останов.

«Фу-ф. Только аккуратно, Эндрю, — сказал я себе. — А не то побьёшь кому-то тачку. Давай, шевели орешками. Где тут надо подправить?» Я нашёл в таблице свои координаты, прикинул в уме, что туда надо вбить, но потом всё-таки вытащил в верхний слой карту и калькулятор. Ну его, думаю, ещё ошибусь на пару кварталов или с высотой накручу. Подправил координаты, проверил — всё путём вроде. Собирался уже вернуть управление Системе, но вовремя одумался. «Тормоз ты, Нетребко, — думаю. — А скорость? А ускорение? Как шандарахнет тебя там об асфальт!» Я обнулил оба поля данных, закрыл окно консоли и огляделся. Узкий тротуар, знакомая улочка Нижнего Города, похожая на разрез в многослойном пироге. Напротив салон афрокожи с приметным названием — «Нефертитьки». Метрах в тридцати дальше по улице я увидел знакомое крыльцо офиса Кэтчера, но хозяина конторы у входа не было.

Глава седьмая

Совесть мучила, скажете вы, и будете правы. Мне захотелось немедленно рассказать Кэтчеру, что я сдал его Системе. Повиниться. Когда искал на карте это место и перемещал себя туда, вообще не рассуждал. А стоило. Пораскинь я мозгами, обязательно догадался бы, что лучше сначала выйти из дрима, а уж потом бежать в офис Кэтчера. Сам же и показал Системе, где его контора, дал точные координаты. Впрочем, сейчас мне кажется, моя дурацкая выходка мало что изменила. И всё равно бы я выкинул что-нибудь в том же роде, потому как не знал ещё о такой могучей шняге, как прыжки из сна в явь и обратно. Нуб он и есть нуб, особенно когда возомнил себя гуру.

Я показался себе не в меру продвинутым перцем, когда понял, что перемещение удалось. Потопал зачем-то по асфальту, сунул руки в карманы и двинулся к юридической конторе, на ходу прикидывая, с чего начать разговор. Извини, Кэтчер, я сдал тебя Системе. Кэтчер, я не хотел, так вышло. Ты же сам говорил, что у тебя всё законно? Кэтчер, ты же не взял с меня обещания молчать!

Нет, ничего я не успел придумать, а дверь конторы — вот она.

Я пошаркал ногами по коврику и нажал пуговку древнего интеркома. Никакой реакции. Я нажал сильнее. Может, и не должно быть слышно сигнала? После минутного ожидания я нажал на кнопку в третий раз и не отпускал её долго. Сломан он, что ли? Постучать? Я постучал костяшками пальцев и обмер. Звука не было. Вообще. Что за фигня? А если сильнее?

Всё было точно в кошмарном сне. Я колотил дверь кулаком, потом коленями, а после — чем попало, но ответом мне была мёртвая тишина.

— Друг, ты спятил? — спросили у меня за спиной. Я оглянулся. Какой-то чипанутый, по виду — офисный страдалец. Смотрит, как на придурка, и он прав на все сто процентов — только придурки так себя и ведут.

— Не открывают, — пожаловался я.

— В интерком позвони, чего ты ломишься?

— Вроде сломан он. А мне надо поговорить с хозяином.

— Да? — Чипанутый отодвинул меня в сторону и нажал кнопку.

Потренькала незамысловатая музычка, потом из динамика устало прозвучал голос Кэтчера:

— Слушаю вас.

— К вам тут посетитель.

— Сейчас, — хозяин конторы явно не был рад посетителю, кем бы тот ни оказался.

— Сло-оман! — передразнил меня чип-модифицированный офисный работник, спускаясь с крыльца. — Если так колотить в дверь, что угодно сломается.

Что я мог ответить? Кажется, любой ответ только расстроил бы его, он уже нацелился смыться, чтобы не оказаться втянутым в разговор хозяина офиса с ломателем интеркомов. Я собирался пробормотать пару слов благодарности, но вдруг дверь распахнулась, и все слова вылетели у меня из головы разом. За дверью — пустота.

— Что вам? — сухо спросила пустота голосом Кэтчера.

— Не мне, а вот этому господину, — огрызнулся мой добровольный помощник и указал на меня.

— Какому ещё господину?

— Да вот этому же, который вам замок чуть не выбил!

Дверь шевельнулась; должно быть, Кэтчер осматривал свой антикварный замок. Потом пустота скучливо пробормотала:

— У вас раздвоение личности, уважаемый.

И ещё что-то о чертях, я не разобрал. Потом дверь захлопнулась совершенно беззвучно. Я глянул на чипанутого — ну и вид у него был! Как будто Кэтчер прибил ему палец дверью. Он открывал и закрывал рот, но звуков не издавал.

— Может, позвоните ещё раз? — спросил я его. Понимаете, мне же нужно поговорить с Кэтчером, а дверь опять была закрыта.

Но добрый гражданин не стал помогать мне больше. Поскрипел горлом, отмахнулся от меня, пятясь, и удалился, благоразумно перескочив на другую сторону улицы. Я тут же забыл о нём, потому что понял, в чём дело. Кэтчер не видел меня, я не видел его, а нервный тип, добровольно вызвавшийся разрулить конфликт, видел нас обоих. Это всё ещё дрим. Я хлопнул себя по лбу несколько сильнее, чем следовало, и стал раскручивать мысль дальше, потирая ушибленный лоб. Выходит, Система почти ничего не знает о конторе Кэтчера и о нём самом. Знает только, как здание выглядит снаружи. Потому у меня и не получалось звонить и стучать. Самого Кэтчера я тоже не видел, значит, его координаты Системе не известны. С одной стороны, это вроде неплохо. Камень с души. Я мимоходом припомнил: помощник, хоть и разговаривал голосом Кэтчера, но всё равно как-то не так. Слова не кэтчеровские вовсе. Значит, ничего кроме образа силиконовая дура из меня не смогла выжать. Но с другой стороны, предупредить-то его как-то надо! Я прошёлся вдоль фасада. Можно было бы поймать какого-нибудь чипанутого,

желательно выбрать не такого нервного, как тот, и пообщаться через него. Но поблизости никого не было. Да и вмешивать первого попавшегося типа в наши дела не годилось. Я поскрёб свой лысый череп, оглядывая вывеску. Защита от хака. Обновление прошивки в соответствии с последней редакцией Закона о защите информации. Прокачай чип. Телефон…

— Да! — сказал я себе. — Дурак ты, Нетребко, вот что я тебе скажу.

Я уселся на ступеньку и вызвал меню слоя инфо. Чем я хуже любого чипанутого? Что можно им, то можно и мне. Они по телефону прямо из мозгов звонят, и я теперь как они. Не люблю о делах по телефону, но что делать, если делать нечего. Необязательно так прямо и выкладывать ему всё подряд, можно намёками.

— Слушаю вас, — отозвался после трёх сигналов голос Кэтчера. Так сказал это, словно у него зубы болели.

— Кэтчер, это Эндрю.

— Какой Эндрю?

— Клиент. Поклонник Салли Энн. Помнишь такого?

Я услышал, как Кэтчер дышит в трубку, потом стало слышно, как щёлкают клавиши, и меня спросили:

— Двадцать первое августа?

— Да! — ответил я. — Нужно поговорить.

— Слушай, парень. Как тебя? Ага, Эндрю. Эндрю, мне сейчас не до болтовни, — ответил Кэтчер не слишком приветливо, но и не раздражённо. — Кое-какие проблемы. Давай так: когда сможешь — заскакивай в контору. Уделю тебе пару минут. А по телефону, сам понимаешь…

— Кэтчер, я сижу у тебя на ступеньках.

— Какого же чёрта ты не звонишь в дверь? Что за день такой сегодня, а? Психи всякие по улицам шатаются, обрывают интерком, теперь ты. Сейчас открою.

— Кэтчер! — попробовал я остановить его, но он, видимо, убрал трубку от уха, чтобы открыть замок. Я услышал за спиной:

— Ни минуты не дадут спо… Э! Ты где?

Оглядываться я не стал, и без того было понятно, что увижу. Ничего кроме пустоты.

— Мальчик, что за шутки? — грозно проговорил Кэтчер в трубку. — Чувство юмора у тебя…

— Не до юмора мне, да и тебе тоже, — сказал я, оглядываясь. — Только не закрывай дверь. Я сижу на ступеньках твоего офиса, только не в реале. Не перебивай и трубу не вешай, всё равно не отстану. Ты слыхал о корпорации «Дримодем»?

— Слышал кое-что, — ответил Кэтчер, прикрыл за собой

дверь и сел на ступеньки рядом со мной. Вы спросите, откуда я узнал, что он сел? Стоило ему сделать шаг из дому, и я его увидел. Не его даже, а серый размытый силуэт, полупрозрачный, без лица и одежды. «Так и должно быть, — успокоил я себя, сдержавшись, чтобы не вскрикнуть. — В перекрытии Верхнего Города полно камер. Система увидела — человек вышел на крыльцо, но не может разобрать, кто это».

— Не смотри вверх! — предостерёг я Кэтчера.

— Я никогда туда не смотрю, — отозвался он. С улыбкой, как мне почудилось. — Я вижу, ты кое-что понял.

— Больше, чем хотел, — буркнул я в ответ. — Но гораздо меньше, чем нужно, иначе не наделал бы глупостей.

— Глупости, мальчик, тебя не минуют, как ни крутись. Лучше уж вообще не крутись, меньше народу зацепишь своими глупостями.

— Тебя уже зацепил.

— Что? — насторожился Кэтчер и переложил трубку уродливого олдового радиотелефона в другую руку. — Что ты говоришь?

— Говоришь, ты в курсе, что такое дримодем. Я сейчас в дриме. Ты понял? Поэтому Система кое-что знает о тебе.

Кэтчер молчал, а когда заговорил, мне снова показалось, что он улыбается.

— Это для меня не новость, мальчик. Минут десять назад я уже это заметил.

— Ну и?

— И пока обошлось.

— А мой звонок?

— Можешь говорить спокойно, она слушает нас, но слышит всякий бред. У меня большая коллекция диалогов из старых аудиопьес, — Кэтчер хихикнул. — Этого добра в прошлом веке хватало. Значит, ты пробуешь дримодем. И как впечатления?

— Офигеть. Но не в них дело. Понимаешь, — стал оправдываться я. — Мэр предложил кое-кому из нашего потока заключить договор, ну и мне тоже. Он втирал, что профессия дриммастера — это круто. Я решил… Ну, это не относится к делу. В общем, подписал я эту бумагу и получил девайс. Подключился, начал пробовать, тогда она и влезла мне в мозг. Понимаешь, я пробовал отбиться, но…

— Она — это Система? Влезла в мозг? Вообще-то, это мысль. — Кэтчер снова переложил трубку в другую руку. Я покосился на его силуэт. Что за разговор, когда не видно выражения лица собеседника?!

— Что ты задумал, Кэтчер?

— Мэр, говоришь, — бормотал он. — К выборам, значит, готовится. Интересно. Но эта палка о двух концах, как и любая другая. Кажется, пришло время.

Я не выношу политики. Папик меня всё время доставал всякими политическими бреднями, и до того довёл, что когда я слышу о выборах или там о партиях-шмартиях, хочется взорваться, не сходя с места. И заляпать стены.

— Пришло время позаботиться о собственной заднице, Кэтчер.

Он слушал меня, но слышал только то, что хотел. Проговорил убеждённо:

— Всё верно. Пришло время навешать господину мэру по толстой заднице. Его же собственной палкой-погонялкой. Дримодем, значит. Хорошие новости, парень. Спасибо, что позвонил.

Он вскочил и бросился внутрь.

— Кэтчер, — крикнул я.

— После, всё после! — ответил он и захлопнул дверь перед моим носом. — Сначала дрим. Встретимся там, Эндрю. Ещё раз, спасибо.

— Где ты возьмёшь дримодем?

— У меня есть друзья в университете. Мэр думает, что уже подмял под себя всю Систему. Он ошибается, мой мальчик.

— Послушай…

— Всё, Эндрю. Пока.

— Кэтчер! Два слова! Обрати внимание на запахи, слышишь? — крикнул я, отчаявшись переубедить его.

— У меня насморк, — ответил он и повесил трубку.

Я заехал в дверь кулаком, но только руку отбил.

«Ну что, Нетребко, теперь совесть у тебя чиста? — спросил я себя. — Можешь ещё башкой своей стриженой постучаться. Втянул в это дело Кэтчера, теперь он тоже полезет в мир своей мечты. Там, говорит, встретимся. Там это где? Мечты у всех разные».

Потом я, конечно, уговорил себя, что Кэтчер Системы не боится, лезет на рожон по собственному почину, и что он и сам бы всё узнал, чуть позже только. Но легче от этих мыслей не стало.

Оставались ещё родители, но к ним я не решился явиться виртуально. По многим причинам. Неторопливо брёл тем же самым маршрутом, каким шёл два месяца назад, направляясь в университет, и перебирал в уме возможные способы связи. Звонить не хотелось, писать — тем более. Предки мои — не то, что Кэтчер. Он-то подсунул Системе вместо разговора эти, как их?

Пьесы. А как же предки? Мало ли что Система с ними решит сделать?! Маман, к примеру, вообще вся в Сети. Её найти не проблема.

— Блог! — сказал я вслух и чуть опять не стукнул себя по лбу. С прошлого раза ещё голова побаливала.

Блог моей мамы — это вам не телефонная книга, на ходу не полистаешь. Я завернул в первый попавшийся е-бар, спросил стаканчик горячего тэ-дринк с глюкером, получил его тут же и уселся в тёмный угол, чтобы никому не мешать. Блог матери за два месяца приобрёл ещё с тысячу постоянных читателей, записей было много, но искать не пришлось. Я чуть дринком не поперхнулся от неожиданности. Двадцать пять минут назад маман запостила новую заметку с кучей фоток. Репортаж о свадьбе Андрея Нетребко. К ахам и охам матери прилеплены качественные изображения волосатого типа в дурацком костюме и с моей физиономией. Тип обнимал, целовал, носил на руках, подбрасывал в воздух, ловил и окольцовывал нечто в кружевах. «Далила?» — удивился я и стал читать подписи. Оказалось, молодую жену звали Салли Нетребко, о девичьей фамилии не сообщалось ничего. Мне всё уже стало ясно, но верить не хотелось, я полез в августовские записи и обнаружил массу новостей о себе самом. Что я благополучно поступил в университет, и не куда-нибудь, а на факультет синтохимии, что учусь просто офигенно, регулярно зависаю в Верхнем Городе, где и познакомился в реале с будущей невестой. Эти новости бурно обсуждались в блоге, но комменты я читать не стал. Ясно было — маман с радостью сглотнула червячка, и теперь Система тягала её на леске, как хотела. Пролистав несколько страниц, я установил, что отец, хоть он и заядлый рыболов, тоже попался. Я вывалился из блога, погасил меню и стал прихлёбывать дринк, обжигаясь и не чувствуя вкуса.

— Вы получили всё, что хотели, — шептал я, кивая. — Играйте теперь в куклы с Системой. Она скоро настрогает вам внуков. Четверых, не меньше. Я знаю, ваш сын закончит с отличием трёпаный институт и вкалывать пойдёт на трёпаный синтокомбинат, в трижды трёпаный отдел рекламы. И будет каждую субботу возить наструганных Системой детей жарить вонючие шашлыки и жрать их килограммами, пока у них… Что за дерьмо этот тэ-дринк?

Не в напитке было дело. Просто я опять почуял запах.

— Я не вполне уяснил ваш последний вопрос, — сказал Кэтчер.

Он сидел за столиком по левую руку от меня и дымил сигаретой. На этот раз мне не пришлось долго думать, фантом

передо мной или живой человек.

— Можете не отвечать, — разрешил я. — Зачем явились?

— Бесплатный дрим подходит к концу. Если у вас есть вопросы, я могу ответить.

— За каким герцем вы подсунули предкам эту туфту?

— Что вы имеете в виду? — спросил призрак, выпустив изо рта призрачное колечко дыма. Я с удовольствием отметил про себя, что хакнуть мой мозг Система больше не пыталась.

— Я имею в виду виртуального Андрея Нетребко и его… м-м… жену.

— Корпорация «Дримодем» не имеет к этому никакого отношения, — равнодушно ответил фантом. — Если хотите, мы можем обратиться в правоохранительные органы, но тогда придётся предоставить им все данные о реальной жизни Андрея Нетребко. Корпорация считает, что лучше оставить всё как есть. Мы заинтересованы в грамотных специалистах, и вы, Эндрю, можете стать очень хорошим дриммастером.

— А если я покажусь вам не очень хорошим и даже плохим? — спросил я. Ответа не ждал, всё было ясно. Они думали, что поймали меня.

— Насколько я понял, вопрос был риторическим, — холодно бросил лже-Кэтчер.

«Фиг тебе, — мстительно подумал я. — Чихать я хотел, что значит это слово — риторический». Не хотелось, чтобы Система снова заглянула в мою черепушку. Я поднялся, подвинул фантому стакан с остатком дринка и сказал уже на ходу:

— Можете допить эти помои.

Зря сказал, призрака за столиком уже не было. Нет, не зря. Говорят, лучше получить ругательный отзыв, чем не получить никакого. Е-бару мои слова точно пойдут на пользу.

Я выскочил на улицу и быстрым шагом пошел к универу. Настроение мерзкое, хуже некуда. Рожа горела, как будто мне от души влепили пару затрещин. От выпитого дринка бросило в пот, а хотелось, чтобы ветер в лицо и дождь чтоб потоками или ещё лучше — снег. Вот такими вот хлопьями.

Что-то влажно коснулось моей физиономии. Потом ещё. Дохнуло холодом. Я огляделся на ходу. Снег. Пришлось прищуриться, огромные хлопья несло навстречу. Ветер набрал силу, дышать стало тяжело. Я почувствовал, что мёрзну. Что за чушь? Октябрь на дворе, и вообще. Это же Нижний Город, откуда снег?! Под ногами заскрипело, я с ужасом обнаружил — сугробы. Точно как у нас на Кольце-5 под Новый год.

— Э! — сказал я. — Х-холодно же!

Я шёл, пригнувшись, прикрывая лицо рукой. Как ни странно,

мысль, что нужно бы выйти в реал, не приходила в голову. Пурга, думал я. Или метель? Что такое «метель»? Не знаю. Но погода как раз под настроение. Кэтчер ничего не понял, предкам на меня плевать, да и нет у меня теперь предков, я полный айдиот. Чипанутый Эндрю. Если замёрзну здесь насмерть или заболею, никому не икнётся, никто не спросит: «Что с тобой, Дрю?»

— Дрю! Чего это тебя ломает? Эй, Дрю! Очнись!

Я уставился на склонившегося ко мне человека. Перед глазами всё плыло, зуб на зуб не попадал от холода. Но помаленьку зрение пришло в норму, я узнал Штуцера.

— Мне практику делать, а ты тут номера откалываешь, — сердился Штуц. — Трясёшься, бельма таращишь, как зомбяк. Эндрю! Ты врубился? Или в отключке ещё?

Он пощёлкал у меня перед носом пальцами. Я попробовал встать. Что-то стягивало горло и не пускало. Провод зарядки. Ага, понятно.

— Я отключил модем, — пояснил Штуц. — На тебя смотреть было страшно. Весь красный, пот на лбу, при этом стучишь зубами и трясёшься как припадочный. И глаза.

— Что глаза? — спросил я, отстегнул ошейник и прокашлялся. Горло саднило, из носа текло. Простудился, что ли?

— Закачены. Как у зомбяка, — взволнованно проговорил Штуцер.

«Прикольно. Чипанутый мне рассказывает, как ему страшно было смотреть на меня в отрыве от реала. Я хоть не прыгал без штанов по всей общаге, — подумал я. — Который теперь час?»

— Вот я и отключил модем, — оправдывался Штуц. — Чтоб ты не воткнул там или ласты не склеил. Ну что? Как оно?

Я поднялся, осмотрел дримодем (полный заряд), ткнул в экран налокотника (два с половиной часа был в отрыве) и процедил сквозь зубы в ответ на маловразумительный вопрос соседа по комнате:

— Феерично. Всё бы хорошо, только у меня теперь ринит с фарингитом на пару.

— Чего у тебя? — не понял Штуц.

— Синдром воспаления слизистой оболочки носа, — ответил я рассеянно, подбирая с пола инструкцию к дримодему. — И лимфоидной ткани глотки тоже. И неудивительно. Метель была не хуже, чем на Марьи Гавриловны свадьбу.

Штуцер как-то странно отреагировал на это моё заявление, и я подумал: «Что я несу? Откуда… Кто такая Марья Гавриловна? Позвольте!» Внезапно до меня дошло, что я прекрасно знаю, кто она такая, знаю, при чём здесь метель и тип с фамилией Бурмин. И о воспалении лимфоидной ткани глотки тоже знаю. Знаю даже,

чем лечить.

— Последействие, чёрт бы его подрал! — провозгласил я и ужаснулся. Собирался же сказать: «Чипать мой лысый череп!» Вот это номер, чёрт меня возьми совсем.

— Э!.. Эндрю, а не прилечь ли тебе? Как бы не снесло тебе башню, — волновался Штуц. Хороший он парень, хоть и чипанутый.

— Да, я прилягу, пожалуй. Кажется, приболел слегка.

Мне хотелось остаться одному и поразмыслить. Обмозговать всё, что узнал во сне. Но сначала надо было определить, точно ли я уже в реале. Я улёгся. Привычно щёлкнули пружины сетки. Я услышал, как Штуц двигает стулья и бурчит себе под нос, разыскивая в Сети домашнее задание. Всё было как обычно, но это ничего не доказывало. Ну-ка! Я попробовал вызвать консоль — безрезультатно, поискал закладку слоя инфо и не нашёл её. Ладно, вроде всё в полном порядке. Можно подвести итоги.

Итак. Пока я был подключён к Системе через дримцентр, мой мозг несколько раз атаковали. Все атаки кроме одной я отбил. Но кое-что Система из меня выудила. Что ей стало известно обо мне и моём окружении, можно определить только косвенными методами. «Путём вспомогательных умозаключений», — проговорил я, чтобы осознать лучше. О Кэтчере она не узнала ничего, кроме внешнего вида. Даже разговаривал его призрак не так. «Расхождение в наборе лексем», — отметил я. Стал думать дальше. Теперь о родителях. Коню понятно, что произошло. Они стали искать меня, а нашли червя с моим именем. Он подсовывал им туфту, возможно, даже общался в вирте, прикидываясь мною. Отсюда имя моей виртуальной жены. Салли, а не Далила. О Нике даже речи быть не могло, она ведь так и сказала: «В сети меня нет».

Когда я вспомнил о Нике, у меня мелькнула одна идейка, но я решил заняться этим позже. Вздохнул, подумал, что насморк подхватил конкретный, а всё из-за собственных снежных фантазий. В реале было жарко, в вирте — холодно. Вот и взбесились рецепторы. Теперь у меня с рецепторами проблемы. Не чую ни фига, нос как цементом забило. Это плохо, запахи теперь для меня…

Стоп, остановил я себя. Теперь самое важное. В дриме мне казалось, что от фантома странно пахнет, и я догадался, в чём дело. Что я понял? Цепочка связалась такая: запах, рецепторы обоняния, нервные окончания идут прямо в мозг, минуя таламус, то есть мимо фильтра. Далее. Во сне я вспомнил, что слой отладки льётся напрямую в мозг, точно так же, как запахи. Сеть — эффекторное продолжение мозга. Те же рецепторы. Какие ещё

органы чувств воткнуты мимо таламуса? Нет таких. Только обоняние. Стало быть, отладочная инфа из Сети попадает туда же, куда и запахи. В ту же зону мозга. Почему? Это я тоже во сне понял. У слова «чутьё» есть ещё одно значение — интуиция. Годмод! Но это ещё не всё. Эти выводы я и во сне сделал. А вот ещё один, пожалуйста: не было у фантома никакого запаха, я чуял не запах, а попытку взлома. Пока моё сознание было занято разговором с фантомом, Система пыталась хакнуть мозг. Я даже успел различить составляющие части кода. И запомнить. Если она попробует ещё раз… Но она почему-то перестала пробовать. Почему?

Мне стало страшно. Опять она лезет? Я что, ещё сплю? Нет, так нельзя, так и до шизофрении можно доразмышляться. Шизофрения — это что? Я припомнил, что такое шизофрения, попутно из глубин памяти всплыли какие-то обрывки, подхваченные в Сети бессознательно: «вялотекущая шизофрения», «шиза косит наши ряды» и «стою на асфальте я в лыжи обутый, то ль лыжи не едут, то ль я шизанутый». Последействие, как и было сказано. Но о нём потом.

— О дёб потоб, — гнусаво сказал я вслух.

— Чего? — переспросил Штуцер.

— Дичево, — ответил я. — Задибайся.

«Воспаление слизистой оболочки, — подумал я, пытаясь продышаться. — Соплей полон нос, какая уж тут интуиция. Надо заскочить к Нике, у неё в комнате полно всякой фигни, целая аптека. Позвольте, как эта хрень называется, которая мне нужна? Что-то из альфа-адреномиметиков и антиконгестантов. Тетризолина гидрохрорид, к примеру. Чтоб я сдох, если смогу сказать такое с забитым носом. И без того язык сломаешь. Умники, блин, слов напридумывали. Хорошо, что вспомнил, мне нынче чутьё не помешает. Прямо сейчас и пойду к Нике, она сама говорила, заходи, мол, если нужно».

И тут идейка, мелькнувшая у меня в голове вторым планом, оформилась окончательно.

— Дика! — выкрикнул я, вскочил и бросился к двери. Придумал, как определить точно, закончился ли дрим.

Герц его знает, чего я так торопился. Думаю, сразу по нескольким причинам: во-первых, нужно было срочно понять, сплю я или уже проснулся, во-вторых, раздражал насморк, как-то я привык уже принюхиваться, а с забитым носом это плохо получается даже во сне, и в-третьих, просто хотелось увидеть Нику. Даже не могу сказать, почему. Короче, не терпелось мне, поэтому ломился по лестнице на девятнадцатый этаж, не разбирая дороги, и не заметил Лао. Чуть с ног его не сшиб.

— Полегче, Эндрю, — сказал он с обычной своей потусторонней высокомерностью, отстранил меня рукой и поднял коробку с дримодемом, которую выронил от толчка. Лао парень крепкий, если он вас отстраняет, приходится отстраниться. Как ни спешил я, но, увидев дримодем, спросил:

— Ты тоже подписался?

Лао соображает быстро, хоть он и флегматик по натуре; сразу понял, о чём речь. Видать, и сам как раз размышлял на эту тему.

— Да, я подписал договор. Ты знаешь, Эндрю, я против чип-модификации и никогда бы на неё не согласился. Позволяя миру грубо вторгаться в моё «я», я совершаю преступление против себя самого. Чип бьёт моё «я» вдребезги, оглушает и ослепляет. Если мы примем постулат, что я — это мир, получится, что модификация сворачивает мир в кокон и постепенно уничтожает его. Я этого не допущу.

— Хорошо-хорошо, — сказал я, пытаясь обойти стороной этого мудреца. Есть у Лао мерзкая привычка: насядет со своими рассуждениями как раз в такой момент, когда вам невтерпёж, и никак от него не отбиться.

— Нет, ты дослушай, — сказал он, сгрёб меня ручищей за шиворот и толкнул в угол. — Я не могу допустить, чтобы мой мир погиб от грубого вмешательства иллюзорной реальности. Чип ставит нас в неравные условия, — меня и виртуальную реальность. Она может управлять мною, но я не могу управлять ею. Дримодем это неравенство устраняет. Я могу изменить её.

— Да-да, я здаю. Я уже пробовал, — сказал я, пытаясь протиснуться между Лао и стеной.

— Вот это меня и беспокоит, — проговорил он и снова толкнул меня в угол. — Ты уже пробовал. И не только ты. Многие сейчас будут пробовать изменить её в соответствии с собственными представлениями о добре и зле. Особенно будут стараться те, которые считают, что сами они по ту сторону добра и зла. Этого я не могу допустить ни в коем случае.

— Ду и ладдо. Пусти, бде дуждо…

— Дослушай же! — Он толкнул меня в грудь. Я знал, ничего личного у него и в мыслях не было, но решил, — дам-таки ему в рыло, если пнёт ещё раз. Он не унимался:

— Мир — это моё представление о мире, вы пробуете менять моё представление, значит, посягаете на меня.

— Это отдаёт солипсизбоб, — брякнул я. Сам не знаю, откуда взял такое словечко. На Лао оно подействовало сильнее, чем плюха, которой я собирался его наградить. Он отшатнулся, вытаращил на меня зенки и забормотал:

— Вот… Я так и знал… Ты был там, он взломал твой мозг.

Это в точности его слова. Отдаёт солипсизмом. Когда он успел? Ведь час назад только… Пока я здесь, он и её тоже!

Положение переменилось. Теперь Лао пробовал смыться, а я его держал.

— Кто взлобал? — спрашивал я, пытаясь затолкать этого увальня в угол. — Её это кого? Что ты здаешь? Говори!

— Бенито, — ответил, вырываясь, Лао. От потусторонности не осталось и следа, зацепил-таки я флегматика за живое. Он говорил возбуждённо:

— С час назад я его встретил. Он тащил к себе модем. Тебя взломал и к ней полезет. Остальные — тоже, но он опаснее. Я должен…

Наконец он вырвался. Лао крепкий парень, если он хочет отстраниться, помешать ему сложно. Я крикнул ему вслед:

— Кого оди все пробуют хакдуть? Кто ода?

— Сам подумай, — бросил он через плечо и скрылся за дверью.

Конечно, я понял о ком речь. Представил себе кукольное личико Далилы и ревущую на скамьях амфитеатра толпу. Конечно, они попробуют хакнуть её мозг. Лао прав. Мне захотелось тут же вернуться в дрим. Хоть мечта и потускнела изрядно, надо уберечь её и от тупых ублюдков, и от умников. По ту они сторону или нет — без разницы.

Но я не вернулся в комнату. Согласитесь, надо же было сначала удостовериться, что я не в дриме, перед тем, как попытаться туда попасть. Кроме того, поразмыслив, я заметил крохотное несоответствие инфы, полученной от Лао, тому, что я уже знал. Поколебавшись, я отправился, куда собирался. Теперь уже без суеты. Думал по дороге, но мысли путались. Бенито. Если допустить, что он, а не червь Системы, залез в мою черепушку… Кстати, если я по-прежнему в дриме, несоответствие времени ничего не значит. Беня мог устроить такое с умыслом. К примеру, чтобы заставить меня делать то, что ему нужно. Возможно, и насморк мой подстроен. Управлять мною он не может, но лишить возможности чуять слой отладки — почему нет? Может, и нет в реале у меня никакого насморка, а просто рецепторы заблокированы программно. Вдруг он уже…

Мысли путались. С забитым носом думалось плохо.

— Даже де здаю, что буду делать, если сейчас постучу к Дике, — прошептал я вслух, — а вбесто деё за дверью пустое бесто…

Я помотал головой и заколотил кулаками в дверь. Звук был, о-го-го какой, но это ещё ничего не значило. Может быть, тот, кто морочит мне голову видениями, знает, какой звук получится,

если заколотить кулаками в эту самую дверь.

— Кто там ломится? — недовольно прозвучал голос моей подруги. — С ума сошли? Дверь сломаете! Сейчас открою! Сейчас-сейчас!

Чмокнул замок, я посторонился. Дверь стала открываться. У меня что-то оборвалось внутри. Пустота. На пороге никого.

— Ди… ка… — шепнул я.

— Где вы там? — спросила она из глубины комнаты. — Чего не заходите?

Я ринулся внутрь.

Удивлённое личико Ники выглядывало из-за приоткрытой двери шкафа.

— Дрю, это ты? — спросила она, возясь с чем-то там за дверцей. — Сейчас я оденусь. Что у тебя с лицом?

Она всего лишь халат надевала, потому и спряталась. А я-то думал!

— Дичево, — выдохнул я, прислонившись спиной к стене. — Просто очедь рад тебя видеть.

Ника прикрыла дверь шкафа. Почему-то раньше я никогда не обращал внимания на её домашнюю одежду. «Она в таком виде и по коридорам расхаживает, — подумал я с неудовольствием. — На неё же пялятся все кому не лень. В общаге полно ненормальных. О чем она только думает?»

— А что это у тебя с голосом? — спросила она и остановилась шагах в трёх от меня, будто не решилась подойти ближе. Щёки у неё пылали.

— Ерудда, дебольшое воспаледие либфоиддой оболочки. Дубаю, вазоботордый ридит. Но это чепуха, главдое, ты есть. Здачит, я де сплю.

— И говоришь ты странно, — она несмело подошла ещё на шаг. — Как будто это не ты. Да, я есть. Ты только теперь заметил? Я у тебя есть, куда мне деваться? Слушай, Дрю, насморк у тебя мощный. Погоди, я сейчас тебе дам.

Она снова спряталась от меня в шкаф, загородилась дверцей и стала там тихонько позвякивать чем-то.

— Дика, у тебя есть что-дибудь с тетризолида гидрохлоридом?

— С чем-с чем? — переспросила она, появляясь с пузырьком в руке. — Вот, есть тетраизол. Спрэй. Он и от горла тоже.

— Вот его то бде и дуждо.

— А, так ты за ним, — огорчилась Ника и снова остановилась в трёх шагах от меня.

— Дет, де толко, — возразил я. Закрыл глаза, потянул носом, пытаясь почуять… Но нет. Чёртов насморк.

— Дрю, ты что? — Я открыл глаза. Ника рядом уже.

— Дика, я хотел тебя… — начал я.

— О-ох! — сказали у меня за спиной. Я резко повернулся. Далила.

Кровати у них в комнате стояли точно так же, как в нашей со Штуцером конуре. На той, что справа от входа, лежала Далила. Домашнее белое кимоно, перехваченное поясом. Голова запрокинулась, рука свисала, пальцы едва не касались пола. Я не заметил, как оказался рядом с нею. Испарина у неё на лбу, глаза закачены. Ошейник. В другой руке — дримодем. Провод зарядки подключен. Лампочка светится — полный заряд. Не меньше двух часов она в отрыве.

— О! О-х! — еле слышно простонала Далила, губы её дрогнули. Я потянулся, собираясь отключить модем.

— Она просила не выключать, — предостерегла Ника.

«Да. Отключу её внезапно — неизвестно, чем это кончится. Как понять, что у неё там происходит?» — раздумывал я. Афрокожа на лбу девушки казалась синеватой в неярком свете ламп. Бисеринки пота, синие тени вокруг глаз, лицо искажено гримасой, спутанные осветлённые волосы на подушке — она казалась жалкой, непривлекательной. Даже смотреть на неё было неприятно, и всё же…

— Бде дадо туда, к дей, — сказал я, выпрямляясь. — Это дуждо остадовить.

Я пошел к двери.

— Подожди, Дрю! — Ника поймала меня за руку. — Если ты туда уйдёшь, то я тоже. Пропади всё… Я не хочу тут оставаться без тебя, пока ты будешь лежать вот так, как она. Пусть ты не со мной. Пусть. Но я с тобой.

Ника в отчаянии молола вздор, пытаясь удержать меня за руку. Но её я не жалел, нет. С ней всё по-другому, поэтому пускать её в дрим было нельзя. Это я уже знал, но объяснить ей не мог, да и времени не было. Сказал только, чтоб ждала меня и не вздумала отключать дримодем Далилы, взял из безвольно опущенной руки моей подруги пузырёк с лекарством и выскочил вон из комнаты. Поворачивая на лестницу, оглянулся: Ника вышла проводить меня. Сутулилась и плечи обхватила руками, словно зябла. Но и тогда, глянув на неё мельком, я не жалость почувствовал, а нечто совсем другое.

Глава восьмая

У меня сложился определённый план. Вполне удачный, на мой взгляд. Не обязательно полностью терять контакт с реалом при включённом дримодеме. Если не грузить дрим, я буду видеть то же, что чипанутые, — слой инфо. Когда нужно будет управлять, войду в консоль, сделаю, что надо, и тут же вывалюсь обратно. Если в реале рядом со мной будет Ника, я всегда смогу отличить сон от яви. Просто, правда? И мне так казалось, когда я торопился в свою комнату.

Всего-то мне и нужно было — взять модем и вернуться к Нике. Сделай я это — всё могло пойти иначе, но мне приспичило срочно опробовать лекарство от насморка. Я глянул на Штуцера — тот спал, возложив на стол лысую голову с косицей антенны. С ним и раньше такое случалось, когда делал домашку и случайно цеплял выпадающее чип-видео. Глянул я на Штуцера (голова на столе, слюну уже пустил) и подумал о том, как буду выглядеть в реале со своими соплями, когда в гостях у Ники включу дримодем. «Нет, — думаю, — лучше я у себя в комнате тетраизол применю назально и перорально. В смысле, в нос и рот пшикну».

Дримодем валялся у меня на кровати. Я сдвинул его в сторону, улёгся, — герц его знает это лекарство, как оно действует, вдруг с копыт снесёт? — сунул в рот, нажал, — гадость какая! — сунул в ноздрю, пшикнул, — глаза на лоб! — сунул во вторую ноздрю, пшикнул и с минуту ещё лежал, пуча глаза и хватая ртом воздух. Могучее средство этот тетраизол. Я запихал пузырёк в карман и решил полежать немного, чтоб оклематься. Пока лежал, взял дримодем. Заряжен полностью, должно хватить часов на двенадцать, можно не экономить батарейку. Без разницы, думал я, где включить: здесь или у Ники. Всё равно нужно подождать, пока подействует ядрёный спрей. Главное — не провалиться в дрим.

Я повозился, подкладывая под затылок дугу излучателя и надевая ошейник, уложил волновод, чтобы он не мешал крутить башкой, прицепил дримодем к поясу и бездумно врубил девайс. Лёгкое головокружение, точно как в прошлый раз, и больше ничего. Перед глазами обшарпанный потолок нашей со Штуцем комнаты. Впрочем, нет, вру. Кое-что новое появилось сразу. Незнакомый запах. Очень приятный, между прочим. Откуда он? Я повернул голову и тут же вскочил с кровати. За столом, напротив притомившегося от занятий Штуцера, — полупрозрачная фигура. Женщина. Силуэт шевельнулся, и я услышал:

— Эндрю, я ждала тебя здесь целую вечность. Минут десять,

не меньше. Где ты пропадал?

Призрачные краски сгустились, женщина перестала быть прозрачной, и я узнал её.

— Вообще-то, я пропадал в твоей комнате, — сказал я призраку Далилы. — А сюда вернулся за модемом. Торопился в вирт, знаешь ли.

— Зачем? — пропела, кокетничая, Далила.

— Затем, чтобы тебя предупредить! — рявкнул я. — Вываливайся скорее в реал, пока они до тебя не добрались!

— О! До меня кто-то добирается? Кто эти негодяи? — Ей было смешно, понимаете? Я думал, сейчас взорвусь. Не миновать ремонта в комнате. Но я взял себя в руки и заговорил спокойнее:

— Долго рассказывать. Вываливайся в реал. Если не можешь, так я сейчас поднимусь к твоему те… к вам в комнату и отключу модем.

Запах усилился. Приятный, ничего не скажешь, но слишком резкий. От него всё плыло перед глазами, кружилась голова. Я принюхался. Какие-то знакомые примеси.

— Не надо отключать, Эндрю, — попросила Далила, поднимаясь. — И в комнату не ходи, там Ника. Мне нужно поговорить с тобой наедине.

Я покосился на Штуцера.

— Этот нам не помешает, — успокоила Далила, перехватив мой взгляд. Она легонько шевельнула правой рукой, и Штуц исчез.

— Что ты с ним… — шепнул я, но не договорил «сделала». Запах усилился, я уловил в нём знакомые части, только теперь их было больше. «Меня атакуют, — сообразил я, стараясь не паниковать. — Это от неё так пахнет? Не может быть, чтобы она… Куда она девала Штуца?»

— Я вычла его из слоя, — с безмятежной улыбкой сообщила Далила. — Пусть побудет инвизибл, так лучше.

Я отступал, мысленно отбиваясь от лезущих в мозг червей, но кроме них в потоке было ещё что-то незнакомое мне, оно-то и делало аромат таким приятным.

Я непроизвольно пятился, Далила неторопливо шла ко мне.

— Дрю, почему ты меня боишься? Я же всё теперь знаю. Знаю о бегстве. Знаю, как ты приехал, чтобы найти меня в Городе. Знаю, что из-за меня ты поступил в универ. Знаю и то, что у тебя были неприятности. Я виновата, но я могу загладить вину. Со мной тебе не нужно будет бояться Системы, потому что теперь я управляю ею.

— Значит, это ты мой мозг хакнула! — сообразил я. Ошейник дримодема душил меня, стало жарко.

— Просто хотела узнать тебя лучше, — мягко проговорила Далила. Мне больше некуда было отступать, за спиной оказалась не дверь, а стена. Я затравленно оглянулся. Двери больше не было. И комнаты тоже не было. Чернота, разделённая бесконечной стеной, в неё, в эту гладкую холодную ограду я и упёрся лопатками.

Далила подошла совсем близко; пока я озирался, она сменила скин. Стала похожа на воланчик для игры в бадминтон, потому что на ней теперь была старомодная одежда. Салли Энн была в таком же платье на фотке, которую показывал Кэтчер.

— Такой я нравлюсь тебе больше, — сказала она. Не спросила, а сказала твёрдо, без тени сомнений. Пожалуй, она и впрямь знает многое. Но ещё не всё. «В мозг тебя не пущу больше», — думал я, выуживая из потока червей, а вслух сказал:

— Мне не нравятся твои запросы.

Говорил и одновременно с этим усиленно думал, как вернуться в реал. Модем отключать прямо сейчас нельзя, она атакует, последействие будет мрачное, причём у нас обоих. Можно было войти в слой отладки, но тогда я провалюсь в дрим. «Но это ведь будет мой дрим, а не её», — сказал я себе и решился на отчаянный шаг.

— Не нравятся мои запросы? — удивилась Далила. — Но я же просто интересуюсь тобой. Ну-ну, не буду, если тебе неприятно.

Вормы исчезли. Ни одного больше в слое отладки не было, только мощный поток незнакомого, до одури приятного и очень сложного запаха.

— Так лучше? — спросила она, подойдя ко мне вплотную.

«А так будет ещё лучше», — возразил я ей мысленно и вызвал консоль. Но окно отладки не появилось. Внезапно меня ослепила ярчайшая вспышка, оглушил гром невероятной силы, в кожу впились миллионы раскалённых игл, язык обожгло горечью, а запах стал нестерпимо, до приторности плотным. Потом всё это прошло, и меня заполнило новое ощущение. Именно заполнило, я не оговорился. Вы когда-нибудь видели древние матерчатые куклы? Знаете, такие прикольные, — их ещё на руку натягивают. Когда такую куклу надевают и начинают шевелить пальцами, она ощущает то же, что чувствовал я.

Перво-наперво попробовал отключить модем, но рука не поднялась. Я услышал приказ: «Не смей!» — и не смог ему противиться. Кукла не может сдержать движения шевелящихся в ней пальцев или двигаться, как захочет. Желания Далилы управляли моим телом, не подчиниться я не мог. Всё было как во время вирта, только теперь не призрачная Салли Энн была со мной, а Далила. Её приказы двигали мной, это было невыносимо

приятно. Тело Далилы казалось податливее глины, я сам лепил его сообразно с моими желаниями, но неожиданно осознал, что желания больше не принадлежат мне. Осталась единственная мечта — подчиниться. Сомнения отступили, и я с холодной отстранённостью уразумел, что сейчас пущу Далилу в мозг. Но случилось сразу несколько событий: я понял, что незнакомый запах — это поток сознания Далилы; поток хлынул в мой мозг; моё «я» разделилось на две части, одна из них растворилась в желаниях Далилы, а вторая высвободилась и стала искать путь к спасению.

Упрямой части моего «я» думалось великолепно. Я обнаружил, что знаю многое, о чём даже не подозревал раньше, и могу теперь оценить сложившееся положение. Ответы на мои вопросы приходили мгновенно. Что произошло? Далила сломила сопротивление моего мозга. Почему её мозг оказался сильнее? Потому что он объединился с Сетью и теперь управляет всеми сетевыми ресурсами. Как это получилось? Очень просто. Далила не сопротивлялась червям, а поддалась, пустила их внутрь, вормы теперь стали её собственными эффекторными продолжениями. Что она сделала дальше? Принялась крушить защиту Сети, захватила контроль над фильтрами дримцентра, а когда управилась с этим, начала искать добычу. Почему? Её эффекторные продолжения чрезвычайно активны и вредоносны. Они находят мозг, подключившийся к дримцентру, и нападают на него. Андрея Нетребко они обнаружили в тот момент, когда тот запустил демонстрационный дрим. Всё ясно. Но почему это стало мне ясно? Почему я получаю ответы на вопросы и могу их понять? Потому что я — это логика. Наша общая с Далилой логика, живущая в объединённых Системой мозгах.

Я попробовал представить себе, на что похожи два мозга, объединённые Системой в одно целое. Образ оказался слишком сложным, чтобы я смог воспринять его целиком. «Это не к спеху, — сказал я себе. — Нужно мыслить логически. Далила захватила контроль над всем, кроме моего логического мышления, но зато её системные знания стали моими. С логикой теперь я справляюсь куда лучше, чем раньше, а с образами хуже. Значит, нужно добраться до слоя отладки через консоль. Ну-ка, что мы с Далилой знаем о консоли?» Я проверил и убедился — всё в порядке, консоль доступна, стоит только захотеть. Вот она.

Окно консоли больше не было для меня непонятной, быстро меняющейся картинкой и вообще не выглядело как окно. Оно вообще никак не выглядело. Просто я видел проходящую через фильтры дримцентра информацию и мог вылавливать из потока

всё, что мне нужно. Найти наши с Далилой образные представления не составляло труда. Картинки я, конечно, не увидел, не услышал ни фантомного голоса Далилы, ни собственных вскриков и стонов, зато отметил, что центры удовольствия обоих мозгов пребывают в возбуждённом состоянии. Мозги Эндрю и Далилы стимулировали друг друга, их переполняло блаженство. Я ощутил бы презрение, если б владел эмоциями, но я был тогда логикой, понимаете? Чувства для меня попросту не существовали. «Поигрались и хватит», — подумал я, выделил нужные мне потоки, нашёл соответствующие фильтры дримцентра и перекрыл их.

Очнулся я на полу у двери. Тело болело, будто меня лупили по чем попало ногами. Кое-что болело особенно сильно, к примеру, голова. В горле першило, но не от простуды; насморка как не бывало, зато вся физиономия — мокрая. Сердце колотилось, я сначала даже не понял, что это меня так толкает в грудь и почему тяжело дышать. «Чего это со мной?» — подумал я, тупо разглядывая пустую комнату, но тут же всё вспомнил. То есть не всё, а так, кое-что. Воспоминание о феерическом вирте никуда не делось, однако восстановить последовательность действий я не смог. Такое, знаете, чувство, будто вы посмотрели реал-видео, а потом сцены налезли одна на другую, и получилась каша. Не разберёшь, где кто и почему. Так я и не смог прокрутить в памяти, что со мной в дриме Далила вытворяла. Или я с ней? Сложно сказать. А вот что я запомнил чётко, так это мои размышления о мозге Далилы и Системе. Я порылся в памяти и обнаружил, что знаю теперь, как управляться с консолью, и смогу, если понадобится, разобраться с потоком отладки. Не так лихо, как тогда, когда мой мозг был соединён с мозгом Далилы, но хоть как-то. Всё ж лучше, чем никак. И, что ещё лучше, — в реале у меня получилось представить в общих чертах, как выглядят два мозга, объединённые Системой в одно целое. При случае это могло пригодиться. Но сначала консоль. Я поднялся, кряхтя, потянулся, собирался сесть за стол, но вспомнил — Штуцер! Его по-прежнему не было видно. Далила хвалилась, что вычла его из слоя. «Посмотрим, — подумал я, — получится ли теперь его вернуть. Если смогу, значит, кое-какие знания у Далилы я спёр. Велик ли шерсти клок?»

Оконный интерфейс консоли штука несложная, если знаешь, как с ним работать. Сам ищет нужную часть кода, сам выводит в область просмотра нужные параметры, от дриммастера требуется только твёрдо знать, чего он хочет. Я быстро нашёл полный айди чипа Штуцера, отыскал по нему область данных и пул портов его

чипа, посчитал вычеты отдельно для слоя инфо и слоя отладки, нашёл их в Сети и забил нулями. И поспешно закрыл консоль. Честно говоря, боялся, что ничего не выйдет и бедный Штуц до конца своих дней будет человеком-невидимкой.

— Фу-у, слава рыбьим яйцам, — выдохнул я, когда увидел своего чипанутого соседа. Тот всё ещё валялся в отрыве и, ясен герц, ничего не заметил. Я мог разбудить его, достаточно просто вычистить из Сети ту дрянь, которую заливали ему в чип, но возиться не хотелось.

— Надо вернуться к Нике, — напомнил я себе, но и шагу к двери не сделал, пришла в голову новая мысль. Далила, когда я перекрыл фильтры, должна была очнуться там у них в комнате. Что она сделала, когда пришла в себя после наших с ней выкрутасов? Что сказала Нике? О чём вообще она думает, после того, как разъединились наши мозги? Если не выключила дримодем, я мог бы найти её там. Очень осторожно, через консоль.

Я обнаружил вдруг, что непроизвольно открыл окно отладчика, добрался до фильтров слоя инфо и успел даже выделить нужный поток данных. Далила не выключила дримодем.

— До фига инфы, на лету не разобрать, — пробормотал я с досадой. — Координаты у неё… Ага, она у себя в комнате. Видео раскодить и думать нечего, но хотя бы аудио… Нет. Слишком плотно, тоже не успеть. Найти бы в Сети декодер! Без декодера… Минутку!

Я понимаю, о чём вы подумали. Затупил я конкретно, хоть и не был уже полным нубом в дримхаке. Декодер у меня был, да ещё какой. И прямо под руками. Вернее, под черепушкой. Речевые центры мозга куда круче любой сетевой шняги, поверьте мне, я знаю, что говорю. Всего-то и надо было — повесить хомут на фильтры и снимать через него копию потока. Далила ничего не заметит, если не лезть в слой отладки.

— Это ж как два байта переслать! — сообщил я Штуцеру, но тот не отреагировал. Сопел в стол и в чип не дул.

Я улёгся на кровать, чтобы не снесло с копыт, когда в мозг пойдёт инфо. Поразмыслив, решил пустить в мозг полный инфопоток, а не только аудио, — чего мелочиться. В два клика сваял хомут и прицепил его к фильтрам Далилы.

— …так кричала! — возбуждённо говорила Ника. — Я уже хотела выключить эту штуку. Лилька, ты так орала… Как… Как не знаю кто. Как кошка. И если бы только орала! Голову запрокидывала, хрипела, рычала даже. А потом ка-ак выгнулась,

да как начнёшь дёргаться, и давай покрывало шкарябать! Я думала: или ногти переломаешь, или тряпку эту раздерёшь в клочки. Лилька, что это с тобой там делали?

— О-о! Чего только мы с ним ни делали, — довольно мурлыкнул низкий женский голос. Я не сразу узнал Далилу. Вот, значит, каким ей кажется собственный голос: глуше и ниже, чем на самом деле. И почему Ника называет её Лилькой?

— С кем? — сухо осведомилась Ника.

Я закрыл глаза, чтобы лучше видеть. Далила лежала у себя на кровати и смотрела в потолок, но когда услышала вопрос, повернула голову. Потолок метнулся в сторону, в поле зрения оказалась Ника Нэйм: лицо настороженное, глаза круглые. Руки к груди прижаты. Мне показалось, я лежу там, на кровати Далилы, а Ника стоит рядом. И она спрашивает меня… Нет, не меня, конечно. Странное ощущение — словно вас запихнули в живую тряпичную куклу. И вынуждают двигаться вместе с ней, смотреть на мир сквозь прорези её глаз и слышать то, что она слышит, но при этом вы не можете заставить куклу говорить или молчать. «А неплохо бы. Если она выложит Нике, что было между нами…» — подумал я мельком.

— Не знаю, как в реале, а в вирте он ничего, — сладенько пропела Далила, не отвечая на вопрос. Перед глазами её снова был потолок. Мне показалось, что я потягиваюсь и закидываю руки за голову, даже ладони почувствовал затылком. Странное ощущение — будто у меня не одна пара рук, а две.

— Кто он? — спросила Ника. Матрац подо мной прогнулся. Далила чуть повернула голову, я увидел Нику, присевшую на краешек кровати, и ощутил тёплую округлость её бедра. Думал, Далила отодвинется. Нет, не отодвинулась. Я видел вырез халата Ники, мне чудился её запах. Впрочем, не чудился. Весь инфопоток Далилы лился в мой мозг, я чуял то же, что должна была чуять она.

— Зачем это тебе? — игривым тоном поинтересовалась Далила и, не дожидаясь ответа, продолжила с горечью в голосе:

— Все они одинаковы, и он такой же, как все. Не мы играем в куклы, а они. Поиграет — бросит. А если не бросит, так запрёт от чужих глаз подальше и затрёт до дыр. Спрашиваешь, кто он? Какая разница? Этому вообще не я была нужна, а одна видимость. Выдумал себе куклу для самоублажения, потом от большого ума в неё влюбился. Каков, а? Вот нисколечко его не жалко. Жаль только, он из Сети вышел, как-то получилось у него вывернуться, но он вернётся. Не вернётся — чёрт с ним, кое-что я от него уже получила. Будут и другие, я знаю. Но теперь я кукловод, а куклы — они.

Говорила она горячо, даже присела на кровати, согнув ноги в коленях и обхватив их левой рукой. Говорю вам, ничего более странного я раньше не испытывал. Мне казалось, что и ног у меня теперь две пары, причём вторую, афрокожую пару ног я обхватил рукой. Прибавьте к этому, что в пылу разговора ладонь Далилы легла на колено Нике, и вы получите полное представление о том, что я тогда чувствовал.

— Я поняла, о ком ты, — грустно проговорила Ника Нэйм, глядя в сторону. Она наклонила голову, словно собиралась задать кому-то каверзный вопрос, но обычного лукавства на лице её не было. Мне захотелось погладить её по голове, но вовсе не из жалости, как вы, может быть, подумали.

— Ника, ну что ты. Брось киснуть, солнце, — уговаривала Далила. Её рука прошлась легонько по волосам склонённой перед ней головы, потом снова легла на плечо, но теперь не просто легла. Мне казалось, я обнимаю Нику. Совершенное безумие! Далила делала то, что хотелось делать мне. «Я же не лез в слой отладки! — занервничал я. — Какого герца она делает то, что я хочу?»

— Зачем тебе он? — спрашивала Далила, поглаживая Нику по плечу. — Я могу дать тебе больше. Если бы ты не упрямилась и подписала договор, я смогла бы пустить тебя в мой мир. Если бы ты знала, как он прекрасен!

Далила неуловимым движением переменила позу: поджала ноги, в левой руке у неё появился большой белый цветок, и в ту же секунду стены исчезли, мне показалось, весь мир превратился в поле таких же цветов с остроугольными лепестками. Их запах был так густ…

«Да, я его знаю. Так пахнет поток сознания Далилы», — отметил я про себя.

— Мир Лилии! — провозгласила Далила. — Очень жаль, что я не могу тебе его показать. Вот если бы ты не упрямилась, солнце…

«Что она делает?» — ужаснулся я. Ведь это мне хотелось обнять Нику, прижать к себе, провести кончиками пальцев по её бедру, заглянуть в глаза, увидеть в них отражение… «Это бред, безумие!» — думал я.

— Лилька, что ты делаешь? — Ника попробовала встать, но держали её крепко.

— Глупенькая, ведь я знаю, что тебе нужно, лучше, чем он, — ворковала Далила, одной рукой удерживая Нику, а другой стягивая с её плеч халат. — В моём мире все твои желания исполнятся. Пусть это отдаёт солипсизмом, но какое нам до этого дело?

«Солипсизмом?» — У меня похолодело внутри от страшного подозрения.

— Ника, беги! — крикнул я, пытаясь вскочить с кровати, но подвела координация. Попросту не смог разобраться, какие из двух пар ног и рук мои, споткнулся и полетел на пол. Но не вытертый линопрен увидел, по которому проехался таблом. Перед глазами — море белых цветов, шея Ники, плечи, опутанные съехавшим халатом, и её грудь. Голова снова кружилась от смеси запахов.

— Лиля, не надо, — упрашивала Ника, отталкивая меня, но руки мои против воли стискивали её всё сильнее, потом я почувствовал языком…

— Лиля! — визгнула Ника, вывернулась и оттолкнула меня. Не меня конечно, но досталось и мне. Мерзко быть тряпичной куклой. Я стиснул зубы и, прицелившись, ухитрился нажать на кнопку дримодема.

Ни секунды у меня на размышления не было. Сто процентов, Бенито влез в мозг Далилы после того, как я перекрыл фильтры и вышиб её из режима отладки. Возможно, ещё и Лао туда сунулся — защищать. Он как раз собирался. Без разницы, кто из них возьмёт верх, кое-кто может пострадать в реале. Я рванул с места, едва попал пятернёй в пальпатор, навалился на дверь и был выпущен в коридор, а правильнее сказать — вырвался, как дикий выпрь. Есть такой монстр-мутант в «Жратве и патронах», вы, я думаю, знаете. Сначала собирался ломануться прямиком к Бенито, бить ему морду, потом сообразил, что это не остановит дриммонстра по имени Лилия. Дверь моей комнаты ещё не закрылась за мной, а я уже взлетел на девятнадцатый этаж и кинулся к знакомой двери. И правильно сделал, что поторопился.

В комнате кричали на два голоса, там что-то тяжело грохнуло об пол. Я вмазал с разбегу в дверь, пытаясь проломить филёнку, на голову посыпалась труха, но большего я не добился, только плечо отшиб. Хорошие у нас в общаге двери.

— Ника! — заревел я. — Открой!

Наверняка меня не услышали. Они голосили, что-то роняли на пол, потом там, внутри, всхлипнуло битое стекло и посыпались осколки. Один из голосов смолк. Я соображал лихорадочно, как открыть? Дёргай не дёргай за ручку, магнитный замок не сломаешь. «Ладно», — подумал я, ожесточаясь, и включил модем. Головокружения на этот раз не заметил, потому что сразу вышел в консоль. Возиться с отпечатками пальцев было недосуг, я просто нашёл панель управления электрикой и вырубил питание всех общажных замков. Автомат тут же включил резервную линию, но я тянул за ручку, полусекундного сбоя

хватило, чтобы дверь открылась. Ворвавшись внутрь, я первым делом отключил модем и потом только огляделся. Мать моя блогерша!

Хорошо знакомая мне афрокожая красотка в домашнем кимоно с оторванным рукавом душила девушку (Нику я узнал с трудом), прижав её к тому месту, где в дверце шкафа раньше было зеркало. Далила кричала без слов, её голос невозможно было узнать. В комнате пахло потом и ещё чем-то. Чужой, незнакомый запах. Битое стекло захрустело у меня под ногами, я поскользнулся на осколках зеркала, но удержался на ногах. Подскочил к ним, вцепился в запястья девушки по имени Лиля (ну и личико у неё!) и оттолкнул её прочь что было сил. Ника повалилась мне на спину. Я повернулся, чтобы подхватить, но это уже не понадобилось. Падать в обморок никто не собирался.

— Уйди с дороги, мой друг! — услышал я и снова повернулся к Далиле. Нижняя губа у неё была разбита, по подбородку стекала лаково-красная струйка. В оскаленном лице — ничего женского. «Мой друг» мне говорил только Бенито, я уже не сомневался — передо мной не Далила, а дриммонстр. Я потянул носом воздух — оказывается, вот как пахнет кровь. Тот второй, незнакомый запах. Затем я глянул на волновод модема Далилы (был сунут в карман кимоно), поднял руку и сказал:

— Мы в реале, Лилечка. Солнце, ближе не подходи, изрежешь о стекло свои кукольные ножки. Это тебе не по лепесткам разгуливать.

За моим плечом всхлипнула Ника, потом её рука сжала мне пальцы.

— Ника, ты как? — спросил я, но она не ответила. Возможно, ещё не могла говорить.

Моё предупреждение подействовало, Далила не решилась подойти ближе. Мелких осколков на полу и вправду было полно, кроме того, она, кажется, поняла, что цацкаться с ней я не буду. В полном соответствии с её собственной теорией о куклах. А может быть, она просто пыталась найти меня в Сети? Не знаю. Модем-то я вроде бы выключил, и, как оказалось, не зря.

— Пойдём, — бросил я через плечо и потащил подругу из комнаты, стараясь не поворачиваться спиной к монстру. Впрочем, Лилечка больше не пыталась напасть, глаза её были закрыты. Дорого бы я дал за инфу о её последних действиях в Сети, но делать нечего, включать модем было бы глупо. Я подтолкнул Нику к двери, не глядя, попросил её: «Открой», потом мы оказались в коридоре. Когда закрылась за нами дверь, Нику прорвало. Она повисла на мне и заревела в голос, судорожно хватаясь за шею. Её трясло. Рубашка у меня на груди

моментально вымокла.

— Всё, милая, всё, — пытался я успокоить её, но какое там. И по голове гладил, и встряхивал за плечи: «Ника, ну не плачь!» — всё без толку. «Сейчас сюда вся общага сбежится, спектакль смотреть. Ещё комендантшу накличем», — подумал я. И точно — на нижнем этаже стукнула дверь. Потеряв надежду добиться цели лаской, я прикрикнул, хоть и негромко: «Тихо! Я из-за тебя не слышу ничего!» Это помогло. Ника тоже стала прислушиваться, тихонько всхлипывая, и даже отпустила одну руку, но второй всё же держалась за мою шею. Шаги. «Кто-то поднимается по лестнице», — сообразил я и хотел спрятаться в тёмный угол за пожарным шкафом, но не успел. И всё равно там места на двоих не хватило бы.

Скрипнула, открываясь, дверь лестничной площадки, я вздрогнул. Бенито. Ну, думаю, точно сейчас махаться придётся, а у меня и без того всё болит после вирта. Ладно, думаю, где наша не пропадала. Толкнул в сторону Нику, чтоб не мешалась, и пошёл навстречу Бене. Лучшая защита — нападение, я считаю. Но у меня ничего не вышло. Во-первых, от Ники освободиться не удалось, она тут же мёртвой хваткой вцепилась в рукав моей рубашки. Во-вторых, Бенито драться не пожелал. Он и обычно смотрит на всех свысока, а тогда вообще выглядел надменнее самого надменного в мире верблюда. Смотрел в одну точку, нас с Никой не заметил, хоть был в двух шагах. Странно. Я-то ладно, эка невидаль, но девушка с синяками на шее и в распахнутом халате, да ещё и бывшая одноклассница, — зрелище, которое я лично не пропустил бы ни за что. Но Беня был выше любых зрелищ. Глаза его, как я уже сказал, смотрели в одну точку, шея стянута ошейником, на поясе светил лампочкой дримодем. Этакий верблюд-зомби. Направлялся он прямиком туда, откуда мы только что сбежали. Против ожиданий, ему не пришлось стучать и ждать, чтобы пустили. Пальпатор узнал его руку, значит, он не был незваным гостем. Скорее званым. Его позвали — он пришёл.

— Кто-то же должен убрать в комнате, — пробормотал я. — Вы на пару с Лилечкой устроили там приличный бардак. Ты бы запахнула халат. Не ночь ещё, народ по коридору шастает.

Ника не обратила на вполне разумную просьбу никакого внимания. Я глянул на неё с изумлением — ведь только что на ногах едва держалась! Подруга моя была вне себя от гнева.

— Что такое? — спросил я.

— Что такое?! Ах ты… Бардак?! А сам?! А ты?! А знаешь, что мне Лилька сказала?! Что ты!.. Что вы с ней!.. Из-за тебя я… Да ты знаешь, что я сейчас с тобой сделаю?!

Говорю вам, ни в чём Ника не знает меры. Если злится — прячьтесь. Но я не стал прятаться, лучшая защита — нападение.

— Ты! Ты что дела…

А я всего-то делал, что хотел. В моих объятиях она обмякла и успокоилась быстрее, чем я ожидал. И мне стало спокойно. Представьте: вечер только начался, мы в общаге, в любую минуту кто угодно может выпереться в коридор, у Ники халат распахнут, на плечах висит, а мне спокойно. Её запах, вот в чём дело. Хоть и пахло ещё от моей милой кровью и потом, но мне это почему-то не помешало.

Из нас двоих опомниться первым полагалось мне, но сказалось последействие. То, что я подсмотрел глазами Далилы, вышибло из моей головы остаток здравого смысла.

— Погоди, Дрю! — Ника возражала, правда, довольно слабо. — Да погоди же! Как мы теперь? Куда мы теперь?

Я не сразу понял, о чём она. Позже до меня всё-таки дошло. Ника в одном халате и босиком. О том, чтобы вернуться в комнату, хотя бы только вещи забрать, не было речи. Я и сам бы туда больше не сунулся. Дело даже не в том, что там Бенито; мне очень не понравились Лилечкины слова о «других». Похоже, она не собиралась ограничивать себя одним рабом. Если я прав…

— Ты видел, что она с Бенито сделала? Она говорила, будут и другие.

«Хорошие мысли приходят в умные головы одновременно, — подумал я. — Но лучше я о рабах пока помолчу, а не то кое-кто опять закатит истерику. Надо бы куда-то спрятать Нику и проверить, не входя в Сеть».

Я запахнул полы Никиного халата, затянул поясом и сказал:

— Пойдём.

— Куда?

Спросить-то она спросила, но уже на ходу.

— Ко мне в комнату.

— Но там же этот… Штуцер.

На секунду мне показалось, что возможность оказаться в одной комнате со Штуцером пугает мою милую не меньше, чем соседство с Лилечкой.

— Он в отрыве, — успокоил я её, и тут же мне в голову пришла новая мысль: «Ничего себе успокоил. Когда Штуц в отрыве, Далила может вертеть им, как захочет. Нужно что-то такое с ним сделать, чтобы не мешал».

Я впустил Нику в комнату, закрыл дверь и в затруднении глянул на соседа.

— Он ничего не видит, не слышит и не чувствует? Да? — с опаской спросила моя осторожная подруга. И любопытная.

Поэтому она решилась подойти ближе и заглянуть Штуцу в лицо.

«Он-то видит и слышит. И очень даже чувствует. При желании из него можно сделать подслушивающее устройство. Далила вполне может такое сотворить. Как бы нам оглушить его и ослепить? Ага, знаю. Но придётся включить модем».

— Не надо! — взмолилась Ника и схватила меня за руку.

— Я осторожно, — сказал я и нажал кнопку. Всё нужно делать быстро. Консоль. В консоли найти айди Штуцера. По номеру комнаты. Быстро. Нет, это не тот, это мой. Ага, вот он. Теперь нужно подставить вместо него… Кого бы?»

Я глядел на поле с номером чипа Штуцера, не решаясь вбить случайный набор цифр. Понимаете, подставлять кого-то под хак — подло. Я чуть было не выбросил эту идею из головы, и тут мой взгляд упал на экран моего налокотника. «Бедный Эндрю, — подумал я. — Но ты уже мёртв, приятель. Тебе всё равно». И я вывел Штуца из-под удара. Поставил на порты его чипа кодовые заглушки, перенаправил поток в симульчип бедняги Эндрю, скрыл настоящий айди маской и разбудил налокотник. «Чё за нах?» — написал в поле комментариев мой налокотник, получив поток чипорно, которым забавлялся Штуц. Он помолчал немного, потом стал строчить комменты: «Ты куда, жывотное? Ахтунг! Йомайо, это полный фперёд! Деффки, в Бабруйск, йа утамилсо». Похоже, видео пришлось айдиоту Эндрю по вкусу. Я снял налокотник и положил его на кровать Штуцера.

— Ну что, Дрю? Эндрю, ты слышишь? — волновалась Ника, наблюдая за моими действиями.

— Меня зовут Андрей Нетребко, — ответил я. — Всё в порядке, милая. На Штуца не обращай внимания. Он спит как бревно, и будет спать, пока я не разбужу его.

— Сидя?

— Да, надо бы его в кровать. Отсидит шею. Помоги-ка мне.

Мы перетащили моего соседа по комнате и уложили рядом с чипанутым Эндрю. Эти двое точно не помешают друг другу.

— Я пойду, Ника, ты пока можешь прилечь.

— Куда ты?

— Надо проверить кое-что. Я быстро. Ничего не бойся, я залочу дверь.

Милая моя послушно улеглась на мою кровать, пробормотала, что заснуть не сможет, даже если захочет. Я выскочил из комнаты и заблокировал замок. За подругу мою я был теперь спокоен. Долбозавр дятлоголовый! Если бы знал, как далеко зашло у Лилечки дело, схватил бы Нику, в чём была, в одном халате, и рванул бы когти из проклятой общаги, где поселился дриммонстр.

Но мне хотелось убедиться, что я не ошибся в отношении планов Далилы. Я решил заскочить на две минуты к Лао. Парень он умный, поумней меня, во всяком случае, и с Бенито не дружит. Хоть он и тащил модем, когда я его встретил на лестнице, но было это недавно. Лао из тех, кто сначала читает мануалы, а уж потом включает девайс. Может, думаю, он до сих пор ещё не всосал что к чему и в Сеть через модем не лазил? Это было бы здорово.

Я размышлял над этим, спускаясь на семнадцатый этаж, но проку от подобных раздумий не много. Просто надо было занять чем-то мозги, чтобы не трястись от страха. Я чуял беду. Не скажу, в чём было дело, в запахах или в том, что ни одной живой души мне не встретилось на лестнице. Обычно в это время суток в общажных коридорах шумно и людно. На площадках лестниц не протолкнёшься, регулярно какой-нибудь тусовке становится тесно в комнате. Но не так было в тот вечер. Эхо моих шагов звучало жутковато; показалось, сквозь стены начинают прорастать ядовитые лианы, как на третьем уровне Slime&Darkness, и я по привычке стал озираться, чтобы сзади не напал ю-пырь, но потом приструнил дурака Нетребко. На всякий случай глянул на лампочку дримодема. Вроде выключен. Я выпрямился (чего пригибаться?), приоткрыл дверь семнадцатого этажа (давай, Нетребко!) и нарочито беспечно ступил в коридор. Пусто и очень тихо. Вон та дверь. Что это налеплено?

«Не беспокоить. Идёт хак», — прочёл я. Узнаю почерк Лао. У него заскок на этой, как её? На каллиграфии. Так он это называет. А по-моему, пофиг, как выглядят буквы, лишь бы я разобрал, что написано. Идёт хак — это такая у нас в общаге хохма, так обычно кодеры дают понять случайным гостям, чтоб проходили мимо. Но Лао серьёзный парень, юмора не понимает вообще. Если он написал «идёт хак», значит, тот и вправду идёт.

— Лао, открой! — заорал я и забарабанил в дверь.

«Ао-ой!» — отозвалось эхо. Я прислушался, — из-за двери ни звука. Замок закрыт. Рука моя потянулась к модему, но я опомнился. Нет, хватит. И без того слишком часто залажу в Сеть. Опоздал так опоздал. Лао уже там. Может быть, червячки Далилы уже копошатся в его черепушке. В последний раз я включал модем, чтоб залочить дверь. Включил, значит, я его… Э! Я же его не выключил!

Сквозняк в спину, какие-то шорохи. Пахнет гадостно. Я развернулся на месте, как ужаленный. Если б на лысой моей голове были волосы, то встали бы дыбом. Штукатурка трескалась, из разломов полезли ядовито-зелёные ростки, похожие на червей. Я переступил на месте. Под ногами хлюпнуло. Лужа. Дрянь какая-

то маслянистая. Но лампочка модема не горела.

— Какого герца? — громко спросил я, двигаясь вдоль стены к лестничной площадке.

«Ерца!» — откликнулось эхо. Из-под ног с писком порскнула какая-то мелкая мохнатая мерзость.

— Он выключен! — обозлившись, крикнул я в гулкую черноту коридора.

«Ыглючен!» — отозвалось эхо.

«Точно, это глюки», — мысленно согласился я. Будить эхо больше не было желания. Я потянулся трясущейся рукой к ручке двери, но когда пальцы коснулись холодного, в голове мелькнула дельная мысль. И как я раньше не допёр?

Я вызвал консоль. Она явилась мгновенно. Дримодем не был выключен. А лампочка… Беглая проверка портов показала — модем взломан. Кто-то просто поменял местами флажки сигнальной лампочки, чтоб запудрить мне мозги. Не понимаете? Ну, это ж как два байта переслать. Неизвестный «кто-то» сделал так, чтоб при включённом модеме не горел индикатор. Я обнулил буфер девайса и перезапустил модем. Взломщик далеко не продвинулся и в мозг соваться не стал; может, просто отслеживал мои координаты, но в черепушку не полез, чтобы я не заметил хака. «А всю эту чушь, — думал я, поднимаясь по лестнице и оглядывая проросшие стены, — эту мерзость я сам выдумал и на автомате подменил ею общажный скин. Значит, я случайно влез в образный режим отладки. Зря. Тьфу-тьфу, чтоб это не вышло мне боком».

Напрасно плевался, ошибка вышла мне боком, и очень скоро.

Глава девятая

За дверью моей комнаты — тишина. Я приложил ладонь к пальпатору, но замок мёртво молчал. «Что такое?.. А-а! Нетребко беспамятный, я ж сам его залочил!» Кляня себя по-чёрному, я опять врубил модем и снял с замка блок.

— Ника, встава… — начал я, прикрывая за собой дверь, и осёкся. Глаза её были закрыты, она тяжело дышала и что-то бормотала во сне.

— Ника, милая!

Я кинулся к ней. Что ж такое-то, она же не в Сети! Как они до неё добрались?

— А? Кто тут? — Она вздрогнула, открыла глаза. — Дрю, это ты! Мне такое снилось! Просто кошмар.

«Ну вот. А говорила, заснуть не смогу».

Она села на кровати, свесив ноги, и стала рассказывать свой кошмар, но я не слушал. Сердце колотилось. Просто очень за неё испугался, понимаете? Показалось — теряю её. Но рано было расслабляться, это я знал твёрдо. «Надо бежать отсюда. Затеряться в Нижнем Городе на время, пока я не придумаю, как нам дальше жить».

— Ника, — остановил я её на полуслове. — Послушай. Нам нужно бежать.

Срочно.

— Куда? — спросила она с интересом. После десятиминутного сна, хоть и с кошмарами, приободрилась и, кажется, больше ничего не боялась.

— Куда подальше, — бросил я. — Отсюда. Лучше прямо сейчас.

— А… А как же… М-м… — тянула Ника, критически оглядывая свою одежду.

Да, для беготни по улицам она была одета легковато. Октябрь на дворе, а она в одном халате и босиком.

— По дороге купим. В «Е-боди» круглосуточном.

— Но деньги!

— Придумаю что-нибудь по ходу дела, — сказал я, покосившись на Штуцера, нежно приобнявшего эмулятор мозга. Чипанутого Эндрю брать с собой не годилось, но можно и без него в кредит пальчиками расплатиться, а после как-нибудь снять со счёта остальные бабки. «Хакну банк в случае чего», — беспечно подумал я и вдруг сообразил, что знаю, как это сделать. «Что-то не припомню, чтоб я раньше вытворял такие штучки. Даже в голову не приходило, — раздумывал я, сматывая шнур зарядки и

пихая его в карман. — Надо с этим разобраться. Но это после. Сначала смыться».

— Всё. Рвём когти, — я потащил Нику к двери.

— Нет! — Она вырвалась.

«Чего у неё опять глаза круглые?»

— Так Лилька всегда говорила… — шептала моя милая, пятясь. — Её слова. Так и говорила: рвём когти. Не трогай меня!

— Успокойся, — уговаривал я её. Чуть не добавил «солнце», но вовремя удержался. — Ника, это последействие. Потом объясню, сейчас некогда. Слышишь? Я — это я. Её здесь нет. Видишь — модем выключен. Пойдём же!

Мне пришлось вести её за руку. Позже она призналась, мол, её предчувствия мучили. Оказавшись в коридоре, беду почуял и я.

С вами было когда-нибудь такое: вы точно знаете — за дверью ждёт какая-то мерзость, но всё равно упрямо лезете туда, потому что не желаете выглядеть в собственных глазах суеверным олухом? Кое-кто называет это озарением, умники придумали для этого специальное слово — «интуиция», я называю проще — чутьё. Но как ни называй, суть та же. Открывая дверь, я потянул носом воздух и понял: нас ждут.

В коридоре по-прежнему пусто и тихо, но я чуял тупую злобу, она сочилась отовсюду, как будто за каждой запертой дверью притаилось по ю-пырю.

— Что с тобой, Дрю? Андрей… — шепнула Ника.

Я озирался. Нет, опасность была не за каждой дверью, конечно. На лестнице безопасно. «Попробовать пробиться к лифту?» — прикинул я. Это смешно звучит — «пробиться», коридор был пуст, когда я об этом подумал, но в следующий миг всё переменилось. Разом распахнулись несколько дверей, и я ринулся к лестнице, волоча за руку Нику. Понял, что к лифту не пробиться. Вытолкнув Нику на площадку, я задержался в дверях. Надо же было хотя бы глянуть, кто за нами охотится. Обычный общажный народ. Кое-кто из нашей группы. В основном естеты, но я заметил и пару чипанутых. У меня мелькнула мысль: «Нетребко, зря ты шугнулся. Наши ребята. Вон того я…» Додумать эту успокоительную мысль не получилось. Я разглядел на поясе у первокурсника с кафедры тестирования включённый дримодем, заметил, что глаза его закрыты, и опять почуял угрозу. В следующую секунду я вылетел на площадку, захлопнул дверь. Понимаете, их с десяток было, и все как по команде повернули ко мне головы, когда я о них подумал.

— Ты можешь мне объяснить? — шепнула Ника.

Мне было не до объяснений. Снова показалось, будто меня закинули на третий уровень «Slime&Darkness», только забыли

разбросать повсюду жратву, патроны и оружие. «Куда спокойнее было бы с рейлганом, — думал я, спускаясь по лестнице. — Мне бы не бежать тогда, а… Ч-чёрт!»

Я остановился на площадке между восемнадцатым и семнадцатым этажами и поймал Нику. Спускаться нельзя. За дверью семнадцатого этажа — угроза. Их много там.

— Да что ж такое?.. — начала моя подруга, возмущённая подобным обращением, но я зажал ей рот ладонью. Наверху и внизу скрипнули двери. «Попались? — подумалось мне. — Ладно, посмотрим ещё». Можно попробовать прорваться через восемнадцатый этаж. Всё равно деваться нам больше некуда. Я показал Нике, куда идти, и стал подниматься. Она слегка опередила меня, открыла дверь и оглянулась: «Туда?» — но я не мог ей ответить. Вообще ни слова не мог выговорить от изумления. На площадке перед дверью помигивал индикатором заряда рейлган. Понимаете, вот так просто на полу валялся. Я вытаращился на него, как нуб на телепорт. В голове крутилось: «Как же Ника его не заметила? Да и я сам, когда спускался?» Из столбняка меня вывели звуки осторожных шагов. Сверху и снизу. Я схватил рейлган, — тяжёлый какой! — проверил индикатор, — полный заряд, порядок! — кивнул Нике, чтоб не стояла в дверях, и скользнул в коридор восемнадцатого этажа. Вы даже не представляете, что я чувствовал, сжимая удобные рукояти и трогая пальцем гашетку. С чем другим, а с рейлганом я управляться умею.

— Что ты там нашёл? — спросила Ника шёпотом.

— Сама не видишь? — буркнул я в ответ раздражённо. Заполучив оружие, не считал больше нужным прятаться. Какого герца шептать? С такой штуковиной в руках можно говорить в полный голос. «А если кому-то не нравится, что я скажу, так я могу и…»

Внезапно мне пришло в голову, что там за дверями комнат вообще-то не монстры и не ю-пыри из «Slime&Darkness». Я поднял ствол, чтобы ненароком не засадить в дверь, сказал Нике: «К лифту!» — и пошёл следом, поглядывая по сторонам.

Вы правы, вёл я себя тогда, как полный кретин. Но раздумывать было некогда. Всё случилось слишком быстро. Да и вообще: у мужика, взявшего в руки заряженный рейлган, головной мозг сдаёт вахту спинному, точно вам говорю. Сто процентов. По себе знаю. Всё было как в тупой стрелялке: несколько дверей распахнулись разом, в коридор вывалила толпа, как мне показалось, человек двадцать, и все в ошейниках. Ника пискнула и прижалась ко мне. Её можно было понять. Эти выперлись в коридор и головами крутят, а глаза у всех закрыты. Я

вскинул ствол, приложился, метя в одного из тех, которые возле лифтов, и вдруг узнал: это ж Рол из параллельной группы. Смешной такой парнишка, Роландом назвался при поступлении. Рука моя дёрнулась вверх сама собой. Не мог же я спокойно влепить из рейлгана Ролу в лоб! А вы смогли бы? Как бы там ни было, но палец-то уже на гашетке. Им я тоже дёрнул. Рейлган зашипел, больно отдал в плечо. В стену над головой Рола гахнул снаряд, фонтаном брызнули обломки, штукатурка посыпалась, вспухло под потолком пылевое облако, однако ни на кого, кроме меня, выстрел не произвел ни малейшего впечатления. Рол и ухом не повёл, хотя его-то уж точно должно было пригреть обломками и трухой обсыпать. Я обмер. Сквозь редеющий столб пыли просвечивала целёхонькая стенка. Что всё это значит, до меня дошло слишком поздно, рабы Далилы получили приказ. Головы их повернулись в мою сторону, и они кинулись на меня все разом. Позади истошно завизжала Ника, но отреагировать я не успел, потому что отгрёб от кого-то справа. Не так, чтобы очень, он в плечо попал. Я отмахнулся прикладом рейлгана, но вместо удара получилось то, что и должно было получиться — фигня. Я краем глаза заметил, как приклад погружается в грудь незнакомого бритоголового типа, догадался выпустить из рук дурацкую виртуальную пукалку, и она всем своим виртуальным весом брякнулась об пол. Приплыли, думаю. Собрался прикрыть рукой голову, но тут мне, надо думать, попало уже по-настоящему. Крепко.

До сих пор не могу понять, что меня спасло тогда. Подозреваю, Далила просто потеряла меня из виду, когда я выпал в осадок. Очнулся на полу. Перед глазами окно консоли. Клик за два, я его открыл в беспамятстве. Рейлгана у меня в руках больше не было, потому, наверное, и перестал тупить. Мигом подцепил координаты модема одного из нападавших и повесил переадресацию. И подумал, отползая в сторону: «Не повезло тебе, парень. Ты теперь мой заместитель по плюхам». Потом я спохватился и выключил чёртов дримодем, на всякий случай даже волновод из гнезда выдернул. И всё-таки мне попало ещё раз: какой-то опоздавший к началу разборок увалень споткнулся об меня сослепу, рухнул; затем, поднимаясь на ноги, прошёлся по мне коленями и ринулся в свалку.

Я хотел подняться, но тут на меня набросилась Ника.

— Ох, тише! — взмолился я. Всё у меня болело, особенно голова и шея. В черепушке гудело, как в пустом садовом баке для воды, если по нему съездить молотком.

— Тише, Ника. Надо мотать отсюда.

— Они что, перебесились все?! — возмущалась моя подруга,

помогая дураку Нетребко подняться. — За что они тебя? Бросились, меня чуть с ног не сбили. Я одного пыталась оттащить — куда там. Дрю, ты как?

«Как-как… Сама не видишь?» — подумал я. Распрямиться не мог, болели рёбра. Вслух ответил:

— К лифту, быстро!

Но сам я быстро не мог. Кое-как доковылял, оглянулся — свалка продолжалась, были уже пострадавшие. Возможно, я впопыхах не одного из них назначил заместителем, а нескольких, а может быть, кое-кто, получив по башке, потерял связь с центром и теперь воевал со всеми, кто попадётся под руку.

— Сволочи! — в сердцах выкрикнула Ника, остановившись в дверях лифта.

Я втащил её внутрь, нажал кнопку и только после этого сказал: «Они не при чём». Нам надо было торопиться. Далила девушка неглупая, быстро поймёт, что клавиши в кабине лифта не нажимаются сами собой.

— А кто при чём?! — кричала моя разгневанная подруга, осматривая здоровенный фингал у меня под левым глазом.

— Далила. Да и я тоже не без греха. Ох! Не трогай, больно. И Беня. Эти айдиоты, что свалку устроили, тоже. Но они — так, самую малость. А вот мэр наш… Он в особенности. Да все при делах, кто больше, кто меньше. Только ты почти совсем не при чём. Выходи, приехали.

— Почему в подвал? И почему это я не при чём? — строптиво осведомилась Ника.

— Потому, что тебя нет в Сети. И хорошо. Думаешь, почему эти в ошейниках тебя не тронули?

— Почему? — округлив глаза, спросила моя милая шёпотом. Сообразила, что псам Далилы всё равно, кого грызть.

— Да выходи же из лифта! — заорал я и поморщился. Голова раскалывалась, кричать мне было противопоказано.

— Болит? — участливо спросила Ника, когда мы очутились в ярко освещённом расширителе торгового подвального яруса. — Ты не сказал, зачем нам в подвал.

Вместо ответа я мотнул головой в сторону пёстрых раздвижных дверей спорт-маркета «Е-боди», открытого для посетителей круглосуточно. Выяснилось, что резкие движения головой мне тоже пока лучше не делать. Еле устоял на ногах.

Когда я почти сразу после поступления обнаружил в подвале этот спортивный магазин, удивился безмерно. Как, думаю, он ухитряется не прогореть? Разве что преподы поголовно спортсмены и у них по шесть пар ног и рук на брата. Оказалось, был неправ. Нет, любовь к спорту не свойственна студентам, как

вы, должно быть, подумали. Просто одежда дешёвая, вот в чём суть. Поэтому случайный гость нашей общаги, бродя вечерами по коридорам, может решить, что попал в спортивный сумасшедший дом. И ничего странного в том, что магазин открыт круглосуточно: мало ли что с кем может случиться посреди ночи? Кое-кого, может, просто ломает стирать. Да, совсем забыл вам сказать! Когда рабы Далилы вывалили в коридор, чтоб накостылять мне по шее, можно было подумать, что объявлен сбор баскетбольной команды.

— Что смешного? — обиженно осведомилась Ника, дёргая меня за рукав. И правда, поводов для веселья у меня не было, да и баскетбольный мяч раскалывался.

Приняв серьёзный вид, я провёл Нику мимо стеллажей с надписями: «Всё для дрифтинга», «Всё для рафтинга», «Всё для дайвинга», «Всё для сёрфинга», «Всё для спеллинга», «Всё для боксинга», «Всё для лаун-тенниса», «Всё для яхтинга», «Всё для лофтинга», «Всё для лифтинга», «Всё для лэфтинга», — и подтолкнул к большому лотку с баннером «Всё для раннинга». Но тут она заупрямилась. Сказала, что ни в какую не станет щеголять в спортивных трусах и напяливать вислые шаровары. О шортах тоже высказалась непочтительно, вернулась к лаун-теннисному лотку и стала, вертясь перед зеркалом, прикладывать к себе юбки. И какие! Одна короче другой. Я только пожал плечами, что тут поделаешь. Нужно было и мне переодеться. Ну, я-то хорошо знал, что мне нужно. Стеллаж «Всё для гольфинга». Кулёвая одежонка, вот только кепки дурацкие. Поразмыслив, я всё-таки взял в тот раз кепку. Понимаете, повсюду полно камер. Когда прячешься в Нижнем Городе, козырёк полезная штука, но не от солнца, а чтоб на глаза надвинуть. Прихватил и сумку, чтоб побросать в неё наши обноски. Замечу: не очень-то много у нас с Никой было тогда движимого имущества, а недвижимого и вовсе не было.

В общем, мы довольно быстро управились с переодеванием, если даже учесть время, которое милая моя убила на выбор обычных очков от солнца. Ну, скажу я вам, вид у нас на выходе из «Е-боди» был, как у парочки чипанутых туристов из Объединённого Лифтингштейна. Все в белом. Одно хорошо — на себя не похожи. Оставалось только расплатиться. Я едва успел поймать Нику за руку, чтобы не вздумала приложить к сканеру ладошку.

— Дрю, зачем ты? Я сама плачу за покупки! — запротестовала она, но я молча расплатился за нас обоих.

— Андрей, это свинство! — возмущалась Ника, семеня за мной по узкому служебному коридору. — Вот не знала, что ты ушиблен этой чепухой! Унизительно, когда мужчина платит за

женские тряпки, и… Ты так себя ведёшь, как будто между нами уже всё решено. Ничего ещё не ясно, ты даже не спросил, хочу ли я… Куда ты меня тащишь?

Я молча волок её за собой, пытаясь припомнить план подвального этажа. Одному Гейтсу известно, откуда я вообще его знал. Пока мозг мой был объединён с Сетью, успел нахвататься чего попало, теперь сложно разыскать в этой куче дряни нужную инфу. Кажется, это здесь.

— Андрей, я не пойду дальше, пока ты не ска… Ай! Пусти ме… м-мм.

Я закрыл ей рот поцелуем. Просто некогда болтовню разводить, и без того прорву времени в магазине потратили.

— Ты псих, — заявила она, когда смогла говорить. — Зачем ты за меня платил?

Вот, думаю, упрямая. Придётся объяснить в двух словах.

— Для того, чтобы не оставлять здесь твои пальчики. Далиле не нужно знать, куда ты делась. Камеры в «Е-боди» не подключены к Сети.

Так я ответил ей. Она хотела что-то возразить, но я не позволил. Лучше потратить минутку на ещё один поцелуй, чем полчаса на пререкания. Понимаю, о чём вы подумали. Да, затупил я тогда конкретно. Далила неглупая девочка, она вполне могла понять, что не стану я покупать себе короткую теннисную юбку и женское бельё даже в целях маскировки. Но эта мысль как-то не пришла мне в голову. Я пытался вспомнить, где грузовой подъёмник. «Кажется, здесь», — сказал я себе и, примерившись, двинул ногой в хлипкую дверь. Удивительная штука — система безопасности. Универ наш охраняется зверски. Турникеты, камеры на входе, датчики движения, то-сё. Но в служебной каморке грузового подъемника картонная дверь с допотопным замком и нет сигнализации. Грузовой люк, конечно, только изнутри открывается. Ну и что же? Ладно, не моё это дело, в общем-то. Мы пробрались через каморку с силовыми шкафами в шахту, я дождался, чтобы Ника в своей умопомрачительной юбке залезла на платформу, нажал пусковую клавишу и, пока в недрах древнего механизма что-то гудело и щёлкало, запрыгнул сам. Мы стали неспешно всплывать из промозглой подвальной сырости к раскрывшемуся со скрежетом зеву грузового портала. В который раз за этот вечер у меня мелькнула мысль, что не зря так пустынно в университете, да и в магазине никого, кроме нас с Никой, не было. Не ночь ведь ещё, да и ночью редко случается, чтоб пустовал торговый зал «Е-боди». Но я отогнал эту мысль, помог милой моей слезть с платформы, и мы, избегая открытых мест, прошмыгнули в университетский парк. Никто нас не

преследовал, и всё же я сказал Нике, чтобы не вздумала смотреть вверх.

— Я-то ладно, — согласилась Ника. — Но ты тоже.

— Что? — не понял я.

— Сними эту штуку. Люди оборачиваются.

Ошейник! Вид у меня в костюме для гольфа и ошейнике и вправду был странноватый. Когда содрал его с шеи и сунул в сумку, почему-то стало легче с головой, но всё равно не мешало посидеть на лавочке. Оклематься и решить, куда податься. Хоть и стало легче на свежем воздухе, но бесцельно шарахаться по городу не было желания.

— Да, присесть тебе не помешает, — согласилась Ника.

«И даже прилечь, — подумалось мне. — Ноги вообще не ходят. Погоди-ка, я ж вслух ни слова не сказал!»

— Не о чем говорить, слепому видно, ты на ногах не держишься, — пояснила Ника.

Под ногами шуршали листья, неизвестно откуда взявшийся ветер посвистывал в голых ветвях клёнов у меня над головой. Хотелось запрокинуть голову и полной грудью вдохнуть пахнущий прелью холодный воздух, но делать этого не стоило — камеры везде, над парком тоже. Я повернул кепку козырьком назад и глянул исподлобья туда, где в путанице ветвей висела полная луна. Ветрено. На сияющий лик наползло ночное мрачное облако. Я поёжился. Шёл, шаркая ногами по опавшей листве, Ника жалась к моему плечу, придерживала рукой, поглядывая искоса. Луна…

«Мы же в Нижнем Городе! — подумал я, холодея. — Какая к чёрту луна?!»

— Вот скамейка, — сказала моя заботливая подруга и усадила меня. — К сожалению, луны здесь не бывает. А то бы я сюда ночевать ходила. Луну люблю очень. Представляешь, осень, полнолуние, ветки голые, тёмные аллеи, ветер. Красота! Холодновато только.

Я помотал головой. Наваждение просто. Никакого ночного неба над нами, конечно, не было. Плита перекрытия, подсвеченная по-вечернему тускло. И ветра тоже не было. Почудилось. Мне захотелось разлечься на скамейке и запрокинуть голову, но я только вытянул ноги и сунул руки в карманы. И впрямь не жарко. Милая моя зябко жалась ко мне, я чувствовал на плече тяжесть её головы, и думать не хотелось вовсе. Но не вечно же нам сидеть на этой скамейке! Если бы я мог подключиться к Сети, поискать гостиницу, поменьше только, чтобы расплатиться наличными. Чиповник какой-нибудь вроде того, о котором рассказывал папик. Приют командированных. Как он тогда

говорил? Сосиски в тачке? Макароны в пачке? Черви в почке? Нет, сельди в бочке. Что ещё за сельди, почему в бочке? «Андрюха! — говорит. — Штабелями, — говорит, — лежали там. Точно, — говорит, — пчелиные соты, потому и называется так. Соточка. Знаешь, — говорит, — как вышло, что они так его назвали? Вот, — говорит, — слушай сюда, Андрюха, как было дело. Их директор заказал одному моему однокашнику… Рекламист он, как и я, ты понял, Андрюха? Так вот, заказал он ему корпоративный стиль. И название, значит, тоже чтоб придумал. И вот, Андрюха… Андрей! Проснись!»

— Анд-дрей, п-проснись же!

Я вздрогнул. Нет, не сидел против меня за садовым нашим столиком папик, да и столика никакого не было.

— Д-дрю, т-ты с-слышишь?

— Чего ты трясёшься? — спросил я Нику спросонок.

— Х-хол-лодно, — пояснила она. — П-пойдём куда-нибудь, а? Т-ты смо-можешь?

Я встряхнулся, пришёл в себя. Она права, нужно идти.

— П-п-придумал, куда? — спрашивала окоченевшая моя подруга, отплясывая у лавочки смешной танец.

— Да, — выдохнул я, поднимаясь. Обхватил её, прижал к себе и повёл наискосок через парк, к центру города. На ходу думал: «Говорил тебе, надо было брать беговой костюм. Штаны, кроссовки, свитер. Придумала — в октябре с голыми ногами. Отогревай теперь тебя. И встречные пялятся».

— А тебе если не нравится, можешь не отогревать, сама согреюсь, — обиженно ворчала Ника, пытаясь вывернуться, но я удержал. — Пусть октябрь, пусть пялятся. Не так они ещё пялились, когда ты задрых. Если бы не заснул прямо на скамейке, давно бы уже были… Дрю, а куда мы так несёмся?

— В «Соточку», — ответил я, на этот раз не обратив внимания на странное обстоятельство — девушка, влекомая мною по тёмной аллее старого парка, отвечала на колкости, которые я не рискнул произнести вслух.

— Это название отеля, да? Смешное. А сколько звёзд? Дрю, а почему он так называется?

— Семь звёзд, — брякнул я ради хохмы, а про себя подумал: «В знаменателе. И то ещё не известно, есть ли у них право на седьмую часть самой захудалой звёздочки».

Подруга моя приуныла. Я подумал, что высказался о статусе «Соточки» слишком пафосно, и решил поправить дело.

— А назвали его так вот почему, — проговорил я, удерживая порыв моей подруги свернуть не в ту сторону на перекрёстке, и стал рассказывать отцовский анекдот о названии славного приюта

командированных.

История эта достойна пересказа. Гостиницу строили как раз в то время, когда над центром Нижнего Города заканчивали перекрытие. В Город толпами мотались командированные — строительных подрядчиков инженеры. Бабок, чтоб прожить, им выделяли негусто, потому возник невразумительный спрос на дешёвые гостиничные номера. Жучки, скупившие трущобы в центре Нижнего, быстро прикинули штекер к розетке и стали набивать эти развалины сотовыми номерами. Это совсем простая штука: представьте себе соты вроде пчелиных, но такого размера, чтоб в каждой мог поместиться лёжа взрослый толстый мужик ростом в два с половиной метра. Представили? Нет, в каждом таком номере, конечно, был свет, видео, вентиляция работала, иногда даже кондишн. Позже туда Сеть провели, тогда же появились номера специально для чипанутых. Кое-кто из хозяев ночлежек попытался устраивать двуспальные номера полулюкс и даже трёхспальные люксы, но это не принесло барышей, потому как всё равно ушлые строители Верхнего снимали односпальные ячейки и отдыхали в них втроём. Отелей для чипанутых становилось всё больше, одно время центр Нижнего был ими застроен, тогда и появилось слово — чиповники. Перед владельцами чиповников в полный рост встала проблема — как привлечь полежальцев. Чего только не придумывали, как только ни называли свои хоромы. Появились «Пчёлки» и «Мёдиторий», «Затворники» и «Эгоисты»; короче, маркетологам всё труднее стало выдумывать хоромам новые имена. Так вот, один особо удачливый гостиничный жучок скупил несколько заведений и решил придумать для них общее название, да такое, чтоб с первого прочтения приготовило любого командированного к погрузке в номер. С ног чтоб валило. Отца моего приятель как раз устроился к нему рекламистом. Он (приятель папика) был тогда молод, идеи били из него мощным фонтаном. Начал он со звучного имени «Сексгогон». К сожалению, полежальцы латынью не владели, название вызывало у них ненужные ассоциации. Народ в отель повалил толпами, но, узнав, что секс не входит в перечень бесплатных услуг, уходил неудовлетворённым. Прямиком в лапы конкурентов. Злые языки стали поговаривать о почтенном заведении: «Нету там секса-то, один гон». Хозяин устроил своему рекламисту то, чего недополучили полежальцы, и тот в припадке воодушевления придумал гостиничной сети новую кличку — «Hotel Co». К сожалению, с английским произношением у полежальцев дела обстояли ещё хуже, чем с латынью, им было проще называть гостиницу «хотелкой». Злые языки быстро переделали «хотелку» в «давалку», «спалку» и «вповалку», и

приятель моего отца имел новую приятную беседу с шефом. Он стал осторожнее. Ну скажите, как можно исковеркать звучное имя «Cell Co»? Несчастный рекламист думал, что никак. Я не стану говорить вам, что сделали неутомимые злые языки с этим названием, сами догадывайтесь. Вывески не провисели и трёх дней. Рекламисту был дан последний шанс, и на этот раз уж он сработал без промаха. Название «Соточка» закрепилось за гостиничной сетью, обеспечило ей оглушительный успех и процветание. Нежное, звучное, а главное — информативное имя. Прочтёшь и сразу понятно, сколько платить за ночь.

Давно уже разорились подрядчики, строившие перекрытие Верхнего Города, погибли, не выдержав оттока полежальцев, почти все чиповники, но «Соточка» выжила. Она и теперь ещё существует, хоть лучшие ночи для неё уже прошли.

Ника согрелась от быстрой ходьбы и хохота.

— Повтори-ка, как они его называ… ха-ха! О-о! Я не могу, Дрю, ну нельзя же так! Пошля… ха-ха! Пошлятина какая, фу!.. Больше мне такого не рассказывай. Нет, ну надо же…

— Тихо! — попросил я. Мы как раз поворачивали на Третью Круговую. Народу было немного, однако на углу чуть не влипли в какого-то чип-модифицированного недотёпу. Я успел увернуться, но едва не боднул его в лоб. Вроде бы ерунда, правда? Не совсем. В секунду всё вокруг изменилось. Пустынная улица осветилась огнями, пламенно вспыхнули вывески, гигантская звёздная надпись «Dream over the world!» перечеркнула небосвод наискось, на меня обрушилась волна симфомузыки и шквал запахов, но не это меня испугало. На короткий миг я увидел под ногами ковёр из лепестков лилий и почуял запах Далилы. Наваждение прошло тут же, но у меня перехватило дыхание. Я глядел, как раскачивается на ходу косица чипанутого прохожего, и пытался понять: опять почудилось? Или… Я попробовал выбросить из головы второй вариант.

— Что? Нет, Дрю, я не то хотела сказать. Мне рассказ понравился. Андрей!

Я помотал головой, сказал: «Всё в порядке, просто померещилось», и мы пошли дальше. Ника стала в благодарность за анекдот плести какую-то длинную историю о скулерах, но я слушал вполуха и посмеивался невпопад. Наваждение наваждением, но получилось же различить в запахе лилий знакомые примеси! Кое-что новое я тоже успел узнать. Слушая трескотню Ники, тщательно разобрал инфу и отделил её от рекламного мусора. Честно вам скажу, лучше бы всё это оказалось сном.

— Ника, — прервал я, — погоди.

Она готова была возмутиться, но, увидев моё лицо, передумала.

— На мне ошейника нет? — спросил я.

— Нет, конечно! Ты же сам снял, в парке ещё. Он в сумке.

— Проверь, — потребовал я.

Она ощупала мою шею, бормоча что-то о глупых шутках, полезла в сумку и продемонстрировала мне излучатель дримодема. И всё равно я не мог поверить. Привлек Нику к себе и зарылся носом в её волосы. И понял, что всё это, к несчастью, не сон. Реальной была свалившаяся на мою голову способность чуять излучение чипа модифицированных граждан, и, что ещё хуже, вполне реальным было выхваченное из новостной ленты сообщение. В нём говорилось о новом собственнике компании «Дримодем».

— Ну что ты, глупенький, — ворковала Ника. Она-то думала, что я просто изобрёл повод пристать к ней с нежностями. «Пусть так и думает пока что», — решил я, чмокнул Нику в лоб, и мы отправились дальше, благо впереди уже маячила реклама «Соточки» — изображение сотенной купюры, — откуда мне подмигивал неизвестный тип в странной одежде, должно быть, какой-то шоумен древности. Ехидный старец напоминал мне о необходимости обналичить немного денег. Я рассудил, что особого вреда не будет, если мои координаты узнают в заштатном банке, остановился у первого попавшегося банкомата, и тот отслюнил мне тощую стопку бабок. Глупо, не спорю. И счёт могли заблокировать, и меня поймать в момент, но нам повезло — новый владелец мэрской корпорации тогда был занят куда более серьёзными делами, чем охота за каким-то Нетребкой. Это развлечение он оставил на сладкое, справедливо считая, что никуда мне с глобуса не деться.

Ника наотрез отказалась поселиться в разные номера. Тогда я решил, что милая моя просто боится. Теперь не знаю даже, что и думать. Не хочется верить в такую дальновидность и такое коварство, Ника человек честный и прямой. Интуиция сработала, так я считаю. Как бы там ни было, но в душ она отправилась без конвоя и пробыла там долго. Я вернулся в номер часика на пол раньше неё, кое-как запихал наши шмотки в малюсенький ящик, настроил в чёртовом саркофаге человеческую температуру и стал задрёмывать, но, услышав, как Ника шаркает своими теннисными туфлями по кафельной плитке коридора, высунул голову наружу.

— А, вот ты где! — обрадовалась она. — Я уже собиралась стучать во все подряд.

— И достучалась бы, — буркнул я, оглядывая её фигурку в

халате.

— Может, ты поможешь даме вскарабкаться?

Я молча протянул руку.

Оказывается, помощь была нужна не самой даме, а её туфлям. Они были отправлены на покой одна за другой, а дама, пока я пытался закрыть дурацкий ящик для вещей, вошла самостоятельно, хоть и не без затруднений.

— Тесно как! Не понимаю, Дрю, как тут могут поместиться три человека; скажи, что ты врал. Здесь и для меня одной… Тут второй подушки нет? Слушай, почему так жарко? Это гостиничный номер или микроволновая печь? Дрю, подвинься. Нет, весь можешь не двигаться, локоть убери. Не локоть? А что?

Я повернулся на другой бок и прижался к ней спиной. Спать хотелось зверски, аж в голове мутилось; временами я проваливался в дремоту, как будто нырял с головой в тёплую воду.

— Дрю, мне кажется, можно уже выключить свет. Да? Ты не против? Как бы это сделать? Ага, я поняла. Нет, это не та, это вентилятор. А это? Видео. Фу, как громко! А это? Часы. О, здорово. Очень удобно, правда? Я поставлю будильник на семь часов, хорошо? Где же свет выключается? Все кнопки кончились. Андрей, где здесь?..

— Там, — сказал я, вынырнув из дрёмы в очередной раз. Перед глазами была ещё парковая дорожка и голые ветви, а вместо плафона светильника — луна.

— А!

Ника выключила свет и стала возиться, умащиваясь. Мне было хорошо. Голова больше не болела, шея тоже, спину грело живое тепло, мне чудилось, что мы с Никой в лодке, которую раскачивает на ленивой высокой волне. Я задремал снова, потом вздрогнул во сне — приснилось, что лодка толкнулась носом в берег. Голос Ники в темноте говорил тихонько:

— Такой у нас был дом над рекой. Слышишь, Андрей? Очень далеко от города, там одни фермеры живут. Мать учила фермерских детей, отец работал кодером на какую-то фирму. А я… Да, там красиво, лес, река и всё такое, но глушь, тоска. Зимой снегу по пояс, летом жарко.

«Да, жарко, солнце спину греет», — подумал я, просеивая между пальцами тёплый речной песок, затем глянул на ближний холм, на плече которого дом под полосатой серой крышей. Веранда. С неё вид на реку и лес. На веранде женщина. Машет мне. Я попробовал подняться и проснулся. Это сон, дрёма. Я спал, Ника рассказывала:

— Ни у кого из соседей не было Сети, только у нас, и отец всё

время ругался, что канал узкий, невозможно работать. Однажды он получил большой заказ и, чтоб не мучиться с нашим узким каналом, поехал на время в город. Я потом только узнала, какой это был заказ — прошивка для смел-чипа. Мэрия этим делом очень интересовалась, особенно господин Палинский. Но он тогда ещё мэром не был. И ясно теперь, зачем ему понадобилось убедить отца вживить себе чип. Понимаешь, Дрю…

Всё я, конечно, понимал. Теперь трудно разобраться, что мне было известно раньше, что рассказала мне той ночью Ника, а что я увидел во сне, околдованный её голосом и запахом её волос. Отец Ники вживил себе смел-чип одним из первых. Возможно, он поймался на обычную мэрскую наживку. Вы прекрасно знаете, о чём я. «Тем, кто испробует на себе, — бесплатно», — так всегда заманивали в мышеловку доверчивых простаков, так их ловят сейчас и будут ловить во веки веков, ресет. Отец Ники домой не вернулся. Мать отправилась в город на розыски и тоже не вернулась. Неизвестно, муж ли убедил жену модифицироваться, или она сама решила сделать это, отчаявшись достучаться до сознания своего благоверного из реального мира, но Ника осталась одна. Чип-модифицированные граждане, ставшие функционерами мэрской партии, не интересовались судьбой естетов. Две недели спустя государственный ювенильный исполнитель забрал оголодавшую девочку из дому и отвёз в интернат для айдиотов. Дом на склоне холма был продан, а деньги пошли на благое дело — привлечение новых овец в мэрское стадо в преддверии выборов. Формально Ника не была сиротой, её родители живы и теперь, но я никогда их не видел, да и не хотел бы видеть, особенно отца. Человек я спокойный, но могу не справиться с желанием дать кому-нибудь в морду.

Я видел всё это так же, как вижу вас. Опустевший дом, голые ветви садовых деревьев, полную луну и бегущие по небу ночные облака. И отражение худенькой девочки в большом тяжёлом зеркале прихожей. Глаза её.

Потом был интернат. Там, в реалскуле Ника познакомилась с Бенито. Общность интересов, понимаете? Он кричал на всех углах, что ненавидит мэра и его чипанутую партию, туманно и очень красиво рассказывал о борьбе. И Ника слушала, развесив уши, до тех пор, пока Бенито не сболтнул в пылу пустяковой размолвки, что он не обычный какой-нибудь айдиот, а сын Самого Его, хоть и внебрачный. Врал Беня или нет, Ника выяснять не стала.

Это я тоже видел. Зеркало с трещиной в интернатской умывальной комнате, и в нём — искажённое гримасой отвращения лицо моей милой. Мне хотелось быть рядом, а ещё

лучше — забрать её оттуда. Я так и сделал, но вот это уж точно случилось во сне. Мне вообще снились той ночью странные сны. Последний помню очень хорошо.

В этом сне у меня было две пары ног и две пары рук. Я лежал в мягчайшей куче опавшей листвы, такой большой, будто в ней были собраны все золотые и багровые листья мира. Небо надо мной сияло живой синевой, но почему-то вместо солнца в нём царила полная луна. От листвы пахло не сухой, тёртой в порошок смертью, нет. Я вдохнул жизнь и рассмеялся от счастья, обнимая себя двумя парами рук, но в ту секунду, когда мне показалось, будто я знаю рецепт своего счастья, небо расколол гром, и всё исчезло. Я услышал:

— …часов утра по времени Нижнего Города, вы смотрите экстренный выпуск новостей.

Глава десятая

Мне всё ещё казалось, что у меня две пары ног и рук. На левом плече — тяжесть. В ушах звенело от навязчивой музыки и дикторских выкриков: «Экстренный выпуск новостей. Паника на фондовой бирже. Беспрецедентная атака хакеров. Устоит ли Сеть? Мнение эксперта. У нас в студии…»

Шевелиться не хотелось, но я чуть приподнял голову. На моём плече покоилась голова Ники. Засыпали мы спина к спине, это я помнил твёрдо, причём, как мне показалось, Ника ворчала, мол, я жёсткий, угловатый и неудобный. Теперь, обхватив меня, она почему-то никакого неудобства не ощущала — дрыхла себе, не обращая никакого внимания на пронзительный ор диктора. И это при том, что будильник на семь утра поставила именно она.

— Вчера, около полуночи, пресс-центр известной медиакорпорации «Дримодем» распространил неожиданное сообщение, вызвавшее переполох на бирже.

Я осторожно пошевелил затёкшей рукой, стараясь не потревожить спящую мою красавицу. Ника ни в чём не знает меры, уж если обнимет, так обнимет, сложно определить, где кончаюсь я и начинается она. Может, кому-нибудь это показалось бы чересчур, а мне так в самый раз, хоть и жарковато.

— Информация, полученная из проверенных источников, пожелавших остаться неизвестными, — не унимался диктор, — заставляет предположить, что произошла внезапная и необъяснимая с политической точки зрения реорганизация компании. Господин Палинский категорически отказался прокомментировать распространённое нынешней ночью некоторыми информационными агентствами скандальное сообщение…

— М-м? — спросила Ника. Плечо моё освободилось от тяжести, по шее щекотно прошлись кончики волос. «Чёртово мэрское имя разбудило её всё-таки», — подумал я с сожалением. Новость о смене владельца корпорации не была для меня новостью, имя нового собственника диктор не сообщал, но я-то знал, чьи ушки торчат из-за кулис.

— Можно сделать тише, но до клавиш не дотянуться, — предложил я заспанной своей подруге.

— Н-не, — ответила она и снова прилегла, прильнув щекой к моей груди. И хорошо сделала. Оказывается, приятно быть существом с двумя парами ног и рук.

А разбитной реал-ведущий всё распинался о панике на бирже и резком падении курса акций корпорации «Дримодем». За

падением последовала коррекция, инициированная выходом на рынок неизвестной финансовой группы, к исходу ночи наметилась тенденция к устойчивому росту. Такие и сякие эксперты едины во мнении, что загадочная финансовая группа представляет нового собственника мегакорпорации, но расходятся в прогнозах относительно политики руководства…

— Что произошло? — спросила Ника, перебравшись поближе к моему уху. — Зачем это Его Мэрству?

— Его Мэрство, похоже, никто не спрашивал. Мэрство господина Палинского подходит к концу, если я не ошибаюсь. Может, его и оставят, но только лишь в роли куклы. Погоди, дай послушать.

— Приходится только догадываться, — недоумевал ведущий, — зачем медиакорпорации понадобилось заключать с фирмой «Нирванна» контракт на поставку оборудования, полный объём которого не разглашается. Пресс-секретарь этого всемирно известного изготовителя нирванн намекнул, что для исполнения контракта потребуется полная загрузка производственных мощностей. Похоже, после открытия торговой сессии нас ожидает…

— Ничего не понимаю, — проговорила Ника и к величайшему моему неудовольствию лишила меня одной пары ног и одной пары рук. Только голову на плече оставила. Можно подумать, лицезрение физиономии реал-ведущего могло развеять её сомнения.

— Действительно, Дрю, зачем им нирванны?

— Чтобы отдыхать от трудов праведных, — буркнул я.

— Как странно! Папа так и говорил — отдыхать от трудов праведных. Я разве рассказывала тебе?

— Погоди же!

Из-за неё пропустил начало нового новостного блока. В нём говорилось о хакерской атаке, случившейся сразу же после закрытия торговой сессии. Массированная атака, говорилось в сообщении, в результате которой некоторое время доступ ко всем доменным полям Сети был практически невозможен. Теоретически, говорил эксперт, такая атака не могла состояться, поскольку для её осуществления нужна альтернативная сеть, мощность которой превышала бы совокупные ресурсы Сети.

— Она состоялась или нет?! — возмутилась Ника.

— Да.

— Так что же он говорит?

— Он не понимает.

— А ты понимаешь, — Ника повернула ко мне личико.

— Да, — ответил я, не желая препираться. Нельзя сказать, что

уразумел всё, некоторых кусочков мозаики не хватало до цельной картины, но главное я понял. Не знал только, что мне с этим пониманием делать.

«Мне нужно с ним поговорить», — подумал я.

— С кем? С мэром? — удивилась Ника. — Слушай, Дрю, а как это ты ухитряешься разговаривать, не открывая рта? Ты чревовещатель?

— С господином Палинским нам говорить не о чем, — отозвался я сухо. Упоминание о чревовещании вернуло меня к действительности. Так вдруг есть захотелось, что смысл последнего вопроса моей любознательной подруги сначала ускользнул от меня.

— Почему не о чем? — тут же осведомилась она, поворачиваясь на бок и подпирая голову рукой.

— Он политический труп. Его пришибли его же собственной палкой. Теперь он пожинает злонравия достойные плоды, — ответил я, параллельно думая: «Что я несу? Это не чревовещание, это другое».

— Андрей! — возбуждённо пискнула Ника. — Откуда ты… Это мама моя так говорила — злонравия достойные плоды! Я не рассказывала! И разговариваешь ты странно. Что-то случилось. Это из-за вчерашнего? Да?

Я и сам уже понял. Последействие, только другого рода. Не было печали.

— После разберёмся, — сказал я, чтобы прекратить расспросы, потянулся и выключил видео. В новостных службах вечно всё коверкают, нужно было обратиться к первоисточнику, и я знал, с кем хочу встретиться для начала.

Пока мы не выбрались из сотового номера, я чувствовал себя вполне защищенным. Такое, знаете, чувство, будто вас в нановату завернули с ног до головы. Но мир навалился на меня сразу, как только мы вылезли наружу. Нет, вру. Не мир, мираж мира. Ника была права: что-то случилось со мной. Пока оставался в помещении, ещё ничего, можно было терпеть — ерунда, просто беспричинный страх. Но когда мы вышли на Третью Круговую, мираж нахлынул, поразив все органы чувств одновременно. Мне мерещились рекламные баннеры, которых не было, призраки промоутеров бросались ко мне со всех сторон, над головой повисло призрачное негреющее солнце, похожее на рекламу компании «Апельсинко», вместо облаков по неестественно синему небу плыли скопления тэгов.

— Андрей, прекрати! — потребовала Ника, когда я в очередной раз толкнул её, избегая встречи с настырным

промоутером, похожим на небольшого игуанодона. «Хотел бы я прекратить», — огрызнулся я мысленно; и очень хорошо, что на этот раз милая моя не уловила моей мысли. Благодушное настроение слетело с неё мигом, как только мы оказались на улице.

Я закрыл глаза, но мираж не пропал. Наоборот, проступил из тьмы, стал чётким, осязаемо реальным, но в нём не было Ники.

— Что это ты придумал? — недовольно спросила меня пустота её голосом.

— К несчастью, не придумал, — буркнул я и открыл глаза. Мне захотелось проверить, совпадает ли мой мираж со слоем инфо, и, думаю, я попробовал это сделать. Несколько секунд напрочь выпали из памяти, очнулся я от крика.

Ника смотрела на меня с ужасом. Я тянул за ручку сумки, в которой были наши шмотки, вторую ручку Ника удерживала обеими руками.

— Что я делаю? — спросил я вслух.

— Пы… пытаешься отобрать, — пробормотала испуганно девушка. Но я и сам уже понял. От желания войти в Сеть мне снесло крышу. Тогда я выпустил сумку, сунул руки в карманы и сказал:

— Извини. Держись-ка от меня подальше и не отдавай дримодем.

Думаете, она послушалась? Плохо же вы знаете Нику. Она повесила сумку на другое плечо, взяла меня под руку, и мы пошли дальше. Когда она была близко, миражи не так мучили меня, кроме того, я теперь старался не закрывать глаза. Покосившись на Нику — губы сжаты, глаза прищурены, — подумал: «Она потеряла однажды, больше не хочет. И я не хочу её терять. Но как же нам жить в мире, где повсюду Сеть? Ведь не получится же навсегда запереться в бочку. Покрытие есть везде».

— Не везде, — отозвалась Ника. — В фермерских районах нет. У нас дома не было.

— Ты говорила, что Сеть у вас была.

— Провод, — коротко ответила Ника.

«Вообще-то неплохо было бы, — подумал я, разглядывая бледный призрак солнца, — бежать туда. Поселиться в доме на холме».

— Он продан, — напомнила моя практичная подруга. — Куда теперь, Дрю? Направо?

Я не ответил, просто свернул на Четвёртую Радиальную, думая: «В голове мутится. Это из-за миражей».

— Это у тебя от голода, — заявила Ника. — Поесть не мешало бы. Мне худеть не вредно, но во всём нужно знать меру.

«Незачем тебе худеть, — возразил я. — И мне тоже это ни к чему. Глядишь, и правда, полегче станет справляться с призраками на полный желудок. Вон какая-то забегаловка. Страшная, но с голодухи и такая сойдёт».

Мы перешли на другую сторону. Рассматривая вход в заведение, я непроизвольно закрыл глаза, и во мраке проступил великолепный деревянный фасад в виде терема. На вывеске было красным по жёлтому выведено «Е-блинчики». Я поспешно открыл глаза. В реале закусочная называлась «Блинчики», и фасад её напоминал не терем, а вход в бомбоубежище после окончания активных боевых действий. Я такое видел в заставке к одной игрухе — «Апокалипсис 2086» называется, играли в такую? Жуть.

Внутри ресторан быстрого питания выглядел не хуже, чем снаружи, и устроен был демократично. По левую руку — отделение для чип-модифицированных граждан с фудопроводом, чип-поваром и удобными креслами для полулежания, к которым с потолка свешивались фуд-терминалы, похожие на глянцевых чёрных удавов. Почти все они были свободны.

Туда мы не пошли, повернули направо, к стойке естетского отделения. Я сунул в краснодиодный зев дроида-официанта сотню, Ника нетерпеливо пощёлкала по светящейся груди автомата ноготком, выбирая себе завтрак, и глянула на меня вопросительно.

— То же самое, но вдвое больше, — попросил я, дождался, пока будет нажата клавиша «заказать», и напомнил дроиду о сдаче. Тот пренебрежительно крякнул и выплюнул лоток с кучей мелочи. Я выгреб всё. Ну ни малейшего желания не возникло баловать блинную чаевыми.

Мы сели за угловой столик, слегка побеспокоив чопорную даму офисного вида, высокомерно вкушавшую кофе. Дама постаралась не заметить нас, что было, в общем-то, непросто, поскольку кроме нас и неё в крохотном естетском зальчике не было ни души.

Когда мы устроились, Ника Нэйм забарабанила по столешнице пальцами, голодно поглядывая на уснувшего дроида.

— …небывалая акция, — заговорила столешница бархатным голосом реал-ведущего. Ника отдёрнула руку, заметив, что стучит прямо по гладковыбритой благообразной физиономии. Ведущий одарил её улыбкой и продолжил:

— Памятуя о прошлогоднем скандале с чип-турами на Пандору, мы дали нашему корреспонденту задание проверить достоверность информации, распространённой пресс-службой компании «Дримодем». Сейчас наш специальный корреспондент находится в «Гипермаркете-3», даю прямое включение.

— Ай! — вскрикнула Ника. Из столешницы к ней тянул руки чистокожий, изображение метнулось в сторону, должно быть, оператор успел отскочить. Теперь мимо него валила толпа, и, судя по тому, как дёргалось изображение, оператора толкали со всех сторон. «Уо-о!» — ревели чип-модифицированные граждане и слепо пёрли куда-то, давя друг друга. Хуже всего было тем, кого толпа прижимала к стене, но и остальным приходилось несладко.

«Предупреждать надо! А если б я всё это получил прямо в мозг? На ногах бы не удержался. Куда они ломятся? Что ещё за акция?»

— Как видите, — вещал за кадром ведущий, — информация подтвердилась. Корпорация «Дримодем» действительно предоставляет дримодемы бесплатно всем желающим, независимо от типа чипа. По нашим данным, естеты тоже могут участвовать в акции, если подпишут годовой контракт на дримобеспечение.

— Выключи, — потребовала Ника.

— Он не выключается. Будет работать, пока мы не уйдём.

— Давай пересядем.

Мы пересели за соседний стол, но и там был слышен рёв толпы чипанутых, рвущихся к осуществлению мечты, и бодрый тенор реал-ведущего: «Мы не верили, но факты — упрямая вещь. Наш корреспондент только что стал обладателем бесплатного дримодема, и сейчас мы узнаем, действительно ли… Да! В коробке действительно дримодем. Вы сами сейчас его увидите. Кроме него наш корреспондент получил один бесплатный дрим и… Что это? Пятидесятипроцентную скидку на установку нирванны! Что вы теперь на это скажете? Это не мечты, это реальность! Я вынужден прервать репортаж, потому что… Кто, чёрт возьми, вырубил свет? Что творится в студии? Миша, выключи…» Потом оставленный нами стол заиграл музычку и запел голосом Игэр Триэкс об исполнении мечты.

Меня толкнули под локоть. Сервотележка привезла наш заказ.

— Куда нам столько? — удивился я, переставляя тарелки на стол одну за другой.

— Ты сам просил то же, что взяла себе я, только вдвое больше, — огрызнулась Ника.

«Но я даже подумать не мог, что ты такая…»

— Какая? — с вызовом спросила моя изголодавшаяся подруга.

— Заботливая, — поспешно соврал я. — Не знаю, как я с этим всем справлюсь.

— И я тоже, — погрустнела Ника. — После таких новостей

кусок в горло не полезет.

«Ты моя мечта, — сладострастно стонал соседний столик. — Я твоя надежда».

— Без верхней одежды, — съязвила Ника, уныло окуная блинчик с мясом в сметану. Я тоже принялся за еду, с удовольствием посматривая, как ест моя милая. Может, кусок и не лез ей в рот, не знаю, мне кажется, она не откусывала. Отправляла блинчики в рот целиком, иногда вытирая с подбородка излишки сметаны салфеткой. Когда её порция кончилась, она без лишних слов стала таскать блинчики из моей тарелки. Хорошая штука — блинчики с мясом. Если станут вас одолевать призраки, закажите себе двойную порцию и не забудьте взять сметаны. Прекрасное средство, на себе проверил.

— Куда теперь? — бодро спросила Ника, когда мы снова оказались на улице.

Я помолчал, прислушиваясь к себе. Не знаю, в чём тут дело, но после плотного завтрака миражи перестали беспокоить меня, осталось только чувство, будто за нами отовсюду следят. Поганое, между прочим, ощущение.

— Дрю, ты не хочешь говорить?

— Не о чем говорить, мы почти пришли. Сама всё увидишь. Только не встревай в разговор без нужды, — сказал я, завидев знакомую дверь издали.

«Надеюсь, на этот раз звонок сработает, — подумал я, остановившись у двери юридической конторы Кэтчера. — Вот только вряд ли он обрадуется нам в начале девятого».

Напрасно я беспокоился, звонок работал, и Кэтчер уже не спал. Судя по глазам, он вообще не спал в ту ночь.

— Ты без предупреждения, мой мальчик? — спросил он, распахивая передо мною дверь. — О, простите!

— Ничего, — милостиво молвила Ника, потирая лоб. Не успела увернуться от двери.

— Заходите быстрее, не торчи… Я хотел сказать, не стойте на пороге. Тебя, кажется, зовут Эндрю? Нет?

— Да.

— Мог бы и предупредить… о том, что будешь с дамой.

— Ника Нэйм, — представил я. — Ника, это Кэтчер. Он мой юрист.

— Кажется, к юристам можно обращаться без предупреждения, — заметила, разглядывая диковинный кабинет, Ника. Дым там не столбом стоял, а лежал слоями.

— Не всегда, мисс Нэйм, не всегда, — Кэтчер подмигнул. — Разные бывают у юристов обстоятельства. Вам повезло, ещё полчаса — и вы бы меня не застали.

— Терминал у вас точно такой, какой был у моего отца, — сказала Ника. — Вы уезжаете? Срочный вызов?

— Кэтчер! — вмешался я. — Ты пробовал эту штуку?!

В углу комнаты, прямо на паркетном полу валялась коробка от дримодема.

— Пробовал, но не на себе, — Кэтчер хихикнул. — Послушай, Эндрю, у меня очень мало времени. Мисс Нэйм права, я уезжаю. Но только это не срочный вызов. Я сматываю удочки. Не смотри на меня так, мальчик. Можешь называть это как хочешь. Бегу, даю дёру и смазываю лыжи. Если я ещё могу тебе чем-нибудь помочь…

— Не ты мне, а я тебе могу помочь, — я указал Нике на единственное кресло для посетителей, а сам присел на краешек стола. Поймите меня правильно, мне нужно было разговорить его любой ценой. Знал я много, но кое-что оставалось загадкой. Я рассчитывал заставить Кэтчера открыть карты.

Он замер посреди комнаты, помаргивая глазками, уголок его тонкогубого рта пополз вниз. Пару секунд мы с ним смотрели друг на друга, и мне показалось — он сейчас пошлёт меня куда подальше, но пронесло. На губах Кэтчера вновь расцвела улыбка, он уселся в своё кресло, проговорив что-то вроде: «Ладно мальчик, отсчёт ещё не пущен». Вид у него был безмятежный, но я понял: Кэтчер боится и, как и я сам, кое-чего не понимает.

— Все мы иногда нуждаемся в помощи, правда, мисс Нэйм? — спросил он, внимательно изучая при этом моё лицо. — Я вот не так давно помог вашему приятелю. Как говорится, услуга за услугу.

— Все мы иногда нуждаемся в бескорыстной помощи, — брякнула Ника.

— Да. И я как все. Чем же ты можешь помочь мне, Эндрю?

— Ты помнишь нашу прошлую встречу? Я как раз пробовал дримодем на себе, — небрежно спросил я, наблюдая за его реакцией.

Он помнил, но не придавал значения. Однако теперь ему в голову пришла новая мысль, и мне опять показалось, что он пошлёт меня куда подальше.

— Нет, Кэтчер, — поспешил я успокоить его. — Я не успел втянуться, зато кое-что знаю теперь о её планах.

— Ты говоришь загадками, мой мальчик. У Системы не может быть планов. Она просто существует, и всё.

Я чуть не расхохотался ему в лицо. Он вообще ничего не понимал; думал, всё ещё имеет дело с Системой. Слепец.

— Нет больше Системы, Кэтчер. Она не просто существует, она мыслит.

— Кто «она»?

«Это уже ближе к сути дела», — подумалось мне мельком. Вслух я сказал:

— Дриммастер. Слыхал такое слово? Система теперь не более чем мостик между мозгами дриммастера и его рабов. Этой ночью она захватила дримцентр, обеспечила себе контрольный пакет в корпорации и сместила мэра.

— Господин Палинский только что выступал с обычной предвыборной болтовнёй, — возразил Кэтчер. — Ты думаешь, это был фантом?

— Нет, не фантом. Тебе показали куклу. Тот, у кого не хватает сил сделаться дриммастером, становится его рабом, мэр — не исключение.

— Мастер и слэйв, — пробормотал Кэтчер. На него было жалко смотреть. Взгляд его опустел, потом на донышке глаз мелькнул страх.

— А ты сам? — спросил он, глядя на меня исподлобья.

— Я ни то ни сё. Мне повезло. Когда имел с ней дело, у неё ещё не было слэйвов. Мы общались лично — мой мозг против её мозга, только и всего. Потом она попыталась прихлопнуть меня, решила, что это удалось, а позже ей стало и вовсе не до меня. Слишком была занята ростом. Сковырнула мэра, проглотила корпорацию, по ходу дела присоединяя слэйвов десятками, а сегодня утром, когда стартовала рекламная кампания, счёт подчинённых мозгов пойдёт на сотни тысяч. Гипермозг. Скоро ей потребуется расширить коммуникации.

— Коммуникации, — повторил Кэтчер. Он о чём-то напряжённо думал. Я следил за ним внимательно и решил, что настало время атаковать.

— Ночной хак — твоя работа? — небрежно спросил я.

Атака удалась, он стал оправдываться:

— Я же не знал! Так удачно получилось, даже не ожидал, больше трёх секунд лежала Сеть! Я подсунул под излучатель дримодема эмулятор мозга, прошёл фильтры дримцентра, пустил в Сеть червей… Эндрю, тут что-то не так! Она не сопротивлялась! Хак сработал, я знаю! Больше трёх секунд…

Тут он замолчал. Кажется, до него дошло.

— Да, — сказал я ему. — Она запудрила тебе мозги. Присоединила к себе твоих вормов и после использовала их, только в своих целях. Ты хотел свалить мэра? Скажи ей спасибо, она сделала это за тебя. Ты помог ей. Но можешь не переживать, она и без тебя могла справиться. И на благодарность я бы на твоём месте не рассчитывал. Всё, что она не может поглотить, она уничтожает, и до тебя доберётся тоже.

— Чёрта с два! — Кэтчер окрысился. Мне ещё не приходилось видеть его в таком состоянии, я крепко задел его за живое, к чему, собственно, и стремился. — Чёрта с два! Есть и на неё управа! Коммуникации расширять? Будут ей коммуникации. Мозги, говоришь? Она получит по всем мозгам сразу. Сейчас.

Он повернулся к терминалу.

— Погоди, Кэтчер, — остановил я его. — Что ты собираешься делать?

Он открыл было рот, потом осёкся, глянул на меня с прищуром и тут же перевёл взгляд на Нику. И спросил после короткого молчания:

— А откуда мне знать, что мисс Нэйм не слэйв? Или… Вдруг она и есть…

Похоже, его самого испугала мысль, что Ника может оказаться мастером.

— Глупости, — девушка поморщилась. — Вы видите на мне ошейник? Будь я слэйвом, давно бы нашла способ огреть вас чем-нибудь тяжёлым. Я никогда не бывала в Сети. И вообще, не понимаю, почему вы оба считаете, что Далила способна на подобные гадости.

— Ника! — прикрикнул я, а сам подумал: «Ведь просил же тебя, помолчи! Не нужно было говорить ему».

— Далила? — переспросил Кэтчер. — Вот как её зовут. Забавное совпадение. Впрочем, теперь уже всё равно. Вы проговорились, девушка. Будь на моём месте кто-нибудь другой, возможно, он попытался бы использовать информацию. Но я устал от всего этого. Со своими долгами я сейчас разделаюсь, а по чужим счетам платить что-то не хочется.

Я видел, в душе хозяина юридической конторы идёт борьба. Нужно было помочь одной из сторон, и я напомнил ему:

— Кэтчер, ты говорил о коммуникациях. Сказал: есть, мол, и на неё управа.

— Ну да, — спокойно ответил он. — Магистральный волновод мэрии минирован. Это сделал не я, а бывший хозяин моей лавочки. Думаю, парень был бы доволен, узнай он, что работа не пропала даром. Заряд заложен в колодец магистрали, это в Верхнем Городе. Взрыватель старый, с обычным электронным таймером, но отсчёт можно пустить и отсюда, я как раз собирался это сделать. Сейчас.

— Погоди, — я остановил его. — Нужно подумать.

«Перерезать коммуникации дримцентра — это мысль. Мастер потеряет связь с Сетью, слэйвы отпадут. На какое-то время Сеть освободится от монстра, но рано или поздно связь восстановят».

— Нет, это глупо. Ничего не даст.

— Почему? — вскинулся он.

Я слез со стола и подошёл к окну. Весь вид, как и прежде, заслоняли заросли кустов в рост человека, но листья опали, голые ветви выглядели беспомощно и больше не пугали меня. Никого страшнее меня самого в конторе Кэтчера не было. Я ответил, не поворачивая головы:

— Потому что после восстановления связи всё вернётся на круги своя. Далила умеет делать бэкап, Кэтчер. Она спрячет рожки в раковину, как улитка, а когда восстановят связь, опять подключит слэйвов. Одной пиротехникой с ней не справиться.

— Откуда ты знаешь, что она умеет, а что нет?

— Отсюда, — сказал я, повернувшись к нему и постукивая себя по лбу согнутым пальцем. — У Далилы не вышло сделать меня слэйвом, и, хоть я и не стал мастером, кое-какую пользу из общения с ней извлёк. Я твоя единственная надежда, Кэтчер, потому что знаю, как загнать монстра в угол.

Я знаю, о чём вы подумали. Вы правы, это был чистой воды блеф. Ничего я тогда ещё не знал точно, только предполагал. Кэтчер помаргивал, глядя на меня. Свет из окна мешал ему. Он колебался.

— У меня нет никакого желания гонять по углам монстров, — ответил он. — Я не хочу платить по чужим счетам.

— Зачем вам тогда взрывать магистраль? — неожиданно вмешалась Ника. — Бегите себе. Куда вы там собирались?

— Он боится, что не сможет сбежать, — ответил я за Кэтчера и затем обратился к нему: — Я правильно тебя понял, так ведь? Ты хотел пустить отсюда отсчёт и уехать, не дожидаясь взрыва, туда, где нет Сети. Думаешь, она не сможет разыскать владельца юридической фирмы? К твоему сведению, слэйвы, получив конкретное задание, могут работать и без покрытия. Они найдут Кэтчера, где бы он ни был.

Реакция юриста удивила меня.

— Найдут Кэтчера? — переспросил он и вдруг захохотал. — Конечно, найдут! Только я-то тут при чём?

Он подхватился с места, выскочил из комнаты и вернулся, держа в руках что-то вроде шара для боулинга, установленного на треногу. Торжественно водрузил его на стол, повернув странный прибор ко мне так, чтобы я оказался лицом к лицу с экраном, и провозгласил:

— Знакомьтесь, это Кэтчер, владелец юридической конторы.

«Вернее, эмулятор мозга с симульчипом Кэтчера».

— Ты хотел сказать, бывший владелец, — поправил я.

— Нет, Эндрю, хоть я и айдиот, но чужих личин не присваивал, как некоторые, — съязвил он. — Если и

проворачивал кое-какие делишки, то не собственной выгоды ради. Отдавал долги.

— Ему? — Я указал на шарик, украшавший собою стол.

— Нет, другому человеку. Но это моё личное дело, мой мальчик. Я должен взорвать магистраль, и я сделаю это, бэкап там или не бэкап. Сейчас.

— Погоди!

На этот раз Кэтчер не стал меня слушать. Поиграл клавишами своего дореволюционного терминала, с размаху засадил указательным пальцем в клавишу ввода и процедил сквозь зубы, скалясь:

— Всё, мерзавцы, молитесь, если умеете. Отсчёт пошёл. Я больше никому ничего не должен. Пусть кто-нибудь другой ловит айдиотов на краю обрыва. Эндрю, мой мальчик, я ухожу. Советую тебе смыться отсюда и прихватить даму. Мисс Нэйм, через два часа с минутами здесь станет небезопасно. Система узнает, что отсюда запустили взрывное устройство. Вы слышите меня, мисс? Вы сидите на краю обрыва и уже свесили в него ножки.

Ника глянула на свои ноги с большим удивлением, но мне не до объяснений было. Я и сам не понял, при чём здесь какой-то обрыв. Хотел спросить об этом у суетливого айдиота, но он скрылся с глаз. Впрочем, вернулся мгновенно, с портфелем в руке. По всему видать, загодя собрался в дорогу.

— Ты не понял, Эндрю? — спросил он, направляясь к двери. — Беги отсюда, пока цел. И прихвати девчонку.

— Я остаюсь.

— Вместо меня? Да ты герой, мой мальчик.

Лже-Кэтчер дурачился. Очевидно, пустив отсчёт, почувствовал себя свободным от обязательств. Но у меня тоже были долги, и я ответил серьёзно:

— Да, если ты не против. Только я хотел бы…

— Получить ключ от двери? Пожалуйста. Аккуратнее с замком, ему немало лет.

— Нет, я не то хотел спросить. Мне бы узнать имя твоего кредитора. Кто он? Чем занят? Почему играет против Системы?

— Не могу тебе сказать, потому что не знаю, — ответил Кэтчер, оставив на моей ладони ключ. — Если он захочет, сам тебя найдёт. Кто он? Консультант. Кажется, историк и киберлингвист. Специалист по древней технике и мёртвым языкам программирования. Мы с ним в университете встретились. Его пригласили разбирать листинги старых программ. Всё, Эндрю, я уже ушёл. Меня нет. Я свободен!

Он выскочил наружу с криком: «Свободен!» Глупо было бы пытаться удержать его, сто процентов, напоследок от восторга

ему слегка снесло крышу. Я выглянул на улицу, увидел его сутулую спину и представил, как он выглядит в слое инфо — призрачная фигурка без лица и отпечатков пальцев, фантом, лишённый имени. Мистер Никто.

Я захлопнул дверь и сунул ключ в карман.

— По-моему, он прав, — проговорила Ника, когда увидела, что я собираюсь поступить, как сказал, — остаться.

«Он был прав вчера, — с раздражением подумал я. Чёртов терминал не хотел просыпаться, хоть тресни. — Был прав, а теперь неправ. Всё переменилось, а он повёл себя как тупой бот. Он должен взорвать, видите ли! Из-за него у меня теперь нет выбора. Да что ж такое? Сломался он, что ли?!»

— Он выключен, — тихонько подсказала Ника, выбралась из кресла и подошла ко мне. — Я о терминале, не о Кэтчере. Почему у нас нет выбора?

— Ну, и как эти дрова включают? — мрачно осведомился я. Передать не могу, до чего не хотелось объясняться с Никой, но, похоже, с моими желаниями не собирались считаться. Достаточно было взглянуть на подбородок моей подруги, и сразу становилось понятно — настроена она решительно. Ника без слов потянулась через стол и нажала на круглую кнопку, которую я принял за неудачный изыск дизайнера. «Вот не знал, что милая моя — специалист по древней технике».

— Глупости. Я же говорила, у отца был такой же точно терминал. Почему ты не хочешь объяснить мне? Зачем нам оставаться? Почему мы не можем сбежать, как он? Уехать туда, где нет покрытия. Пусть дом на холме продан, мы устроимся как-нибудь. Хочешь? Поехали, а? Мы поедем? Андрей!

— Да, — ответил я, щёлкая непривычно тугими клавишами раритетной клавиатуры. — Мы поедем. Я хочу. Конечно, мы устроимся. Именно в доме на холме. Мы можем сбежать. Даже лучше, чем он. Но не теперь. Сейчас нам нужно быть здесь.

— Почему?

— Потому что кто-то должен остановить отсчёт.

— Зачем? Пусть тикает. Произойдёт взрыв, магистраль будет уничтожена, монстр перестанет существовать, а мы будем уже далеко. Там, где нет покрытия. Хорошо? Андрей!

— Да, конечно. Очень хорошо. Мы будем там, где нет покрытия. Дримцентр будет уничтожен. И магистраль. И будет взрыв. Чёрт! Это что за ссылка? Ну, накрутил, конспиратор. Чёрт ногу сломит. Ссылка на ссылке сидит и ссылкой погоняет. Что ты говоришь, милая? Да, будет взрыв. Но позже.

— Почему не сейчас?

— Потому что… Нет, это просто издевательство, он ещё и

посдвигал поля адресов. Как бы эта штука не рванула прямо сейчас.

— Пусть рванёт!

— Ника, не говори под руку! Ч-чёрт, придётся объяснить. Если эта штука рванёт прямо сейчас, пропадёт связь между Далилой и слэйвами.

— Ну и прекрасно!

— Нет. Во-первых, есть такая вещь, как последействие. В Сети останутся эффекторы Далилы. Но это ещё полбеды, хуже другое. Она хранит в мозгу слепок Системы, бэкап. Как только появится связь, монстр восстановится, и очень быстро. Да, можно, конечно, за это время сбежать туда, где покрытия нет. Вернее, пока нет.

— Ты хочешь сказать…

— Да. Хочу. Послушай, Ника, давай, я сначала остановлю отсчёт, а потом объясню. Невозможно всю жизнь бегать с места на место. Насколько я знаю Далилу, она будет из кожи выпрыгивать, чтоб любой ценой расширить покрытие. И никуда мы с глобуса не денемся. Ага! Вот ты где. Смотри-ка. Хитро спрятал. Но только на один раз. Слышишь, Ника? У нас проблема. Если я сейчас остановлю отсчёт, второй раз запустить его отсюда не выйдет.

— А откуда выйдет?

— Всё. Теперь запустить можно только из колодца в Верхнем Городе.

— И кто же это сделает? — спросила моя подруга, привыкшая ко всему подходить обстоятельно.

Я собирался ответить, что сам, когда придёт время, съезжу в Верхний, сам найду колодец и сам запущу взрыватель, но вовремя прикусил язык. Не такое это простое дело — поездка в Верхний Город. Пока я искал управляющий бит порта взрывателя, о мелочах я не думал. Теперь бит погашен, цепь питания таймера разомкнута, а червячок, запущенный Кэтчером в Систему, замёл следы. Я не мог найти в Сети адрес порта взрывателя, чтобы снова пустить отсчёт. Я понимаю, зачем это было нужно Кэтчеру. Он рассуждал так: если всё пойдёт по плану, самого его в Городе уже не будет. Значит, заметать следы не нужно, даже наоборот — пусть полицаи поищут и найдут брошенный офис и в нём эмулятор мозга с симульчипом бывшего владельца конторы. Но если придётся остановить отсчёт, наводить на след полицаев будет преждевременно. Так он рассуждал. А я, упиваясь собственной проницательностью и хакерскими успехами, решил не отвлекаться на мелочи. Самонадеянный дурак, что ещё тут скажешь. А вот нечего щёки надувать. Конечно, в Сети я теперь ориентировался неплохо: во-первых, подцепил системные знания Далилы, пока был с нею соединён, во-вторых, много чего в Сети

нахватался, — но моих-то собственных заслуг в этом не так чтобы много. Совсем нет, если честно. А вот в мелочах напортачил я сам. Начать хотя бы с поездки в Верхний.

«Чтоб пустили в лифты, нужна виза, а у меня её нет. Я ж там не живу и не работаю. Можно купить одноразовую гостевую. Ладно, это чепуха».

— Не чепуха, — вмешалась Ника. — Ты знаешь, сколько она стоит?

«Не знаю, но можно глянуть. Торопиться нам теперь некуда, терминал под рукой, два клика, и… Мать моя блогерша!»

— Вот именно, — сказала Ника, выглядывая из-за моего плеча. — Есть у тебя такие деньги?

— Есть, — ответил я, а сам подумал: «Примерно столько и есть. Куплю визу и пойду зубы на полку выкладывать. Но это ещё ладно. Хотелось бы мне знать, как я окажусь в двух местах одновременно». Понимаете, если просто полезть в колодец и запустить отсчёт, не нужно было и останавливать. Пусть бы рвануло. Я зачем его остановил? Чтобы войти в Сеть через дримодем и загнать Далилу в угол. Принудить сделать бэкап не в свой мозг, а туда, куда нужно мне, тем временем отвлечь её чем-нибудь, заставить мобилизовать все ресурсы Сети и устроить так, чтоб именно в этот момент легла магистраль. Взрывы — хорошее дело, если они случаются, когда надо, а иначе они — просто эффектная пиротехника для щекотания нервов, так я считаю. Да вы и сами знаете это не хуже меня.

«Что ж получается? — прикидывал я. — Нужно в дриме гонять Далилу, что само по себе дело нелёгкое и, скажем прямо, полная безнадёга, и в то же время в реале — бродить по Верхнему Городу и искать треклятый колодец? Нда-а, хорошенькая работёнка. Кстати, одновременно делать это нельзя. Если я стану разыскивать колодец в ошейнике и с включённым дримодемом, клик за два, Далила поймёт, в чём дело, и прихлопнет меня. Ей для этого и пальцем шевелить не придётся, там наверху, говорят, полно беспилотников. Есть, конечно, другой способ. Добраться до самой Далилы и её пристукнуть. Но где гарантия, что она перед смертью не успеет сделать мастером мозг кого-нибудь из слэйвов? Да и вообще, убивать Лилечку это как-то даже…»

— Никого мы убивать не будем, — припечатала Ника и для убедительности хлопнула ладошкой по столу. Это у неё эффектно вышло, но я не оценил.

— Мы? — переспросил я, понимая, к чему клонит моя милая.

— Всю жизнь мечтала побывать в Верхнем, — отвернувшись, сказала Ника. Но я, даже не глядя ей в глаза, чуял: не хочет она туда. Совсем другого хочет. Мечтает уехать, поселиться со мной в

доме над рекой, там, где нет покрытия. Хочет, чтоб у нас были дети. Четверо, это как минимум. Мы с Никой ни в чём не знаем меры.

— Ника, я справлюсь сам. А ты поезжай туда. Подождёшь меня, я приеду, и всё будет так, как ты хочешь.

— Нет уж. Однажды я вот так вот ждала, хватит. И сам ты не справишься. Нужен кто-нибудь в реале, хотя бы для того, чтобы модем выключить.

Я понял — переубедить мою подругу не выйдет. Понимаете, она и делить-то меня с Далилой не хотела, а уж отдать — ни за какие коврижки. Ника собственница.

Мы пререкались ещё минут десять, больше для виду, а после, покончив с финальной, более нежной частью спора, разработали детальный план операции.

Глава одиннадцатая

«Прижмите ладонь к панели дактилосканера!» — замигала на экране визомата красная надпись курсивом. Ника послушалась. «Ждите!» — приказал визомат.

— Руку не убирать? — ядовито поинтересовалась Ника. Никому, похоже, не было дела до её вопроса.

«Вас зовут Ника Нэйм, ваш айди…»

— Знаю. Я спросила, можно ли убрать руку?

«Вы зарегистрированы в Нижнем Городе, — не унимался визомат. — У вас нет права на бесплатную визу. На вашем личном счету недостаточно денег для приобретения одноразовой визы. Если вашу визу оплачивает принимающая сторона, укажите расчётный счёт спонсора и номер акцепта».

— Где указать? И как это сделать, если одна рука занята, а вторая…

Визомат пискнул, его экран очистился. «Свинство какое, — подумала Ника, но руку не убрала. — Андрей обещал отправить деньги. Так я и знала, стоит только ему влезть в Сеть, тут же помчится к Лилечке, а я так и буду здесь торчать возле дактилогадалки с электронным управлением. Это что ещё?»

«Ваш счёт пополнен, — прочла она на экране. — На ваше имя получен акцепт. Визовый сбор уплачен. Страховой взнос уплачен. Лифтовый сбор уплачен. Ждите!»

— Ещё ждать? У меня уже рука устала! — возмутилась девушка, думая при этом: «Не забыл. Но это ещё не всё, Дрю! Ты обещал помочь мне там, наверху. Как я найду этот колодец? Я даже не знаю, на что он похож! И карта из головы вылетела. А я предупреждала, что не запомню! Говорила, нужно напечатать карту! И ничего в ней такого секретного нет. Может, я туристка, может, у меня тур по канализационным колодцам Верхнего Города. Кому какое дело? А, ерунда. Всё равно откажут в визе. Долго что-то он думает. Ну, давай, давай, напиши: вам отказано в визе, нам, мол, не понравился цвет ваших глаз и длина юбки. Почему Андрей к моей юбке цепляется? По-моему, вполне нормальная длина. Холодновато, правда, немножко».

Визомат разразился колокольным звоном и написал на экране: «Гражданка Ника Нэйм, вам разрешён однократный доступ в Верхний Город. Время доступа не ограничено. Посуточный страховой сбор будет списываться с вашего счёта автоматически. Напоминаем вам, что любое правонарушение влечёт за собой немедленную депортацию виновного лица и передачу означенного лица органам правопорядка по месту

постоянной регистрации».

— Не понимаю, как вы депортируете лицо без всего остального, — буркнула гражданка Нэйм, но сарказм пропал втуне.

«Ваш паспорт находится в лотке для документов. Вы можете пройти в лифт».

— Руку с собой взять или здесь оставить?

«Не забудьте убрать ладонь с панели дактилосканера!» — предупредил визомат.

— Спасибо! — поблагодарила Ника Нэйм, ядовитая, как десять гремучих змей сразу.

Визомат звякнул, выдвинул лоток, там оказалась пластиковая карточка с ужасной фоткой. «Глаза вытаращены, рот открыт. Нашёл когда щёлкнуть», — с неудовольствием подумала девушка, придирчиво рассматривая собственное изображение. Но заявить претензию не решилась. Вздохнула, сунула паспорт в карман и пошла в обход колонны, следуя недвусмысленному указанию: «Следуйте по стрелке!» — которое было выведено на асфальте люминесцентной краской.

Замечательное сооружение — перекрытие Верхнего Города! Если стать лицом к одной из его колонн и задрать голову, кажется, серый столб уходит в бесконечность. Конечно, это обман зрения — всего-то пару сотен метров высоты. Просто верхушка гигантской кости днём теряется в призрачном голубоватом сиянии, а ночью тает в тёмно-синем сумраке. Впрочем, основание колонны вблизи выглядит не таким уж небесным.

Ника, обходя колонну, с любопытством разглядывала серую, шершавую на вид поверхность нанобетона и ржавые стальные скобы непонятного назначения, вделанные в колонну в полуметре друг от друга. «Это лестница? — удивилась Ника. — Почему тогда не доходит до земли?» Странная лестница обрывалась на трёхметровой высоте. Поперёк колонны какой-то остряк криво намалевал синей краской: «Социальный лифт». Корявая стрелка, протянувшаяся от хвоста надписи, указывала на первую скобу. Ника фыркнула. Человеку нормального роста и думать нечего о том, чтобы воспользоваться указанием, но даже если и нашёлся бы акробат-гигант, способный пробраться через ограждение из колючей проволоки и запрыгнуть на нижнюю ступеньку, после ему пришлось бы две сотни метров карабкаться, оскальзываясь на ржавых неудобных скобах. И что ещё ожидало его наверху? Сомнений нет, надпись — дело рук неумного шутника. А даже если и остались бы надежды на бесплатный подъём у какого-нибудь романтически настроенного авантюриста, ему достаточно было прочесть украшенную черепом с костями табличку на

ограждении: «Не влезай, убьёт!» — чтобы уяснить позицию администрации лифтового хозяйства в этом вопросе.

Ника пожала плечами, глянула под ноги и завернула за угол, следуя указателю «К лифту».

«Внимание!» — гласила следующая надпись на асфальте.

«Приготовить документы к осмотру!» — прочла девушка, сделав ещё шаг.

«Не задерживаться у входа!» — предупредили её.

«Смотреть прямо перед собой!» — прочла она, нащупывая в кармане паспорт, подняла голову и вздрогнула. Человек в синей форменной одежде смотрел на неё в упор, не мигая. Их разделяла высокая перегородка.

— Документы, — скучным голосом проговорил чиновник. Позади него зажглась надпись: «Предъявите документы оператору лифта!»

— Пожалуйста, — буркнула девушка и положила на перегородку драгоценный паспорт. Лифтёр завладел карточкой, бегло оглядел её с обеих сторон и стал сличать фото с оригиналом. «Ещё скажет, что я на себя не похожа», — подумала Ника, вытаращила глаза, приоткрыла рот и спросила не слишком внятно:

— Так больше похожа?

— Оскорбление представителя власти при исполнении служебных обязанностей, — равнодушно проговорил чиновник, не отрываясь от своего занятия, — правонарушение, предусматривающее административное наказание. На первый раз я ограничусь устным предупреждением, но за это же деяние, совершённое повторно, вас могут депортировать.

«Он принял на свой счёт, решил, что я кривляюсь? — подумала Ника. — Я же ничего не имела в виду. И откуда депортировать, если в лифт ещё не вошла?»

— Цель вашей поездки в Верхний Город? — негромко спросил лифтёр, буравя девушку взглядом.

— Личная.

— Точнее!

— Хочу погулять в городском парке, — девушка задрала нос. — Я заплатила за поездку в лифте и буду вам благодарна, если вы…

— Проходите, — прервал её чиновник, настороженно оглядываясь по сторонам. Ника тоже огляделась — никого. Она обошла стойку по узкому коридору, ограждённому блестящими трубами, провернула вертушку турникета и остановилась перед вспыхнувшей внезапно под ногами надписью: «Стойте! Поднимите руки вверх!» Пришлось послушаться. В арке над

головой девушки прогудело, стена короткого коридора уехала в сторону, за ней открылась просторная кабина, отделанная панелями под натуральное дерево и зеркалами. Лифт.

— Входите же, — поторопил лифтёр. — Останавливаться здесь запрещается.

Ника ободряюще улыбнулась собственному отражению и вошла. Лифтёр вскочил в кабину следом, не глядя, ткнул в отделанную золотом большую клавишу, дождался, пока съедутся двери кабины, и прошипел:

— Быстрей давай, пока едем. В кабине камер нет.

— Что давать? — изумилась Ника.

Нрав у лифта был степенный, чего никак нельзя было сказать о поведении оператора этого шикарного механизма. Чиновник нервничал, шипел сквозь зубы:

— Ты сама предложила. Сказала «буду благодарна, если вы…» Давай быстрее, что там у тебя!

— Ничего я вам не предлагала. Я хотела сказать, что буду вам благодарна, если вы не будете совать свой нос в мои личные дела, — отрезала девушка, отодвигаясь на всякий случай от нервного служащего в угол кабины.

— Ах ты… — Лифтёр скрипнул зубами. — Слушай ты! Сейчас мигом у меня вниз поедешь. Паспорт твой видишь где? У меня. Вылетишь в Нижний с треском, ещё и в базу тебя впишу, потаскушка, я тебе устрою прогулку в парке!

— Ну-ка отдай паспорт! — Ника повысила голос. Прозвучало это довольно грозно.

— Всё, готово дело, — осклабился лифтёр. — Ты оказала давление на представителя власти, за это знаешь… Не только депортация, ещё и… Дура, тебе же дороже выйдет! Давай денег, пока не доехали!

Нику распирало от праведного гнева. Она уже нацелилась оказать на представителя власти более ощутимое давление, но вдруг ей послышалось жужжание прямо над головой. И слабый ток воздуха, как будто от крыльев крупного насекомого.

— Ай! — визгнула она, отшатнувшись. С детства не любила насекомых, особенно крупных. Шмелей, ночных бабочек, ос и всяких жуков не жаловала и, сказать по правде, побаивалась.

Шмель не шмель, но что-то очень похожее висело в центре кабины под светящимся потолком. Когда испуганная девушка сбежала от него в угол, насекомое снизилось и повисло перед круглой багровой рожей оператора лифта сантиметрах в двадцати от его крупного носа.

— Хэ-э! — выдохнул лифтёр, глаза его съехались к переносице. Похоже, шмелей он опасался куда больше Ники: его

физиономия мгновенно побелела, на лбу выступил пот. «Трус», — подумала Ника и перешла в наступление. Страх страхом, а документ нужно отобрать.

— Если я правильно тебя поняла, ты намекаешь на взятку? — спросила она.

Лифтёр замотал головой, как лошадь, отгоняющая муху, но это не испугало странное насекомое.

— Паспорт давай! — потребовала девушка, храбро наступая на чиновника с фланга, в обход, по стеночке.

— По-ппожалуйста! — выдавил тот, не сводя со шмеля глаз, и попытался наугад сунуть карточку Нике. Рука его тряслась так сильно, что получилось это не сразу.

Кабина остановилась, свистнули, открываясь, двери, на пол лёг солнечный луч. Нике пришлось придержать юбку — в лифт ворвался ветер. Пятясь вдоль стены, девушка нащупала пустоту и выскочила из кабины. Трудно сказать, чего больше боялась — того, что увяжется за нею шмель, или что лифтёр снова прицепится. Тот не появлялся долго, девушка уже успела сунуть паспорт в щель турникета (понаставили их тут!) и проскользнуть за ограждение, а представитель власти всё ещё не показывался. Только после того, как Ника прошлась по надписи: «Добро пожаловать!» — добросовестный страж лифтовых дверей вылетел из кабины. И тут же сделал кому-то ручкой. А может, просто отмахивался от назойливого насекомого, издали не разобрать.

«Ветрено тут», — заметила про себя гостья Верхнего Города, всё ещё придерживая юбку. Другой рукой она прикрыла глаза. Ветрено и солнечно. Поискав, кому мог сигналить лифтёр, она приметила в отдалении несколько припаркованных у тротуара электрокаров. Ника осмотрелась. Влево и вправо от лифта плавным изгибом уходило шоссе, за ним — высокая ограда. За оградой макушки деревьев. Парк. По ту сторону, где лифт, вдоль шоссе — редкая цепочка коттеджей; позади них, за узкой полоской зелени, — небоскрёбы сплошной скальной стеной до неба, сверкали сотнями кристаллических граней.

— Мне нужно налево, — вслух сказала Ника, чтобы придать себе храбрости. Справедливости ради стоит сказать, что идти по Парковому шоссе можно было как вправо, так и влево. Северный и северо-западный входы ничем друг от друга не отличаются, но осторожной девушке не понравилось, как себя повели водители машин, припаркованных по правую сторону от площадки лифта. Некоторые открыли дверцы, кое-кто лениво вылез наружу, а один даже засвистел и замахал рукой. И все как один таращились, как будто никогда в жизни не видели девушки в костюме для тенниса. «Подозрительные типы, — подумала Ника,

поворачиваясь к ним спиной и пряча паспорт в карман куртки. — Видно, лифтёр дал им знак. Пойду-ка я быстрее. Господи, сколько тут шмелей! Или это пчёлы?» Вдоль узкого тротуара за кирпичной оградкой росли непролазные кусты. На ветвях не было ни цветочка (конец октября всё-таки!), но крупные насекомые то и дело сновали туда-обратно, туда-обратно. Ника даже кепку сняла, чтобы отмахиваться, если вдруг прицепится кто, но насекомым, похоже, не было до неё дела. Девушка успокоилась, замедлила шаг, прикидывая, как скоро доберётся до парковых ворот, но вдруг услышала позади гул двигателя и шуршание шин.

— Вы очень торопитесь, девушка? — прозвучал, перекрывая урчание мотора, мужской голос с едва уловимым акцентом.

— Да, я тороплюсь, — ответила Ника, переходя на рысь. Но как быстро ни беги, электрокар быстрее. Девушка скосила глаза. Длинная приземистая машина ползла рядом, не обгоняя, но и не отставая. Водительское стекло было опущено, наружу торчал голый волосатый локоть.

— Тогда я могу подвезти, — сказал водитель и высунул большую голову, поросшую курчавой шерстью. Ника непроизвольно прижалась поближе к ограде, но шагу не сбавила. За рукав куртки тут же стали цепляться ветви кустов.

— Я тороплюсь, но не опаздываю. Доберусь сама, — ответила, борясь с одышкой, девушка и, чтоб быть последовательной, перешла на галоп. Машина приотстала, но быстро наверстала упущенное, обогнала, визгнула тормозами, и Ника едва успела остановиться, чтоб не влететь с разгону в распахнувшуюся перед ней дверцу, такую широкую, что весь тротуар перегородила.

— Зачем такая красивая девушка и сама, — спросил, вылезая навстречу, водитель. Акцент его стал заметнее. — Не надо сама, тут повсюду разные маньяки.

Слева — колючие заросли, справа — машина, прямо — этот длиннорукий, скалозубый, кучерявоголовый. Назад! Ника стала пятиться потихоньку, ощупывая кончиками пальцев холодное, стальное, — надо же, какая длинная машина! — и не спуская с водителя глаз. Тот ухмыльнулся, надвигаясь, и продолжил:

— Клиент позвал, да? А защиты у тебя нет. А тут нельзя без защиты.

— Какой клиент? Вы за кого меня… Вот я сейчас позову мужа, он вам покажет защиту!

— Врать не умеешь, да? — Мужчина ухмыльнулся ещё шире и прищёлкнул языком. — Позови его. Где он у тебя? В Нижнем, да?

— Андрей! — визгнула Ника в отчаянии. Деваться-то некуда, всё равно этот догонит. И вон те ещё сзади с машинами.

— Андрей-Андрей, — передразнил водитель, — держи хрен

бодре… Эй! Э! Э! Ты что?

Ника замерла на месте. Водитель отмахивался от налетевшего шмеля, тот норовил попасть ему в глаз. «Что-то тут с насекомыми нечисто, — подумала девушка. — Дрю, ты же обещал! Говорил: не оставлю… О! Что это?»

Добровольный защитник больше не смотрел на неё, не мерил с ног до головы сальным взглядом. Застыл, лупя глаза, дико вывернул шею, и от докучного насекомого отмахиваться забыл. Кое-что покрупнее шмеля висело над крышей его машины, сипло свистя пропеллером.

«Коптер, — узнала Ника. — Какой маленький! На стрекозу похож. С собаку размером, но глазки стрекозиные. А нос-то!»

Нос у вертолёта был презабавный, напоминал раструб садового шланга. «Коптер-садовник? — гадала девушка. — Почему тогда этот поднял руки вверх?»

— Я ничего! — бормотал водитель. — Подвезти хотел! Я сейчас уе…

Он пригнулся, нырнул в машину и хлопнул дверцей. Взревел двигатель, но машина не успела тронуться. Смешной садовый вертолётик сорвался с места, заложил тугой вираж, развернулся носом к автомобилю и пыхнул огнём. Грохот ударил Нике в уши, у переднего колеса рвануло дымно и пламенно. От неожиданности девушка отскочила в сторону и мгновенно оказалась шагах в десяти от опасного места, в кустах. На колючки как-то не обратила внимания. Вспухшее у капота облако ещё не отнесло ветром, когда водитель вывалился из подбитого автомобиля с другой стороны, вопя: «Я ничего!» Он правильно сделал. Коптер вынырнул из клубов дыма, сделал ещё один разворот и влепил второй заряд прямо в лобовое стекло. На этот раз звук получился не такой сильный, но в машине не осталось ни одного целого стекла, только осколки на асфальт посыпались.

«Как бежит!» — невольно восхитилась Ника. Действительно, бегал водитель лучше, чем ездил, хотя и не преследовал его никто. Из салона машины валил дым, но огня не было. Пока Ника выбиралась из кустов, винтокрылый её избавитель куда-то делся.

— Ну не почудилось же мне?! — проговорила девушка довольно громко. Ответом ей было жужжание, потом что-то чувствительно щёлкнуло в спину.

— Ай! — пискнула Ника, поворачиваясь на месте. Опять шмель.

— Чего тебе от меня надо? Ай!

Шмель словно подталкивал её, подгонял.

«Пойду-ка я отсюда, — благоразумно решила девушка, обошла автомобиль стороной, держась на приличном расстоянии,

и двинулась дальше, изредка поглядывая на неотвязного спутника. — Опять прицепился. Не отстаёт. И не шмель это вовсе. Глаз, как у циклопа, один. Поблёскивает. Одноглазый насекомый. Напасть вроде не собирается. Летит себе рядом».

Теперь, когда миновала опасность, Ника попыталась понять, что же произошло: «Шмель — это, конечно, инсектобот. Говорят, их здесь полно. Но коптер? Кто-то мне помог, это понятно. Два раза причём, в лифте и здесь. Дрю, когда провожал, говорил — смотри по сторонам, с людьми не заговаривай, гляди в оба. Если что, мол, помогу. А как не разговаривать, если они сами лезут? И я гляжу в оба, но что-то ничего особенного не вижу. Может, это у них тут так заведено — охранять девушек коптерами от всяких приставучих типов. Пора бы тебе, Андрюшенька, обо мне вспомнить. Вон уже ворота парка. Вспомнить, что обещал. Сказал, мол, если забудешь дорогу, я подскажу. Как подскажешь, если ты там, а я здесь. Одна, и с пустыми руками. Зачем ты у меня отобрал телефон, а? Конспира-атор.

— Как я теперь узнаю, куда идти? — спросила девушка у шмеля, которого совершенно перестала бояться.

Тот, естественно, не ответил. Повисел немного рядом, затем метнулся через дорогу, прочертив в воздухе сверкающую запятую, и завис там, перед входом в парк, словно поджидая.

— Это я и без тебя помню, что нужно в парк, — брюзжала Ника, спускаясь в подземный переход. Честно говоря, терять из виду спутника не хотелось, мало ли что там под землёй, а шмель — существо полезное, не то что Дрю, который только на обещания горазд. Но по шоссе хоть и редко шныряли машины, однако на большой скорости, поэтому законопослушная девушка спустилась в переход, — пусто, всё спокойно, но темновато, — пробежала его на цыпочках, — фу-у, какое тут эхо! — взлетела по лестнице к свету, — топочешь ты, милая, как лошадь! — и оказалась на посыпанной песком дорожке. Столбы ворот, увитые плющом, тяжёлые литые створки, полуоткрытые, словно специально их так оставили.

— Ох, как пахнет! — сказала, жмурясь от солнца, девушка. — Даже не разберу чем. Цветы какие-то. Не знаешь, как называются? Ты где, насекомый?

Шмель снова легонько подтолкнул в спину, потом сделал вокруг головы круг почёта и завис у воротины на расстоянии вытянутой руки.

— Ну, чего тебе ещё? — удивилась Ника. Шмель молчал и умненько глядел на девушку единственным глазом. Не зная, что предпринять, она несмело протянула руку ладонью вверх. Шмель отреагировал мгновенно.

— Ай! — пискнула укротительница насекомых и уронила шмеля на дорожку. — Чего пугаешь? — бормотала она, присев над чёрной застывшей каплей. — Ты не ушибся? Я не ожидала просто, что ты так… сядешь.

Шмель не проявлял признаков жизни. Сложив крылья, он стал похож на окатанный морем чёрный камешек. Набравшись храбрости, Ника осторожно подняла его — тёплый какой! — взвесила на ладони — лёгонький! — осмотрела и убедилась окончательно — это инсектобот. Вместо глаза — видеокамера. «Испортился? Возьму-ка я тебя на память», — решила рассудительная туристка и положила трофей в карман, туда, где паспорт.

— И что мне теперь делать? — спросила она, выпрямляясь. Ответа ждать не от кого, поэтому после недолгих раздумий девушка вошла в парк, тронув рукой одну из створок. «Тёплая. Солнце нагрело. Конец октября, а солнце пригревает. Ох, как хорошо здесь!»

Парк, обстроенный со всех сторон небоскрёбами, напоминал долину в окружении отвесных скал. Солнце висело в точности над песчаной дорожкой. Полдень. Меньше всего Нике хотелось куда-то идти и что-то искать, но она тряхнула головой и решительно зашагала по тропинке, зажатой между живыми мелколиственными изгородями. Песок поскрипывал под ногами; то справа, то слева в прогалинах мелькали боковые тропки, в конце которых — пышные клумбы, цветы в каменных чашах и микроскопические прудики, где наверняка водились диковинные рыбы, но поддаться соблазну и свернуть туда значило потерять кучу времени, а ведь Андрей просил поторопиться. Сказал, что не будет входить в Сеть через дримодем, пока не убедится, что колодец магистрали найден. «Ладно-ладно, Дрю. Уже иду. Найду тебе твой колодец, хоть ты этого и не заслуживаешь. Куда идти только?» Девушка снова попыталась припомнить карту. От северного входа полагалось двигаться точно на юг, где-то там, у южной оконечности парка был канал и через него — мост. И хорошо бы, тропка вела прямиком туда, но она кончилась. Просто кончилась и всё, затерялась в роще невысоких деревьев с очень светлыми стволами и плоскими кронами. Ветер пел, продираясь сквозь спутанные ветви, словно жужжала огромная стая шмелей.

— Через лес не пойду, — заявила во всеуслышание Ника. Ей в ответ с ближнего дерева — ти-тиу! — насмешливо свистнула нахальная птица.

— Не пойду и всё. Там холодно. А тут хорошо, солнышко пригревает. О!.. Что-то оно спряталось, вроде не было на небе ни облака, откуда же?..

Ника глянула вверх, желая узнать, почему вдруг потемнело, и крик застрял у неё в горле. Не простое облако заслонило солнце, и вовсе не ветер пел в древесных кронах. Небо посерело над рощицей от гигантской стаи насекомых. Туча шевелилась как живое существо, местами она была гуще, кое-где — реже, в ней зарождались смерчи, но, приглядевшись, Ника поняла — шевеление только кажется беспорядочным, туча сгущается в точности над нею. Фыркнули крылья — испуганная птица покинула своё убежище, сбежала от греха подальше. Насмерть перепуганная девушка чуть было не последовала её примеру, но в эволюциях шмелиного облака наметился строгий порядок, — проявились вертикальные и горизонтальные уплотнения, такие ровные, словно их рисовали под линейку. Штрихи, дуги… «НИКА!» — прочла изумлённая девушка.

— Что? — непроизвольно спросила она.

Буквы рассеялись, будто великанская рука стёрла их одним махом, потом сгустились вновь.

— ЭТО Я, — просигналила туча.

— Кто вы? — спросила Ника, стараясь, чтоб голос звучал ровно.

— ДРЮ, — ответило облако.

Ника протёрла глаза, но надпись никуда не делась.

— Знаешь, Дрю, это совсем не смешно. Чуть меня заикой не сделал. Бросил меня одну в лесу, а сам летаешь. Куда мне идти теперь?

— СЮДА, — ответила туча, рассеялась и тут же сложилась в стрелу.

«Всё-таки через лес», — огорчилась Ника, но теперь это её пугало меньше. Чего, скажите, бояться повелительнице шмелей? «Значит, Дрю меня слышит. Интересно, как?»

— Андрей, ты меня слышишь?

— ДА.

— А как?

— ШМЕЛЬ! — раздражённо ответило облако.

— При чём здесь шмель? Какой шмель? А, ты об инсектоботе!

— НЕТ ВРЕМЕНИ! — напомнило облако и тут же рассеялось. Жужжание стихло, над головой — незамутнённая синь.

— На меня, значит, у тебя нет времени, — буркнула Ника не из желания посклочничать, а просто не совсем ещё успокоилась после пережитого ужаса. На душе стало легче. Всё-таки приятно осознавать, что тебя слышат, о тебе волнуются и помогут, если что-то пойдёт не так. «Может, и коптер — тоже его работа? — думала Ника, пробираясь через светло-зелёный полумрак рощи. — Но как же так? Андрей ведь не хотел включать

дримодем! Управлять коптером — ещё туда-сюда, но целое облако инсектоботов!.. Никогда бы не подумала, что их здесь столько. Значит, ему пришлось-таки».

— Ты там осторожнее, Дрю! — проговорила она, ощупывая в кармане гладкое тёплое тельце инсектобота.

— Трю, трю, ти-тиу! — отозвалась откуда-то сверху наглая птица. Под ногами шуршала листва, что-то мелькнуло на дереве справа. Ника приостановилась, схватившись за гладкий светло-зеленый ствол — показалось? И тут же из-за ветки соседнего дерева выглянула настороженная мордочка, спряталась, снова выглянула, принюхиваясь.

— Белка! — позвала девушка. — Не повезло тебе, нет у меня с собой ничего. И даже пакетика с солёными орешками нет. Я бы купила, но перед входом их не продают. Бедняга! Чем ты питаешься тут? Ни студентов, ни детей, значит, некому тебя кормить солёными орешками.

Белка не ответила. Слезла на ствол головой вниз, спустилась, спрыгнула на землю и поскакала, задрав хвост, к соседнему дереву, изредка останавливаясь, чтобы принюхаться. Ничего достойного внимания в жухлых листьях она не нашла.

— Чем в этом парке питаются белки, если на входе не продают солёных орешков? — громко спросила Ника и двинулась дальше, рассуждая на ходу: — Знаешь, Дрю, на этот вопрос не так просто ответить. Вот, к примеру, наш университетский парк. Туда приходим мы с Далилой, приносим пакетик с орешками, а кое-кто из наших общих знакомых сообщает белкам, что кушать подано. Забавно наблюдать со стороны, как эти дурачки под деревьями скачут, чтоб угодить Лилечке. Я не о белках, конечно, а о вас, остолопах. Думаешь, Лилечка сама такой стала? Как бы не так. Если б не сбегалось стадо олухов, стоит только ей положить на ладошку орех… Не делай вид, что не знаешь, о чём я. Ты сам был такой, я же видела. Рад был белок для неё гонять. Ты смотри там, осторожнее в Сети! Слышишь, Андрей?!

Рощица неожиданно кончилась. Не такой уж она оказалась большой и непролазной, и опасных зверей там, как выяснилось, не было. Ника остановилась в замешательстве, не зная, куда пойти дальше — направо или налево? Поперечной тропки не было — стриженые кусты в рост человека. «Направо или налево?» — спрашивала себя Ника, но вслух повторяла другой вопрос, ответа на который пока не нашлось:

— Что же едят в этом парке белки, если здесь не продают солёных орешков?

Справа из-за поворота дороги послышался топот. Бежал кто-то. Внезапно из-за кустов вынырнул коптер, повёл носом и

нацелился в Нику.

— Ну-ну, Дрю, не шути так! — попросила она, переведя дух. — Лучше посмотри, кто там бежит. Я бы дорогу спросила, но…

Внезапно из-за поворота выскочил парень в светлом спортивном костюме.

— Здравствуйте! Скажите, пожалуйста… — обратилась к нему девушка.

Парень не ответил, остановиться даже не подумал и не удостоил её взгляда, только на вертолёт посмотрел, да и то мельком. Бежал он не быстро — трусцой. «Фу, как невежливо!» — возмутилась Ника и решила отплатить за невнимание. Догнала спортсмена, пристроилась рядом и повторила на бегу:

— Здравствуйте! Скажите, пожалуйста…

Позади затрещали ветви. Оглянувшись на бегу через плечо, девушка успела заметить, как бьётся в кустах рухнувший коптер. Но разбираться с причудами вертолёта некогда было, всё равно ведь от него не добьёшься ответа на вопрос, как пройти к мосту через канал.

— А! Так вы… договорились… с секретарём? — непонятно спросил, не снижая темпа, парень. — Что вы… хотели… спросить?

«С каким ещё секретарём? — подумала сбитая с толку девушка. — Что спросить?»

В голове сумбур, а кроме того, на бегу не получалось сосредоточиться, и она выпалила первое, что пришло в голову:

— Что, чёрт возьми, едят в этом парке белки, если здесь не продают солёных орешков?

— Орешков?! — Парень споткнулся на ровном месте и остановился, изумлённо разглядывая Нику. — Вы… с канала «Природа»? Что-то не припомню, чтобы я… Фу-у, жарко сегодня… Чтобы я давал согласие… Хотя… Ладно. Что вы там хотели спросить?

Он пошёл по тропинке шагом, должно быть, чтобы выровнять дыхание. Ника шла рядом, пытаясь разобраться в логике происходящего. Какое-то недоразумение. При чём, скажите, здесь канал «Природа»?

— На самом деле я хотела спросить, как пройти к мосту через канал.

— Мне кажется, вы что-то говорили о белках, — напомнил парень, отирая лоб рукой.

«Наверное, ему наскучило бегать», — заметила про себя Ника, а вслух проговорила:

— Просто пришло в голову. Подумала, — чем, интересно, в

этом парке питаются белки, если на входе не продаются солёные орешки?

Живая изгородь кончилась, тропка вывела Нику и её собеседника к огромной клумбе. «Вот, значит, откуда запах!» — сообразила мимоходом девушка, украдкой рассматривая спортсмена. Красавчик, но выражение лица неприятное. И брезгливые складки у носа. Глаза пустенькие. Сколько ему лет — не понять. Может, двадцать пять, а может, и все сорок пять.

— Чем питаются? Белки? — бормотал он себе под нос. — А здесь есть белки? Не замечал. Чем? Ну, я не знаю, может быть…

«Шах!» — вспышка. Из-за кустов на дорожку выскочили какие-то проворные граждане. Двое. «Ша-шах!» — ещё две вспышки подряд. Парень поднял растопыренную пятерню и схватил Нику за руку. «Шах!» — ещё вспышка.

— Я не давал разрешения на съёмку! — выкрикнул парень, всё ещё прикрывая лицо ладонью.

«Да это просто фотографы. Папарацци», — сообразила Ника, пытаясь высвободить руку, но её не отпустили. Когда откуда-то сзади набежали ещё несколько человек, горе-спортсмен притянул девушку ближе, словно защищаясь от нападения. К нему со всех сторон лезли с микрофонами, голося:

— Господин Серов, для «Дольче вита», всего лишь пару слов!

— Для «Обсёрвера»! Каково ваше мнение…

— Кто эта девушка, господин Серов? Правда ли…

— Зрители канала «Дольче вита» хотели бы знать…

Затравленно озираясь, парень потащил Нику за собой сквозь толпу, крича: «Охрана!» Но никто на его отчаянный призыв не явился, только ещё с полдесятка корреспондентов набежало. Похоже, что из окружения не выбраться, разве что через клумбу. «Дармоеды!» — негодовал атакуемый со всех сторон господин Серов. Ника, чтобы помочь ему, отпихнула кого-то особенно настырного, но это только раззадорило остальных.

— Скажите, о чём вы разговаривали с господином Серовым? — накинулась на девушку весьма экстравагантная «Дольче вита». — Какова цель вашего свидания в парке?

— Мы встретились… Я просто спросила его о белках.

— Белках? — опешила «Дольче вита», но её оттеснил респектабельный «Обсёрвер».

— Вы спрашивали господина Серова о белках? — спросил он хорошо поставленным голосом. — Повторите ваш вопрос для зрителей нашего канала.

— Но я просто спросила его, чем питаются белки в этом парке, если на входе не продают солёных орешков.

— Надо ли понимать ваш вопрос так, что… — Но тут

«Обсёрвер» получил внушительный пинок от «Дольче виты» и на некоторое время исчез вместе с микрофоном.

— Господин Серов, что вы ответили вашей возлюбленной на вопрос о белках? — сладкоголосо пропела «Дольче вита», вцепившись крашеными когтями в рукав спортивного костюма господина Серова. Правой рукой она пихала ему в рот микрофон. «Ша-ша-шах» — обстреливали господина Серова фотографы, досталось от них и Нике Нэйм — какой-то предприимчивый папарацци забрался для этой цели в клумбу.

— Но она не моя… — начал оправдываться несчастный господин Серов. В это время кто-то толкнул Нику в плечо и она, чтобы не упасть, ухватилась за первое, что попалось под руку. И на некоторое время ослепла от фотографических блицев.

— Когда будет объявлено о вашей помолвке? — слегка задыхаясь, спросила «Дольче вита». Ей каким-то непостижимым образом удалось ввинтить микрофон между господином Серовым и висевшей на нём Никой.

— Никогда! — возмущённо завопила мисс Нэйм и, оттолкнув своего предполагаемого жениха, полезла через толпу, усиленно работая локтями.

— Господин Серов, как зовут вашу невесту? — услышала она позади.

— Девушка, представьтесь, пожалуйста, — попросил её вынырнувший откуда-то слева «Обсёрвер». От его респектабельности мало что осталось: рубашка растерзана, галстук съехал на сторону.

— Меня зовут Ника Нэйм, мы с господином Серовым… А, вот же мост! Вот он!

Выбравшись из толпы, она увидела то, что искала. Короткая аллея вела к небольшому горбатому мостику через канал.

— Оператор! Вася, быстрее! — заорали сзади, но Ника не стала дожидаться, пока её поймают. На мосту она оглянулась. Три или четыре журналиста мучились вопросом: догонять её или остаться с господином Серовым.

— Подожди! — крикнул ей затёртый в толпе бегун. Ника увидела над головами его руку, но только отмахнулась с досадой. Надо было бежать, пока не опомнились папарацци. За каналом — ограда парка. Наружу! Что-то огромное, красное надвинулось справа. Автобус? Ника не стала искать подземный переход, проскочила прямо перед автобусом, кинулась через шоссе, пробежала по узкому тротуару до угла, но всё-таки оглянулась, прежде чем свернуть в боковую узкую улочку между небоскрёбами. И увидела, как автобус, обламывая ветки кустов, прижимался вплотную к ограде. Он полностью перегородил

выход из парка.

«Очень кстати! — обрадовалась беглянка. — Никто не узнает, куда я свернула. Теперь неплохо бы самой это понять».

Она огляделась: «Дрю, куда теперь? Я помню, нужно было свернуть направо, потом… не помню, кажется, опять направо. Или налево? Господи, Дрю, ну что тебе стоит подать знак?»

Улица напоминала ущелье. Громады небоскрёбов, сразу за ними вычурный фасад архаичного здания. И с первого взгляда почему-то понятно — это отель, из тех, что не для простых смертных.

— Дрю, я не знаю, куда идти!

— Простите? — обратился к ней швейцар, скучавший перед входом. Ника не стала даже интересоваться, как называется гостиница, пробормотала: «Я не вам», — и, стараясь выглядеть уверенно, пошла в глубь квартала. И сотой доли той уверенности, какую удалось изобразить, она не испытывала. Шла наобум. Кажется, на том перекрёстке, где нужно было повернуть направо, на карте был отмечен реал-холл.

Из ущелья между дальними домами ей подмигнула гигантская реал-дива, надула блестящие губки и послала воздушный поцелуй. «Блеск для губ Blitz!» — появилось на огромном, этажей в пять, экране, потом всё это исчезло в ярчайшей вспышке. В тот самый миг, когда Ника Нэйм уже собиралась отвернуться (глаза б на рекламу не глядели!), на экране возникла картинка волшебной красоты. Дом на холме. И надпись: «Твой дом». «Быть не может!» — подумала ошеломлённая таким совпадением девушка и проговорила:

— Это же и вправду наш старый дом!

Картинка исчезла. Вместо неё по экрану запрыгала белка. Справа появилось изображение пачки солёных орешков, а из-под лап суетливого рыжехвостого зверька к пачке протянулась стрелка с надписью: «Орешки там!»

— Ага, понятно, — сказала Ника. Сунула руку в карман, коснулась кончиками пальцев тельца инсектобота, как будто это прикосновение могло быть передано на расстоянии, а затем пошла туда, куда указали. Теперь и ей было знакомо не известное дотоле, ни с чем не сравнимое чувство уверенности в собственных силах.

Глава двенадцатая

Провожая Нику в круиз по Верхнему Городу, я старательно изображал нанобетонную уверенность в успехе всего предприятия; одному Гейтсу известно, чего мне это стоило. Да, я показал ей карту, но, во-первых, был уверен в том, что милая моя обязательно перепутает поворот или ещё что-нибудь выкинет в том же духе, а во-вторых, я и сам не знал в точности, какой из трёх колодцев, отмеченных на карте коммуникаций муниципалитета, минирован. Все три находились в одном квартале, но неизвестно, останется ли время на проверку каждого. Войдя в сеть через дримодем, я мог в доли секунды узнать это абсолютно точно, но я боялся, понимаете? Нисколько не стыжусь признаться в этом. Поймите, мозг дриммастера, соединённый с Сетью, и сам по себе противник, с которым нужно считаться, но если в его распоряжении ресурсы нескольких тысяч подчинённых мозгов… Сказать по совести, безнадёжное мы затеяли дело — тягаться с Далилой, это я почуял сразу, как только закрыл дверь офиса за спиной Ники. Мне предстояло проводить мою милую до места, обеспечить ей защиту, а когда она окажется в нужном квартале, подключиться через дримодем и найти, где заряд. Причём так это сделать, чтобы Далила не заподозрила угрозы. И это только для начала. После нужно было лишить дриммонстра возможности сделать бэкап.

— Ладно, займусь для разминки делами попроще, — бодро сказал я шарику, содержавшему симульчип бедняги Кэтчера. Настоящего Кэтчера, а не того, который сбежал, бросив контору на произвол судьбы.

— Для начала нам с тобой нужно научиться подглядывать, — говорил я ему, ковыряя Сеть в поисках инфы о том, как организовано наблюдение в Верхнем Городе. Хозяин юридической лавочки был человеком сверхпредусмотрительным, а может быть, мне так казалось просто потому, что я шёл по его стопам. Поисковик его терминала — мечта хакера: удобный, и все кишки наружу. Я мигом довесил к нему всё, чего не хватало для счастья, запустил серию ботов в Сеть, целясь в сервер мэрии, потёр следы и, чтоб не терять времени даром, стал листать пособие по управлению инсектоботами. Перекрытия в Верхнем нет, нубейшему нубу понятно, что наблюдение там ведётся главным образом с воздуха. С инсектоботов и беспилотников, стало быть, с чего ж ещё?

— Беспилотники мы с тобой пока трогать не будем, чтоб не привлекать внимания общественности, а вот инсектоботы… Мда-

а, никогда бы не подумал, что их там столько!

Не в численности даже было дело. Перехватить управление одного из них ничего не стоило, но и толку от этого не очень много. Инсектоботы, оказывается, мощная штука, если управлять всем роем. Но как? Ведь это же надо быть сто тысяч терабайт во лбу, и рук иметь не пару, а сто тысяч пар! О глазах и речи нет. Хуже всего, что эти насекомые используются в системе ретрансляции Верхнего.

— Ладно, мы с тобой начнём с малого, — решил я, выбрал первого попавшегося шмеля и перехватил управление, сымитировав сбой системы ориентации. Убедившись, что рой не заметил потери одного крылатого бойца, переназначил инфопоток инсекта на свой терминал и глянул на город с километровой высоты единственным шмелиным глазом.

— Искажает сильно, — проворчал я, рассматривая растянутые, изогнутые небоскрёбы и пятно зелени в самом центре огромной вогнутой чаши — городской парк. Пришлось опять в мануал, искать, чем помочь делу. Не знаю, каким мир представляется шмелю, сам я привык к тому, чтобы прямые линии были прямыми, потому включил автокоррекцию.

— Вот так-то лучше, теперь и полетать можно. Лифт бы найти, куда я отправил Нику. Этот? Да, он самый. Между западным и северо-западным входами в парк. Только бы Ника лифт не перепутала, — сказал я и обрушил шмеля в пике с таким расчётом, чтоб попасть прямиком к надстройке лифтовой шахты, похожей с такой высоты на гриб с чёрной шляпкой и серой ножкой.

— Ветерок сегодня. Сносит, — мне приходилось всё время корректировать курс. Никогда не любил флайт-симуляторы, нудная штука. Если с одним инсектом столько возни, как управлять всем облаком?

— Авось не понадобится. Обойдусь одним насекомым. Как бы вниз спуститься?

Я кружил над чёрной круглой крышей, примериваясь. Люк пожарной лестницы закрыт. Выход на крышу, вентиляционные каналы, антенны. В двери ни щёлочки, мышь не пролезет. Я понимаю, о чём вы подумали, но мне эта мысль не сразу пришла в голову.

— Не тупи, Нетребко, — сказал я себе. — Ты же теперь меньше мыши.

Сказал так и направился к трубе вентиляции. Она разрослась до размеров небоскрёба, заняла весь экран. Поднявшись до её щербатого верха, я проскользнул под круглой крышей этого сооружения, повисел неподвижно, чтобы оптика привыкла к

полумраку, и резко пошёл на снижение, борясь с могучим встречным потоком воздуха. Скоро труба кончилась, я увидел колодец и на дне его крышу лифтовой кабины. «Знать бы ещё, как наружу выбраться», — думал я, падая, и внезапно припомнил чертёж лифтовой шахты. Ниже должен быть люк. В нём просечки отдушины. «Но откуда я это узнал? Откуда чертёж? Вот она, отдушина». Я вырвался наружу, на пару секунд ослеп от яркого света, потом зрение пришло в норму, и передо мною открылась панорама Нижнего Города. Вид сверху. У подножия колонны белая песчинка. Зум! Мне показалось, я обрушился вниз. Песчинка выросла, я узнал кепку Ники и её теннисную куртку. Милая моя держала руку на дактилосканере какого-то торгового автомата. «Что это ей взбрело в голову? Я же говорил, времени мало!» — занервничал я и в ту самую секунду, когда подумал о времени, понял: «Это визомат. Она должна получить визу в Верхний. Я забыл отправить ей деньги! Мои вопросы как-то попадают в Сеть, и на них приходят ответы. Я подключён к Сети. Как?!»

— Без паники, Нетребко! — сказал я себе. — Шмель пусть пока повисит, а мы с тобой слетаем в банк.

Пока открывал в отдельном окне хорошо знакомый мне е-банкер Кэтчера, убедился, что Сеть отвечает на мои запросы — данные о состоянии счёта пришли мне в голову раньше, чем открылось окно. Я выстучал на клавиатуре пароль, параллельно припоминая мои уличные видения, убедился — данные, полученные прямо в мозг, соответствуют действительности. Платёж отправил на полном автомате и стал прислушиваться к ощущениям. Не было печали! Оказывается, мне теперь не нужен терминал, чтобы отслеживать платеж. Я снова чуял Сеть без всякого дримодема.

Я здорово испугался. Кто угодно испугается, узнав, что Сеть лезет к нему в мозг без спросу, и остановить это нельзя. От страха чувство Сети только обострилось. Я почуял опасность, попытался осознать и понял — мне самому пока ничего не грозит. Ника!

Я резко бросил шмеля вниз. Ника всё ещё у визомата, ладонь на пальпаторе. Откуда опасность? Какой-то тип у турникета. В форме. Лифтёр? Нет. Лифтёров убрали отсюда шесть лет назад, подсказала Сеть. Пропускной пункт автоматизирован. «Кто же ты такой?» — прикидывал я, снижаясь и заходя в разворот, чтобы видеть лицо этого человека. Лицо. Крупно. Кто он? Ионов Семён Петрович. Родителей его к чёрту, где учился, кем работал, — какая разница? Теперь-то без определённых занятий. Что он тут делает? Дважды судим. В первый раз — браконьерство. Отделался исправительными работами. Второй раз — поставщик

симуличностей. Грозила высылка, но как-то вывернулся. Присудили условную. Кто-то ему помог. Ладно, это тоже к чёрту, не моё дело. Что на нём висит сейчас? Ничего. Купил визу в Верхний три месяца назад, с тех пор в Нижний не возвращался. Без определённых занятий, доходов нет, но деньги водятся: номер в гостинице, машина, ресторанные счета, даже какие-то покупки в магазине раритетов. Стоп!

Я заинтересовался его покупками, припомнил, что там у него в чеке, и убедился — чутьё не подвело. Этот тип сразу после приезда в Верхний Город купил в магазине дорогого старья полный мундир лифтёра.

— Так ты обыкновенный вымогатель!

Я облетел по широкой дуге с таким расчётом, чтобы господин Ионов оставался в поле зрения камеры, и повис в нескольких сантиметрах от лифта. Ника уже стояла у перегородки, мне хотелось слышать, о чём они с Семёном Петровичем говорят. «Документы», — нудил лифтёр. «Пожалуйста», — Ника ему. Глупышка! Отдала паспорт. Чего она рожу скорчила? «Так больше похожа?» — Ника ёрничала, но голос дрожал. Спокойнее, милая, этот жулик мигом заметит слабину! Так и есть. «Оскорбление представителя власти при исполнении служебных обязанностей, правонарушение, предусматривающее административное наказание. На первый раз я ограничусь устным предупреждением, но за это же деяние, совершённое повторно, вас могут депортировать».

— С тобой всё ясно, дружок! — проговорил я и стал прикидывать, как оградить милую мою от домогательств. Ладно бы дело ограничилось взяткой, но я знаю Нику. Она вспылит, может наделать глупостей, а этот жулик, возможно, не один работает. «Прямо здесь он приставать не станет, камер полно. Наверху — тем более. А в лифте? В лифте нет камер, ответила Сеть. «Значит, надо попасть в лифт», — решил я. Оказалось, сделать это проще простого. В нижней части сдвижной перегородки имелись отдушины, в крыше кабины — тоже. Я завис под самым потолком. Ждать пришлось недолго: мужской голос прогудел: «Входите же!» — двери разъехались, и я увидел улыбающееся личико Ники. Она бодрилась, в кабину вошла, задрав нос. «Быстрей давай, пока едем. В кабине камер нет», — накинулся на неё Семён Петрович.

— Как бы намекнуть этой сволочи, чтоб катился ко всем чертям? — спросил я себя. — Пугнуть надо.

Выражение лица Ники внушало опасения. Не бросилась бы она на него, один Гейтс знает, что у этого типа в карманах. «Как его пугнуть?» Он наказан условно и боится высылки, ответила

Сеть. «Ага! — сообразил я. — Тебе, дружок, надо напомнить о Большом Брате!»

«…потаскушка, я тебе устрою прогулку в парке!» — шипел лифтёр. «Ну-ка отдай паспорт!» — грозно прикрикнула моя милая. Настала пора вмешаться, я снизился и завис над ними сантиметрах в двадцати.

«Ай!» — Ника отшатнулась, глядя на меня с омерзением. «Хэ-э!» — дохнул лифтёр, глаза его съехались к переносице.

— Что, замочил штаны, долбоящер? — спросил я, наблюдая, как бледная рожа вымогателя, занявшая пол-экрана, покрывается бисеринками пота.

«Паспорт давай!» — потребовала Ника.

— Молодец, что вспомнила, — заметил я, — но лучше бы вообще не отдавала документы всяким проходимцам. Ведь я же предупреждал, не разговаривай с кем попало…

Тут я вспомнил, что нравоучений всё равно никто не слышит. Никто, кроме Сети. У меня тут же возникли неопределённые подозрения, поэтому особо не обрадовался, когда увидел, что паспорт вернулся к Нике. Я повисел ещё перед физиономией взяточника, больше для порядка, чем в назидание, и вылетел наружу. Чувство опасности не покидало меня, даже усилилось. Я огляделся, желая установить, откуда угроза. Улица. Парковое шоссе, ответила Сеть. Электрокары на стоянке. Такси, ответила Сеть, номера лицензий… Я отмахнулся, к чёрту лицензии. Сделал полный оборот, оглядываясь. Кому лифтёр машет? Какой-то странный жест… Когда я получил ответ Сети, кем используется этот жест и что означает, чуть не лопнул от злости. С разлёту заехал этой сволочи, Семёну Петровичу в лоб, хотел добавить ещё раз, метя в глаз, но потом до меня дошло — лучше мне заняться теми, кому он сигналил. Пока не поздно. Такси отъезжает. Кто водитель? Когда пришёл ответ, я понял, что нужно искать новое средство защиты, одного шмеля мало. Айдиот, сидевший за рулём такси, судим был всего только раз, но не за браконьерство какое-нибудь. Он содержал е-бордель в Нижнем. Сутенёр. Бордель накрыли, попутно всплыло ещё одно дельце, связанное с исчезновением чипанутых клиентов, но причастность к этому владельца притона доказать не удалось. «Похоже, и этому помогли с условно досрочным освобождением, — сообразил я, разобравшись в обстоятельствах дела. — Но на это плевать. Чем он занят здесь? Просто таксист или…» Пока я раздумывал, такси выехало с парковки и повернуло туда же, куда пошла Ника. Угроза стала явной. Что делать? Беспилотный коптер, ответила Сеть. В пределах десяти секунд лёта находятся геликоптеры с бортовыми номерами… «К чёрту номера! Любой!» — подумал я,

лихорадочно соображая, как перехватить управление. Вот адреса портов, подсказала Сеть. В первый подсунуть команду «сбросить контроль четности», во втором погасить последний бит. Выждать. Вписать туда ссылку на терминал ручного управления. И тут же команду переадресации в первый порт. «Поймают тебя, Нетребко», — думаю, а руки сами скачут по клавишам. Новое окно. Это видео с камеры коптера. Где я? Ага, над парком. Выше подняться… Вон машина. Сейчас он нагонит Нику. Вперёд!

Горизонт накренился, в окне терминала мелькнули ветви деревьев, потом асфальт шоссе. Я перескочил в другое окно, подхватил шмеля, привязал курс к белой кепке Ники и дал полную скорость. Нелёгкое это дело — править двумя рулями. Голова кругом. Ещё бы разобраться с вооружением беспилотника. Автоматическая малокалиберная пушка, разрывные снаряды, ответила Сеть. «Хм-м, лучше бы обойтись без трупов», — подумал я с неудовольствием, следя, как увеличивается в крестике прицела широкий капот электрокара. Потом спохватился: шмель! И вовремя. Чуть было не влепил моей милой подзатыльник. В каких-нибудь двух метрах отвернул.

«Вы очень торопитесь, девушка?» — услышал я. Голос показался знакомым, где я его… В записи разговора господина Палинского с человеком, который представился как Гвидо, ответила Сеть. «О чём они говорили?» — спросил я, выводя коптер на встречный курс. Длинная машина лениво ползла вдоль тротуара. Я одновременно получил ответ Сети: «О поставке живого товара» и услышал ответ Ники: «Да, я тороплюсь». Правильно, милая, пошли его к чёрту, думал я, соображая, что означает «поставка живого товара». Иногда туплю, я же уже говорил вам. Когда понял, что это значит, больше не раздумывал, но за это короткое время сутенёр много успел. Перегородил дверью машины тротуар и вывалился наружу. Я привязал курс шмеля к его правому глазу, позволил насекомому атаковать на автопилоте и переключился на коптер. Еле удержался от того, чтобы всадить заряд в круглую кучерявую голову. «Андрей!» — отчаянно визгнула Ника. «Андрей-Андрей, — передразнил водитель, — держи хрен бодре…» И в этот момент он, отмахиваясь от шмеля, заметил висевший над крышей машины коптер. Я злорадно усмехнулся, заметив, как вытянулась мерзкая физиономия Гвидо. Можно было дать шмелю отбой. Я быстренько переключился, увёл насекомое в сторону, чтоб не зацепить его ненароком. «Я ничего! — бормотал между тем водитель — Подвезти хотел! Я сейчас уе…» Он юркнул в салон.

— Нет, дорогой друг, уехать я тебе не дам, — процедил я сквозь зубы, выполнил боевой разворот и с первого захода всадил

снаряд ему в колесо. Делая второй заход, мельком изучил обстановку шмелиным глазом. Водитель на дороге, повернулся спиной. Ника отбежала и залезла в кусты. «Молодец», — похвалил я храбрую девушку и выстрелил во второй раз, в лобовое стекло, особо не целясь. Нужно было дать понять дорогому Гвидо, что сегодня не его день и садиться за руль ему больше не следует, а лучше и вовсе убраться подобру-поздорову в Нижний. Глянув через крестик прицела на бешено работающие лопатки Гвидо, я решил, что затея удалась. Но коптер отпускать было рано, и я перевёл его в режим патрулирования, перенёс конечную точку маршрута к воротам парка и снова переключился на окно инсектобота.

— Ну не почудилось же мне?! — услышал я изумлённый голос Ники.

Некогда было разбираться в её фантазиях, и я дал понять моей милой копуше, чтоб не застаивалась. Легонько подтолкнул в спину.

Обстановка несколько разрядилась, мне бы вздохнуть с облегчением, но чувство тревоги не проходило. Казалось, на меня глядят отовсюду. Осмотревшись, я заметил инсекта, потом ещё одного. Они не проявили ко мне интереса, спешили по каким-то своим шмелиным делам. Может быть, это были самые обыкновенные насекомые, но, глянув на них, я вспомнил — инсектоботов много, дежурный рой висит над городом. Система видела, что произошло на шоссе, скоро здесь будет полиция, и, что хуже всего, — кто-то может заинтересоваться Никой. Нелепо предполагать, что Далила просматривает все полицейские истории Города, но если в сводке новостей проскочит ник моей милой… Тут же мне пришло в голову, что сам факт покупки визы и поездки в лифте тоже, быть может, уже известен Лилечке. Я забеспокоился. Не с этим ли связано чувство опасности? Не изучает ли она мои поисковые запросы? Да, ответила Сеть. Запросы подвергаются исследованию в настоящий момент. Еле сдержал желание найти адрес того, кто мною интересовался, для начала нужно было понять, чем мне грозит такое пристальное внимание. Я представил себе, как оформлены мои запросы, и обнаружил примечательный факт. Пока я был связан с Сетью непосредственно, без дримодема, Лилечка, будь она даже сто тысяч терабайт во лбу, не в состоянии разнюхать, кто я.

— Как я теперь узнаю, куда идти? — услышал я. Голос Ники вернул меня к реальности. К сожалению, разговаривать шмели не умеют. Я огляделся, заметил, что мы с Никой добрались до входа в парк, перелетел на другую сторону и завис у ворот, надеясь, что буду правильно понят. И несказанно обрадовался, когда увидел,

что милая моя спускается в подземный переход.

«Итак, — думал я, — узнать меня в Сети можно только по дримодему. Если я войду туда своим девайсом, Лилечка сразу меня увидит. Она прекрасно знает, чего от меня можно ждать, поэтому включать собственный дримодем нельзя. Заметит меня в Сети — накинется всей мощью сразу, костей не соберу. Но у меня же есть ещё один девайс».

Я опрометью выскочил из-за стола и бросился в угол комнаты, где валялась коробка с дримодемом Кэтчера, вытряхнул девайс на пол, осмотрел — полный заряд! — нацепил на пояс, наложил дугу излучателя и надел ошейник, чтоб позже не тратить на это время. Осталось только включить. «Но это потом. Пока лучше воздержаться», — сказал я себе, возвращаясь к терминалу. Новый план нуждался в детальной проработке.

«Ох, как пахнет!» — услышал я восторженное восклицание Ники. Она жмурилась на солнце, что-то говорила о цветах, а я с ума сходил от болезненной раздвоенности. Хотелось быть с ней там, на дорожке парка, где солнечно и спокойно, и в то же время меня терзал страх. Я представил себе дежурный рой инсектоботов, висящий над городом, и мне стало хуже. Нужно срочно что-то с этим делать, но сначала обеспечить себе связь. Я подтолкнул Нику к воротам парка — милая, тебе туда! — облетел вокруг её головы и завис в воздухе, глядя ей в глаза. «Ну, чего тебе ещё?» — удивилась она.

— Ну же! Ника! Ну, протяни руку! — просил я. Она бесконечно долго смотрела на меня, улыбалась, а меня мучили предчувствия. Кто-то там был в парке. Кто-то опасный. Может быть, даже не один.

— Ну наконец-то! — выкрикнул я, увидев, как тянется ко мне гигантская ладонь. И тут же сложил крылья.

— Ай! — пискнула Ника. Всё завертелось на экране, потом движение прекратилось. Я лежал на песке к югу от носка правой туфли моей девушки. После меня подняли, осторожно положили на ладонь, осмотрели, спросили, не ушибся ли я, а затем изображение исчезло. Ника сделала то, чего я от неё ждал, — положила инсекта в карман. Теперь я в любой момент мог узнать её точные координаты, а главное — прекрасно слышал, что она говорит.

— И что мне теперь делать? — услышал я. Тон вопроса — беспечный. Я понял: ещё несколько секунд, и она войдёт в парк. Желание во что бы то ни стало защитить её от тех, кто ждал за оградой, сыграло со мной злую шутку. Я не удержался от искушения увидеть городской парк сверху глазами дежурного роя инсектоботов.

И я увидел. Странное ощущение. Кабинет Кэтчера стал призрачным, контуры предметов расплылись, сквозь них проступила панорама Верхнего Города — огромная пёстрая чаша. Я мог рассмотреть её в мельчайших деталях, стоило мне заинтересоваться отдельным фрагментом, его изображение разрасталось, тесня остальные кусочки гигантской мозаики. Я увидел парк — целиком, — прилепившееся к берегу канала пятно зелени разных оттенков, рассечённое морщинами тропинок. Потом, приглядевшись, я выделил те части, где нашёл людей. Шестнадцать человек, по двое у каждого входа. Охрана? Одежда защитного цвета. Прячутся. На мосту через канал ещё один, в белом. Входит. За ним тянется разномастная толпа. Ладно, эти далеко, у южного входа, подождут. Где Ника? Северный вход. Вот она. Трогает рукой створку ворот. Один из охранников на неё смотрит. В руке у него…

Заметив парализатор, я внутренне заметался. Где-то у входа должен быть коптер. Где? Я попробовал сосредоточиться на экране терминала, но ничего не получилось. Рой шмелей не отпускал меня, я не знал, как отключиться от шмелиного зрения. Охранник повернулся. Готовился прыгнуть из-за кустов. «Надо что-то делать!» — вопила эмоциональная половинка моего «я». «Не паникуй! — мысленно прикрикнул на неё я-логик. — Нужно войти в слой отладки». Я попробовал вызвать консоль, но не пустила Система. «Почему не получается?» В слой отладки можно войти только после регистрации, ответила Система. Всё понятно: без дримодема ничего и не получится. Система не может опознать меня, поэтому даёт только слой инфо. Смотреть могу, управлять — нет. Придётся врубить девайс, деваться некуда. Я стиснул зубы, нашёл кнопку на ощупь и включил модем. И тут же почуял, что консоль доступна. «Только очень осторожно, не светись без нужды», — мелькнула мысль. Что делать с охранником? Кто он вообще такой? Что ему нужно от Ники? Ответы пришли мгновенно: айдиот, модифицирован, номер чипа такой-то. Я выделил его инфопоток. Можно поставить заглушки. Усыпить. Вот так. Охранник мягко повалился на траву, и тут пришёл ответ на вопрос, что ему нужно от Ники. Ничего. Он блокировал вход, а против милой моей ничего не имел. Его задача — не пускать. Я зашипел сквозь зубы, но будить сторожа не стал. Ника уже была за оградой, к ней двинулся второй охранник. «Одним больше, одним меньше, — сказал мне ехидный внутренний голос. — Начал, так уж не останавливайся». Я помотал головой от досады, но всё же повторил процедуру усыпления. Ничего с ними не сделается, пусть отдохнут. Кому это вообще пришло в голову — перекрыть входы в парк? Юрию

Серову, услужливо ответила Система и выделила меткой светлую фигурку у южного входа.

— Зачем это ему? — удивился я и тут же получил информацию о распорядке дня господина Серова, известного реалиста. Он, видите ли, ежедневно совершал тренировочную пробежку, для чего и арендовал парк на час с четвертью каждый день. Зачем господину Серову эта дополнительная четверть часа, я не понял и не хотел понять. Не моё это дело. Честно сказать, я испытывал к широко известному в узких кругах актёру реал-видео необъяснимое предубеждение, граничащее с ненавистью. Это его идиотское указание охране — не пускать! — вывело меня из себя. «Какого герца?» — подумал я и обратился к консоли. Ника в парке; неизвестно, что ей грозит, если на выходе её поймает охранник. Не петь же колыбельную каждому из них! Я пригляделся — милая моя бодро шагала по дорожке на юг, прямиком к центральной рощице, господин Серов бегал вокруг клумбы у южного входа. «Прекрасно, — подумал я, — бегай, тебе мешать никто не станет. Но и ты мне не мешай. Сейчас я кое-что шепну твоим ребятам». Я разбудил стражей северного входа, параллельно разыскивая служебный канал охраны господина Серова, нашёл его и дал команду «всем постам — отбой».

— Через лес не пойду, — услышал я голос Ники. Глянул вниз и увидел милую мою у края рощицы. Скажет тоже — лес, однако нужно всё-таки подбодрить её. Я поискал свой беспилотник через Сеть и ужаснулся. Его сбили. Вот он — в ветвях запутался у северного входа. Кто это сделал? У охранников же парализаторы, а не зенитные установки! Личный беспилотный геликоптер господина Серова, ответила мне Система. Атаковал внезапно и поразил двумя выстрелами. Видеозапись воздушного боя… «К дьяволу запись! — подумал я. — Что ж такое-то, всё время я на этого Серова нарываюсь?! Где тут его беспилотник, сейчас как навалюсь всем роем!» Лучше бы мне об этом не думать. И ведь собирался же ограничить свои действия в Сети осторожными запросами к базам данных и мелкими проделками! Это же надо было придумать — лишить Верхний Город наружного наблюдения, а заодно и систему ретрансляции нарушить! Если добавить к этому, что я машинально включил образный режим управления слоем отладки, станет понятно — большей глупости просто не смог бы сделать, даже если б захотел.

Меня оторвало от реальности, разметало в радиусе пятнадцати километров и лишило тела. Я стал разумным облаком. Не так чтобы уж очень разумным, если вдуматься. Первым делом инстинктивно попробовал собраться и с радостью ощутил, что это до некоторой степени удалось. Внимание моё

было приковано к Нике, я стремился туда всем своим существом. По мере того как я сгущался над рощей, изображение становилось резче, качественней; теперь можно было видеть листья на ветвях, птиц, несколько белок, но не для того же я собирался, чтобы любоваться природой! Где беспилотник? Ага, вот он. Я засёк коптер, поставил на контроль его координаты и снова глянул на Нику. Что она говорит?

«Не пойду и всё. Там холодно, — услышал я словно бы издалека. — А тут хорошо, солнышко пригревает. О!.. Что-то оно спряталось, вроде не было на небе ни облака, откуда же?..»

Она смотрела на меня с ужасом. В принципе, ничего странного в этом не было, не каждый день увидишь, как над твоей головой собирается рой инсектоботов. Надо как-то успокоить её. Я отрешился от внешнего мира, сосредоточился и стал изображать собою надпись: «НИКА!»

— Что?

— ЭТО Я, — ответил я. Приходилось действовать предельно чётко, но тогда я ощутил приказ извне. Кто-то пытался распылить меня. «К чёрту!» — огрызнулся я, потом понял — это Система пробует вернуть управление. Если Далила заметит мои фокусы с роем инсектоботов, нам с Никой крышка. Нужно было придумать на ходу трюк. Ага! Каждый инсектобот хранит в памяти запись последних двенадцати минут. Я дал шмелям команду переиндексировать стек и подсунул Системе ложную картинку двенадцатиминутной давности. И тут моё внимание отвлёк взволнованный голос моей подруги. «Кто вы?» — спросила она. Я не сразу сообразил, что вопрос относился ко мне. То есть не ко мне, а к рою шмелей, конечно. «ДРЮ», — ответил я. Как смешно выглядит Ника, когда глаза протирает. Я ждал. Требовалось недюжинное усилие воли, чтобы выдерживать строй.

— Знаешь, Дрю, — возмутилась Ника, — это совсем не смешно. Чуть меня заикой не сделал. Бросил меня одну в лесу, а сам летаешь. Куда мне идти теперь?

«СЮДА», — ответил я и превратился в указатель, нацеленный носом на юг. «Андрей, ты меня слышишь?» — спросила моя сообразительная подруга. «ДА», — ответил я. У меня не было времени на пустые разговоры, когда-то же фальшивая видеозапись закончится, и тогда…

— А как? — спросила Ника.

Если б я мог рычать, зарычал бы от раздражения. Ну что за глупышка! «ШМЕЛЬ!» — подсказал я ей. И всё равно она не сразу поняла, что речь идёт об инсектоботе. А ведь сама же и положила его в карман пять минут назад! «НЕТ ВРЕМЕНИ!» — напомнил я и вдруг почуял, — времени действительно нет. Рой атакуют, на этот

раз серьезно. Опять этот знакомый запах… Далила заинтересовалась выбрыками системы безопасности Верхнего Города и пустила в ход эффекторы. Надо было немедленно затереть буфер команд дежурного роя, и я сделал это. Шмели порскнули в разные стороны. Жуткое чувство — будто тебя разрывает в мелкие куски. Разлетаясь, как облако пыли на ветру, заметил, что милая моя взялась за ум и уже пробирается через рощу, рассуждая почему-то о белках. Ну да, не смейтесь, именно о белках. Не нравилось ей, видите ли, что я вместе с другими особями мужского пола гонял для Лилечки белок в парке. Мы, стало быть, виноваты в том, что Далила стала такой… какой стала. Надо признать, известная доля истины в словах моей милой была. Я пожалел Лилечку, и очень зря. Она немедленно почуяла слабину.

Первую атаку я отбил неожиданно легко, но во время короткой передышки понял — мне просто повезло, а вернее сказать, сработала моя уловка с дримодемом Кэтчера. Лилечка считала, что в Сеть выполз нуб, плохо знакомый со слоем отладки, и поэтому не стала изобретать новые приёмы, а пустила в ход старых добрых и хорошо знакомых мне червей. Я поразмыслил и решил, что пора бы озаботиться более эффективной защитой. Пока она не напала вторично, требовалось захватить какой-нибудь ресурс и напасть оттуда первым, чтобы отвлечь внимание. Это должен быть мощный ресурс, мобильный, энергонезависимый. Я сосредоточенно думал над этим, одновременно мастеря в мозгу боевую программу из останков червей Далилы и наработок Кэтчера. Жуткий получался гибрид и громоздкий, как рой шмелей, если тот растянется над городом. Мощностей ему нужно было, как… «Погоди! — сказал я себе. — Кажется, я придумал, куда поселить это убоище. Нужно только найти шнягу для распределённых вычислений. Диспетчер. Маленькую такую шняжку, где бы её взять?» Вот, ответила Система, и я получил адрес кода и его длину. Остались пустяки. Я снова захватил управление над дежурным роем, запретил насекомым записывать видео в буфер, залил туда боевой код, а к прошивке центра управления полётами добавил диспетчерский софт и запустил его. И даже рассмеялся от удовольствия. Мои вормы разом кинулись на дриммонстра из шмелиных мозгов, да ещё как, любо дорого! Всем роем навалились. У Далилы теперь был выбор — уничтожить инсектов и потерять возможность видеть Верхний Город или отбивать атаки.

«Но это ещё не всё, солнце, — сказал я Далиле мысленно. — Есть же ещё два сменных роя…»

— Ну-ну, Дрю, не шути так! — грянул у меня над ухом голос

Ники. Я вздрогнул от неожиданности. Сами посудите, легко ли одновременно управлять тучей инсектоботов, писать боевой софт и провожать девушку через лес? Ника что-то ещё говорила, но я не слушал, пытался понять, где я. В конечном итоге снова глянул на милую мою сверху глазами шмелей. И обомлел. Её держал под прицелом коптер. Я забыл обо всём на свете и вломился в Систему, не разбирая дороги. «Чей беспилотник над парком рыскает?! А! Ч-чёрт, совсем о нём забыл». Разыскать личный коптер господина Серова и залепить ему все порты к чёртовой матери было не трудно. Обошлось. Беспилотник свалился в кусты, а милая моя… Я скрипнул зубами. Ника бежала по дорожке рядом с господином Серовым, болтая какие-то глупости. И снова о белках. Чем, мол, питаются в парке белки, если там орешки солёные не продаются. Смех один. Я фыркнул, чувствуя, что, в сущности, мне вовсе не до смеха. Хочется почему-то догнать господина Серова и накостылять ему по шее за беспилотник его гадский, за охрану в парке, за… «Дрю, да ты просто ревнуешь, оказывается», — съехидничал мой внутренний голос. На этот раз я узнал интонации Ники.

— Нет, — буркнул я и, чтобы доказать самому себе, что не настроен следить, как моя девушка бегает в парке со всякими богатенькими придурками, снова обратился к Системе. Милая моя двигалась в нужном направлении — на юг, и провожатый у неё был. И прекрасно.

Меня просто распирало от злости. Для разрядки чувств поднял по тревоге оба сменных роя инсектоботов, переподчинив их себе. Особого проку от захвата свободных от дежурства шмелей не было, но хотелось, чтобы Далила сама не могла этого сделать, когда поймёт, что дежурный рой взбунтовался. Пусть, думаю, повисят над городом, авось пригодятся. Я слегка успокоился и взялся за то, чем действительно стоило заняться. Стал обследовать магистральный волновод, маскируя на всякий случай свои действия под рутинный автоматический тест оборудования. Впрочем, Далиле всё равно было некогда, она отбивала атаку.

Самое удобное место для установки мины нашлось быстро. Я проверил по косвенным признакам и убедился — кто-то последние три года всё время сбрасывал флажок текущего обследования этого колодца. У меня остались кое-какие сомнения, но проверить справедливость гипотезы можно было только экспериментальным путём. В колодец слазить. Внезапно мне пришло в голову, что Ника может попросту не справиться с крышкой люка. Я колебался с полминуты, потом решил рискнуть. Поймал ближайшего робота-уборщика, взял управление на себя, с

большим трудом поднял крышку, отнёс её в сторону, а уборщика поставил над открытым люком и велел ему начищать ободок колодца. Пусть, думаю, делает вид, что занят делом. «Что ещё? Вроде бы всё готово. Как там Ника?» Вокруг неё невразумительно галдели, я прислушался, но разобрать ничего не смог, подумал: «Откуда там столько народу?» Попытался глянуть на парк сверху, но внезапно ослеп. Доли секунды хватило, чтобы я понял: дежурный рой инсектоботов перехвачен, мне нельзя к нему обращаться, потому что управление у Далилы, она ищет того, кто заказал атаку. Поздно спохватился.

Я ослеп и оглох, выключить модем на ощупь не удалось, не слушались руки, казалось, у меня просто нет тела. Незнакомый чрезвычайно мощный запах душил меня, туманя мозг, я сопротивлялся, но давило слишком сильно. «Она узнала меня?» Я проверил — нет. Если бы узнала, ударила бы наверняка, она не нападала, прощупывала почву. Оказалось, что всё это детские игрушки по сравнению с тем, что меня ожидало позже. Я собирался отсечь оба слоя, но вовремя одумался. Этак недолго сделаться слепо-глухо-немым навечно. Или не навечно? Когда-то же Ника… «Стоп! Об этом нельзя. Она может узнать». Я почти совсем отчаялся; удушливый запах трудно было переносить, но упрямец, живущий в моём мозгу, нашёл решение. Он обособился, снял копию запаха, стал неторопливо изучать её, а Далиле позволил захватить контроль над нервным типом, с которым мне, настоящему Андрею Нетребко, приходилось делить мозг. Лилечка тешилась победой над эмоциональным дебилом, а логик тем временем полез в Сеть и стал потихоньку, исподволь захватывать ресурсы.

Поразмыслив, я решил снова использовать память инсектоботов. Один рой сделался моими глазами и ушами, для второго я нашёл более серьёзное занятие — он превратился в оружие. Я развернул боевой код, полученный от Далилы, и стал модифицировать его.

Слышать, что говорит Ника, больше не мог. Органы чувств заняла Далила. Зато я видел панораму города гораздо лучше, чем раньше. Муниципальные базы данных были теперь доступны мне. Я увидел Нику Нэйм — она что-то спрашивала у швейцара отеля «Реалон». От колодца её отделяло каких-нибудь двести метров. Нужен был указатель. Медиаскрин, подсказала мне Система и развернула панель управления рекламным экраном, отметив его на карте. Оставалось выбрать узнаваемый образ. Что нравилось Нике больше всего? Дом на холме. Надо найти изображение. Вот, подсказала Система. Этот дом принадлежал… После, подумал я. Мне всё равно, как звали отца Ники. Только картинку и подпись

«Твой дом». Так, хорошо, она заметила. Теперь указатель. Нужен какой-нибудь образ, понятный Нике Нэйм. Ника Нэйм… Есть свежая информация о Нике Нэйм, сообщила Система. Я не удивился. Чувства были недоступны мне, только логика. Я просто стал перебирать сообщения информационных агентств, в которых встретил знакомое имя.

«Ника Нэйм спрашивает, — заявлял канал «Природа», — чем питаются в каменных джунглях белки. Мы готовы поддержать акцию протеста, начатую мисс Нэйм. Что ответят нам владельцы синтокомбинатов, по вине которых ареал белок сузился до границ городских парков? Может быть, они расщедрятся и обеспечат животных хотя бы солёными орешками, если синтопартия не в силах…»

Дальше. Фото. Ника обнимает Юрия Серова.

«Нам удалось взять интервью у невесты известного реалиста, очаровательной Ники Нэйм, — сообщал своим подписчикам канал «Дольче вита». — Выяснились весьма пикантные обстоятельства. На тайном свидании в городском парке они говорили о белках. Поскольку господин Серов признался нашему корреспонденту, что интимной близости между ним и его возлюбленной ещё не было, мы рискнём предположить, что мисс Нэйм таким оригинальным способом дала понять, какой цвет изберёт для…»

Дальше. Ещё фото. Ника. И опять эти белки.

«Наш политический обозреватель, — писал «Обсёрвер», — в ходе короткой, но содержательной беседы с известной естеткой Никой Нэйм, смог выяснить, что же означал её каверзный вопрос о питании белок. Едкий сарказм, выраженный в краткой и ёмкой форме, предназначался правящей партии, которой, как поговаривают некоторые, симпатизирует господин Серов. «Белки ли мы, — как бы спрашивает у него девушка, — чтобы довольствоваться дешёвыми лозунгами, этими солёными орешками…»

Понятно. И белки, и солёные орешки тоже, раз Ника так активно интересуется политикой. Я отыскал изображение пакетика с орешками, клип о белках, соединил их, добавил надпись со стрелкой: «Орешки тут» и, пустив указание на экран, призадумался.

Зачем мне бежать от Сети? Ника собирается выйти замуж за Юрия Серова, и пусть. Мне это безразлично. Немного усилий, и я справлюсь с Далилой. Получу присоединённые мозги, подчиню Систему и сам стану ею. Зачем мне бежать от самого себя? Изучив вопрос всесторонне, я признал, что прав. Если бы я мог чувствовать, то ощутил бы презрительное безразличие к

мелочной человеческой возне, которую принято называть жизнью. Но чувств не было. Только логика и знания. Поэтому я просто начал осуществлять новый план.

Глава тринадцатая

Стрелка указателя привела Нику в тупик. Узкий въезд полсотни метров длиной, без сомнения, был оборотной стороной деловой части города. Какие-то закусочные и прачечные сомнительного вида, в тупике — высоченные глухие ворота, а за ними — унылая серая стена без единого окна. Должно быть, зады административного здания. И спросить-то не у кого, даже если знать, о чём спрашивать. Не станешь же приставать к прохожим с вопросом: «Скажите, пожалуйста, где здесь у вас заминированный колодец?» — и так тоже: «Прошу прощения, где здесь главный магистральный волновод мэрии?» — не скажешь.

— Разгар дня, а здесь ни души, — буркнула Ника, оглядываясь. — Если не считать кибера. Андрей, не думаешь ли ты, что я стану допрашивать автоматического уборщика? И потом, он же занят! Интересно, какой ненормальный дал ему задание драить эту железяку? Она блестит уже, как… Ай!

Кибер дал задний ход, изящно развернулся, свистнув обрезиненными колёсами, и поднял обе пары манипуляторов, те, что со щётками, и те, что с хваталками. И мигнул лобовым фонарём.

— Ну, здравствуй, — тихонько проговорила Ника. Уборщик молча указал правой хваталкой на чёрный провал колодца.

— Как-то страшновато, — призналась ему девушка. — Вдруг это ловушка? Залезу туда, а ты — хлоп! — крышку сверху. И поминай как звали. Такую тяжёлую мне самой не поднять.

Кибер безмолвствовал, настойчиво указывая манипулятором в люк. Ника подошла ближе и невольно поёжилась. Из люка несло затхлой сыростью, но колодец был не глубок и без воды на дне. Какие-то чёрные глянцевые трубы.

«Он и не может быть глубоким, — сообразила девушка, — там же перекрытие. Если пробить дно, через дырку можно будет увидеть Нижний Город. Ничего там страшного нет. Давай же, не трусь».

Она вздохнула и полезла в люк, бурча под нос:

— Бессовестный ты, Андрюшечка, сидишь там себе внизу в удобном кресле, а меня заставляешь лазить по грязным сырым колодцам. Ободок-то ты вычистил, а внутри? Если хочешь знать, я недавно встретила тут одного реалиста. Уж он-то не стал бы заставлять свою невесту изображать слесаря-волноводчика. Фу-у, как тесно тут. Какой-то шкафчик. И табло с кнопками. Не хочешь ли ты сказать, Дрю… Дрю!

Ника сняла кепку, чтобы не мешал козырёк, полезла в карман

и достала инсектобота.

— Что мне теперь делать? Ты бы крылышками помахал, что ли. Лежишь как дохлый. Эх ты, а ещ… О!

Шмель приподнялся на ладони, царапнул кожу, девушка дёрнула с перепуга ладонью и уронила чёрное тельце, но шмель не упал. Завис, жужжа, возле серой коробки, к которой прилеплено было табло с кнопками, а потом дважды ткнулся в невзрачную клавишу.

— Ты сам не сможешь. Сейчас.

Ника нажала кнопку, прибор пискнул, на табло зажглись цифры, и пошёл отсчёт. Шмель тут же сложил крылья и упал замертво. Ника подняла его и сунула в карман.

— И всё? — разочарованно протянула она. — Ради этого нужно было заставлять меня сюда ехать? Это свинство, Андрюшечка. Платить кучу денег за визу, сносить хамство, отбиваться от всяких типов, пробираться через лес только для того, чтобы нажать кнопочку и пустить отсчёт? Извини, но это даже не смешно. Сделал из меня террористку, загнал в колодец. Если твой глупый кибер сейчас вздумает закрыть крышку…

Тут мисс Нэйм пришло в голову, что отсчёт, вообще-то, уже пошёл. И кибер действительно может закрыть люк, если ему дали задание подождать немного, а потом закрыть.

— Подожди! — пискнула девушка и взлетела по неудобным осклизлым скобам короткой лестницы. — Не закрывай!

Уборщик стоял и ждал, пока взъерошенная террористка в теннисной куртке, короткой юбке и теннисных туфлях не выпорхнула из люка. Как только это произошло, он лихо развернулся, обрушил на тротуар тяжеленную, прислонённую до этого к ограде крышку и стал подпихивать её к горловине колодца манипуляторами.

— Еле успела, — пожаловалась ему Ника. Очень хотелось поделиться с кем-нибудь переживаниями, но уборщик не подал виду, что его интересует внутренний мир девушки в теннисном костюме, а шмеля поблизости не оказалось.

— Ну и ладно, — обиженно проговорила она. — Дело я сделала и теперь не нужна никому. Я так и знала, Дрю, что этим кончится.

Она неспешно побрела прочь от колодца, обречённого на уничтожение. Уборщик обогнал её и за угол завернул так, что дым из-под колёс пошёл. На углу в лицо дунул ветер, взъерошил волосы. «Кепку я оставила в люке, — сообразила Ника, оглянулась, но возвращаться не стала. — Всё равно крышку поднять не смогу. И не надо. Кепка надоела. Дрю говорил, мол, если надвинуть на глаза и смотреть вниз, меня не узнают. Пусть

узнают. Не хочу больше прятаться. Дело сделано».

Сознание выполненного долга — приятная штука, но для того, кому нужно бежать, очень уж неудобная. Ника жмурилась на солнце, — забытое ощущение, — подставляла лицо ветру, — в Нижнем Городе не ветер, а сквозняк! — шла неторопливо, расслабленно, и до того ей было хорошо, что хотелось мурлыкать. Она глянула мельком на рекламный экран реал-холла, но там ничего интересного — какая-то афрокожая девица с чашечкой кофе. Реклама.

— Не выпить ли мне кофе? — спросила её Ника, рекламная девушка кивнула, загадочно улыбаясь. Мисс Нэйм огляделась — где-то здесь видела уличное кафе, — заметила на другой стороне крошечную, четыре столика всего, площадку за низкой плетёной изгородью и — без неё засну на ходу! — решила потратить немного наличных денег и десять минут времени на чашечку кофе.

Один из столиков справа от входа занимал солидный сребroголовый старик. Он величественно знакомился со свежими новостями, причём не на экране какого-нибудь там налокотника, и не в чип получал (поскольку модифицирован не был), а сквозь старомодные очки в тонкой оправе разглядывал разворот бумажной — подумайте только! — газеты. Разворот — очень хорошее слово. Чтоб развернуть газету, седому любителю дорогих диковинок пришлось развести руки на ширину стола; может быть, поэтому он забыл о выпитой всего лишь наполовину чашке чёрного кофе и превращённой в серый столбик пепла драгоценной сигарете.

Ника повела себя бесцеремонно. Сказала старому естету: «Здравствуйте», прошла мимо него и уселась за столик по другую сторону от двери. Сребroголовый мужчина встретил её высокомерным подслеповатым взглядом поверх газеты, потом наклонил голову таким образом, чтобы видеть дерзкую девчонку поверх очков. Его брови, похожие на мохнатых белых гусениц, поползли вверх.

«У меня в одежде что-то не так?» — забеспокоилась Ника, поправила волосы и одёрнула юбку.

— Эгхм! — сказал пожилой господин в седые усы, глянул в газету сквозь очки, потом снова уставился на смущённую девушку поверх них. Засим и проговорил звучно:

— Здравствуйте, мисс Нэйм.

— Здра… — начала названная мисс, но осеклась. Здороваться во второй раз глупо. «Откуда он меня знает? Он сыщик?»

— Никогда бы не подумал, — осуждающе заявил сребroголовый, опуская руки, занятые газетой, — что девушка с

такими внешними данными, естетка, и к тому же неглупая, может быть социалисткой.

— С чего вы… простите… почему вы решили, что я социалистка? — возмутилась Ника. Нелепое замечание старика совершенно сбило её с толку, спросить, откуда тот знает туристку, прибывшую в Верхний Город по одноразовой визе, попросту забыла.

— Мисс Нэйм?! — прощебетал рядом девичий голосок. — Вы что-нибудь закажете в нашем кафе?

Ника вздрогнула. Официантка смотрела на неё сверху вниз, но с таким подобострастием, к коему названная мисс Нэйм не привыкла.

— Ко… кофе, — ответила она. — Чёрный. Сахара не нужно.

— Спасибо, мисс Нэйм! — пропищала осчастливленная девушка. «На слабоумную не похожа, — думала Ника. — Может, это у меня уже размягчение мозгов? Что происходит, откуда они все меня знают?»

— Вы позволите? — пророкотал рядом звучный голос. Официантка словно бы испарилась, вместо неё Ника увидела рядом седого старика с его газетой.

— Пожалуйста, — пролепетала она, подвинувшись и снова без всякой нужды оправляя юбку.

— Так, значит, вы не придерживаетесь социалистических взглядов, — удовлетворённо констатировал старик, усаживаясь напротив неё. — Понимаете ли, мне, как человеку консервативных убеждений, показалось странным прочесть в свежем выпуске «Обсёрвера», что невеста господина Серова социалистка. Я хорошо знаю Юрия, и мне не хотелось бы…

— Ваш кофе, мисс Нэйм! — пропел над ухом Ники приятный голосок. На столике перед нею возникла изящная чашечка. Ника, привыкшая к автоматическому обслуживанию, поискала пальпатор, чтобы расплатиться, потом припомнила — Андрей просил расплачиваться наличными! — и полезла в карман куртки за деньгами.

— Ну, что вы, мисс Нэйм, как можно! — запротестовала официантка, прижимая к оборчатому переднику блокнот. — Для нас большая честь угостить вас за счёт заведения. Хозяин приказал спросить, не согласитесь ли вы…

— Эгхм! — внушительно кашлянул сосед Ники по столику, глянув на служительницу кафе уничтожающим взглядом. Впрочем, официантку такое обращение не смутило.

— Не согласитесь ли вы, — продолжила, потупив глаза, эта настойчивая юная особа, теребя оборку передника, — расписаться в моём блокноте?

Ошеломлённая Ника начертала первый в своей жизни автограф рядом с неразборчивой записью: «Коф. ч. б. с.-1», — не обращая внимания на презрительный возглас старого естета.

— Позор! — повторил тот с негодованием и проводил официантку взглядом из-под бровей-гусениц.

— Прислуга совершенно отбилась от рук, — пропыхтел он, обращаясь к Нике. — С каждым годом становится всё хуже и хуже. Лет двадцать назад я говорил отцу господина Серова, что мир катится в тартарары. Мы крепко с ним поспорили тогда, он утверждал, что скоро в медные жилы консервативной партии вольётся свежая кровь, а я сказал ему тогда — поговорим с тобою, когда сын твой, Юрий, введёт в дом социалистку. Я бы и рад ошибиться, говорил я ему в тот же день за обедом. Мы даже слегка повздорили. И что же пишут сегодня в «Обсёрвере?»

— Что там пишут? — из вежливости поинтересовалась Ника, с наслаждением прихлёбывая великолепный кофе мелкими глотками. Никогда раньше не пробовала такого; в сравнении с ним пойло из автоматов — помои.

— Полюбопытствуйте.

Седовласый господин напрасно просил девушку проявить любопытство. Сама по себе газета, независимо от содержания, вещь достаточно редкая и интересная, но когда она оказалась у Ники в руках, образ респектабельного консерватора несколько потускнел. Она не была настоящей, эта его газета. Пыль в глаза. Обычная электронная бумага, из дешёвых. Даже блокнот служительницы кафе и её ручка в глазах знатока редкостей ценились дороже. Ника украдкой глянула на официантку, оживлённо болтавшую с кем-то по телефону, отпила глоточек кофе и посмотрела на фотографию, украшавшую первую полосу. Поперхнулась, закашлялась и вынуждена была поставить чашку. На фото — девушка в короткой юбке и теннисной куртке, снятая в странном ракурсе: снизу. Позади неё беснуется толпа. Глаза девушки смешно вытаращены, рот открыт, юбка раздута ветром — вид дурацкий, но хуже другое.

— Это же я! Моя фотка!

— Неудивительно, что в статье о вас есть ваша фотография.

Ника скользнула взглядом по гигантскому заголовку: «Ника Нэйм спрашивает», перед глазами её запрыгали строчки: «Наш политический обозреватель в ходе короткой, но содержательной беседы… Белки… Едкий сарказм, выраженный в краткой и ёмкой форме, предназначался… господин Серов… дешёвые лозунги… Только социальное согласие как результат компромисса, сказала социалистка Ника Нэйм…»

— Я ничего такого не говорила! — возмутилась она,

сворачивая газету. — Я не социалистка! И вообще, я не давала разрешения на съёмку в таком ракурсе и в такой…

Мисс Нэйм проглотила слова о «короткой юбке». Разрешение разрешением, а ведь одежду выбирала она сама.

— Это позор! — горячо поддержал её друг семьи Юрия Серова. — Я полагаю, вы просто обязаны после вашей свадьбы подать в суд на этот бульварный листок.

— Свадьбы? — переспросила, хлопая глазами, Ника.

— Да! — ответил старый естет, раздувая усы. — Вашей с Юрием свадьбы. Вы простите мне вольность, но это уже ни для кого не секрет. Я очень рад за вас. Понимаете, я-то думал, что это очередная «утка» социалистических журналюг, но теперь вижу… Хо-хо!

Он пыхтел и посмеивался, разбирая пухлой рукой свои усы, глаза его стали похожи на щёлочки, Ника мельком подумала, что седой господин смахивает на моржа, и тут суть известия дошла до неё.

— Что?! — Девушка вскочила. — Это… Это же…

Она хотела сказать «чепуха», но к ней бросилась официантка, не отрывая от уха телефон. Она кричала:

— Да я же тебе говорю, она здесь, у меня!.. Мисс Нэйм!.. Погоди, зайка, не вешай трубку, я как раз говорю с ней самой. Мисс Нэйм, скажите, вам понравился наш кофе?

— Да-а, — протянула, растерявшись от неожиданности, мисс Нэйм. — Очень хороший кофе, никогда такого не пробова…

— Ты слышишь, зайка? А ещё, мисс Нэйм, мы с подругой очень интересуемся, правда, что ваше свадебное платье будет оранжевого цвета?

— Пф-ф! — фыркнул старый морж. — Оранжевого!

— Ну да, — трещала официантка, подсовывая Нике под нос телефонную трубку. — Такого, знаете, беличьего цвета. Так ведь, мисс Нэйм?

Нике стало нехорошо. То ли кофе был слишком крепким, то ли по какой-то другой причине, но на ногах она не устояла, пришлось сесть.

«Они сговорились! — метались в её голове по-беличьи суетливые мысли. — Свадьба! Платье! Белки! Это сговор! Они узнали, зачем я здесь, и разыгрывают комедию! Сейчас сюда пришлют полицейскую машину, и меня затолкают в неё! Кто-то узнал о мине в колодце!»

— Ох! — выдохнула она, обращаясь к официантке. — Сейчас же будет…

«Бдум!» — грохнуло за углом, в окнах задребезжали стекла, из переулка вынесло облако пыли, потом оттуда лениво

выкатилась крышка колодца, наткнулась на поребрик, подскочила невысоко, поворочалась с лязгом, устраиваясь на новом месте, и успокоилась окончательно.

— Взрыв, — хладнокровно прокомментировал старый консерватор, поправляя съехавшие очки. — Чего ещё ожидать от города, в котором издают социалистические газеты. Позор!

Ника прислушалась. Ей почудился вой полицейской сирены. «Вот, милая моя, тебе и кофе, — сказал Нике внутренний голос. — Ты напилась? Теперь набегаешься». Может быть, показалось? Откуда звук? Девушка поднялась и, не обращая внимания ни на пожилого господина, ни на официантку, направилась к выходу. Нет, не почудилось, справа звук. «Ничего, — подумала она, оглядываясь через правое плечо, — мне же к южному входу в парк. Это налево по улице, между двумя небоскрёбами. Я помню. Что это?» Ника Нэйм, совсем было собравшаяся организованно отступить, случайно зацепилась взглядом за рекламный экран. Вместо кофейной девушки он показывал мисс Нэйм с изящной чашечкой в руке. «Выбор Ники Нэйм» — гласила гигантская оранжевая надпись. Потом всё это исчезло, на оранжевом поле осталась только чашка с блюдцем и надпись, как бы от руки: «Очень хороший кофе. Никогда такого не пробовала», а под нею был изображён вполне достоверный автограф мисс Нэйм.

«Я схожу с ума, — сказала себе бедная девушка, просмотрев рекламный клип во второй раз. — Меня не в полицию заберут, а в сумасшедший дом. Да-да, там мне и место. Андрей просил ни с кем не заговаривать, а я…»

Сирена звучала явственно, но асфальт будто клеем намазан. Ника не могла сдвинуться с места и словно зачарованная смотрела, как на перекрёсток рядом с реал-холлом вывернула длинная чёрная машина с мигалкой на крыше. Синий — красный. Вой сирены вонзился в уши. Синий — красный. Из-за поворота за машиной выскочили какие-то люди. Много людей. «Шах! Ша-шах!» —

Вспышки. Синий — красный. «Очень хороший кофе. Никогда…» — долдонил экран.

«Никогда бы его не пила, если б знала заранее, чем это кончится, — думала мисс Нэйм. — Поймают, спросят: а чья это кепка осталась на месте преступления?»

Только этой мысли и не хватало, чтобы запланированное отступление превратилось в паническое бегство. Мисс Нэйм рванула с места, на секунду ей показалось даже, что она выскочила из туфель и бежит босиком, но это, конечно же, был самообман. Как ни спеши, всё равно машина быстрее. Звук

сирены толкал в спину, накатывал, подгонял. Думая только о том, чтобы не споткнуться, Ника смотрела под ноги, изредка оглядывалась через плечо, но внезапно ей показалось, что сирена не только позади. Спереди тоже, со всех сторон! Она глянула на бегу туда, где спасительный просвет ущелья между двумя небоскрёбами, и к невообразимой какофонии из воя полицейских сирен и рёва толпы добавился её собственный крик. Бежать некуда. Навстречу, мигая огнями — синий — красный! — неторопливо ползла вторая машина, а за нею валила, затапливая улицу, плотная толпа. Девушка заметалась как загнанный в западню зверь, но деваться некуда. С обеих сторон, уже совсем близко. Вспышки слепят. Под ногами красное. Ковровая дорожка, ступени. Может, попробовать туда? Ника проследила, — вверх! — куда ведут ступени, — ещё выше! — и увидела над помпезными колоннами надпись «Реалон», под нею распахнутые настежь двери и швейцара, похожего на обряженную статую. Туда бежать тоже страшно.

— Уо-о! — ревели со всех сторон. За спиной стукнула дверца. Ника огляделась затравленно, но из-за вспышек не сразу поняла, что сдерживает беснующихся людей и почему на красной дорожке кроме неё всего только один человек. Его она тоже не сразу узнала — успел сменить костюм.

«Их теснят. Не дают приближаться», — догадалась она, щурясь от фотовспышек.

— Зачем вы здесь? — громко спросил у неё, оказавшись рядом, тот, кому разрешалось ходить по красному. — Теперь не получится объявить нашу встречу случайностью. Пойдёмте внутрь, иначе они сейчас прорвутся. Моя охрана ненадёжна.

«Тот самый тип, с которым я бегала в парке. Серов его фамилия. Имя я теперь тоже знаю».

— Послушайте, Юра! — Ника Нэйм горячо обратилась к бегуну, сменившему спортивный костюм на смокинг; и говорила громче, чем следовало, просто потому, что нужно было перекричать толпу. — Юра, это недоразумение! Все эти белки и платья — глупости!

— Недоразумение зашло слишком далеко! — кричал ей Серов, пытаясь поймать за локоть. Мизансцена получилась весьма аффектированной, не хуже, чем в старых видеофильмах.

— Пойдёмте же! — уговаривал он. — Иначе нас разорвут в клочья!

Толпа бесновалась, глас народа был похож на гром, а блицы напоминали вспышки молний. И тогда случилось в Верхнем Городе ещё одно знамение — пошёл чёрный град. Сверкающие шарики запрыгали по тротуару и красной дорожке, один из них

угодил Нике Нэйм в голову, следующий больно щёлкнул в плечо. Толпа корреспондентов, побиваемая градом небесным, отхлынула; мисс Нэйм услышала, как выругался господин Серов. Кто-то из охранников бросился к нему с открытым зонтом. Внезапно Ника сообразила, где видела такую же чёрную, с металлическим блеском, градину. Терзаемая дурным предчувствием, она наклонилась, двумя пальцами подняла с асфальта трупик инсектобота и положила его на ладонь. «Андрей, ты говорил, у нас всё получится. Ты говорил, всё будет хорошо. Ты же обещал!» — думала она, рассматривая неживое тельце, частичку поверженного Андрея Нетребко, его прах. Вспомнила, как, прощаясь с ним, погладила стриженую голову, чувствуя ладонью короткие, жёсткие, упрямые волосы. «Они отрастут, — сказал он тогда ни к селу ни к городу. — Они уже отросли немного».

— Что же я стою? — спросила она у господина Серова.

— Вот и я о том же, — раздраженно ответил он. Краем глаза Ника заметила, что над нею тоже раскрыт зонт, хоть чёрный град пошёл на убыль.

— Пойдем, наверху всё обсудим, — господин Серов, избавленный от ударов града, обрёл толику обычной для него уверенности в себе.

Ника оттолкнула его, затем, убегая, обернулась и запустила в известного реалиста в знак прощания инсектоботом, но, кажется, не попала. Врезалась в толпу, пробилась, резко пихаясь локтями, сквозь изрядно поредевшие после градобития ряды корреспондентов и зевак и бросилась вон из опасной расселины в стене каменных джунглей к спасительному входу в парк. Задыхаясь от стыда, бежала всё же довольно быстро.

— Я сейчас, Андрюша. Сей… час.

Последнее, что он сказал ей: «Возвращайся быстрее. Кто-то должен выключить модем. Боюсь, самому мне с этим не справиться».

— Дура несчастная! — вслух ругала себя Ника. — Вот он вход. Двадцать минут ещё бежать до лифта. Ну, пусть пятнадцать. Да ещё лифт какой медленный! Да ещё от лифта. Дура и есть. Столько времени потеряла! Кофе! Орешки! Белки эти, чтоб их… О, господи!

Дорожка вокруг цветочной клумбы была запружена странным народом — все в рыжих балахонах и с плакатами в руках. «Хотим орешков!» Не протолкаться, разве что по головам пройти. Ника ввинтилась в рыжую толпу, с большим трудом пробилась на клумбу, пересекла её наискось, с таким расчётом, чтобы оказаться на знакомой тропке. На счастье, по другую сторону от клумбы

ряженые стояли не так плотно. «Хотим орешков!» — прочитала Ника Нэйм в последний раз, стыд снова обжёг её и погнал по тропинке, сквозь рощу, к северному входу. Потом она перескочила через шоссе, не тратя времени на подземный переход и думая лишь о том, как будет отбиваться от лифтёра. На этот раз ей повезло. Ни машин на стоянке, ни оператора лифта, никого. Даже подбитый коптером электрокар куда-то делся. Пытаясь попасть паспортом в щель турникета, Ника Нэйм прикидывала, что станет делать, если её разыскивают уже и не выпустят вниз, но турникет пискнул, — давай, поворачивайся! — пропустил её беспрепятственно — как медленно! — к лифту. Кнопка вызова. «Если не пустят в лифт, придётся слезать по лестнице», — подумала мисс Нэйм и приготовилась сделать это, но не пришлось. Разъехались двери. От волнения девушка не смогла с ходу попасть пальцем по шикарной золотой клавише и хлопнула по ней раскрытой ладонью. Пол кабины провалился под ногами. «Вниз он едет гораздо быстрее», — радовалась Ника, переводя дыхание. Не дожидаясь, пока двери раскроются полностью, скользнула в щель и в нарушение всех запретов мигом перелезла через перегородку паспортного контроля. Её не остановили, потому что некому было остановить. «Дальше Нижнего всё равно не вышлют», — запоздало сообразила мисс Нэйм и снова пустилась бегом, ощупывая в кармане ключ от двери. «Не потеряй!» — предупреждал Андрей.

— Я не потеряла, Дрю! Я сейчас. Вот она я. Теперь только дверь. Какой странный замок. Что там внутри за звуки?

За дверью глухое… — Ворчание? Мычание? Стон? — Ника задёргала рукой, пытаясь провернуть упрямый ключ, замок щёлкнул. Теперь ключ не хотел вылезать оттуда. Пришлось оставить его, а дверь бросить открытой настежь. В кабинете Кэтчера кто-то рычал по-звериному, изредка сбиваясь на стон.

— Андрей!

Перед терминалом никого, кресло в стороне. Отброшено. Посреди комнаты на полу извивался, выгибался дугой, бился в конвульсиях отвратительный… Нет, это не человек. Люди не бывают такими. Багроволицый. Хрипит. Язык наружу, на щеке кровавая пена. Шея перетянута ошейником, на ней вздулись жилы. Скрюченные пальцы за ошейник цепляются, силясь сорвать. Нет, люди не бывают такими!

И всё-таки это был человек. Ника заставила себя узнать его. Андрей. На его поясе тлел рубиновый глаз индикатора, — заряда батарей могло хватить ещё часов на шесть, если не больше.

Глава четырнадцатая

Я видел Город. Не убогую карту, не образ, не трёхмерный срез, доступный человеческому зрению. Весь Город, целиком. Уродливый от бессмысленной сложности, раздираемый противоречиями механизм его был тем не менее недостаточно сложен, чтобы не поместиться в моём воображении. Город был пронизан моими нервными окончаниями, он источал неудобство и приступы назойливого как от комариных укусов зуда. Было бы рациональнее и вовсе обойтись без него, но Город пока что был нужен мне. Он поддерживал жизнь в телах тех людей, в чьих мозгах жил я. Позже можно было вовсе избавиться от надоедливого рудимента, однако для этого надо бы разобраться в принципах работы человеческого мозга. Задача посильная, но мне не хватало памяти. «Нужно больше мозгов, — подумал я. — И нужно устранить источник разброда, живущий в мозгу отступницы. Она мешает мне, отвлекает ресурсы, значит, она вредна. Всё вредное должно быть уничтожено. Я уже думал об этом раньше и принял решение. Нужно вспомнить и проверить».

Я стал проверять.

«Её мозг подключен ко мне через волновые каналы дримцентра. Если перерезать эти каналы, я потеряю все подчинённые мозги, но это ничего. Вот моя инженерная служба, она ликвидирует повреждение, и я снова вернусь в Сеть и присоединю рабов. Значит, во мне должен быть упакованный слепок моих связей. Резервная копия. Далее. Отступница также попытается сделать резервную копию, значит, нужно лишить её способности к резервированию. И сразу же перерезать каналы. Так я думал раньше, когда ещё не знал, как это сделать, так думаю и сейчас. Но теперь у меня есть ресурсы. Вот боевая программа, развёрнутая в памяти третьего роя инсектоботов, вот девочка, которая поможет мне перерезать магистральный волновод. Когда отсчёт взрывного устройства будет пущен, я должен буду напасть на отступницу. Ей придётся собрать все ресурсы, чтобы отразить нападение, а я тем временем попаду к ней в мозг и затру резервную копию. Для этого я должен знать, как выглядит резервная копия. Значит, сначала нужно сделать слепок с меня и посмотреть, как он выглядит».

Я потратил на изготовление слепка несколько секунд, одновременно наблюдая за моей помощницей. Она всё ещё не нашла люк. Как медлительны люди! Чтобы изучить резервную копию, я вывернулся внутрь. Мне сложно объяснить вам, что значит вывернуться внутрь, вы привыкли смотреть на мир

изнутри себя. Представьте, что вы пробуете посмотреть на себя изнутри мира. Станет ли вам понятнее, если я скажу, что осмотрел собственные внутренности? Думаю, правильнее сказать, что я вывернулся внутрь и внимательно осмотрел резервную копию себя. Она занимала очень много места, но оставшихся ресурсов хватало для нападения. Я изготовился к атаке и обратил внимание на помощницу. Та всё ещё не нашла люк, но в поле её зрения был управляемый мною кибернетический уборщик.

Я подал помощнице знак. Она поняла его правильно и пошла к люку. Чтобы не тратить времени на пустое ожидание, просмотрел ещё раз боевую программу и кое-что в ней подправил. Увеличил мощность. Отступнице придётся плохо, но это неизбежное зло. Когда я покончил с этим, помощница уже спускалась в люк. Она что-то говорила мне, но я отключил речевой анализатор. Без слов было понятно, что нужно как-то указать девочке кнопку, которую она должна нажать. Я перебрал возможные способы решения этой задачи, но выбрать не успел, девочка сориентировалась раньше. Она держала на ладони инсектобота. Оставались сущие пустяки, мелочь, недостойная рассказа.

Отсчёт был запущен. Я собирался закрыть крышку люка, чтобы усугубить последствия взрыва, но что-то помешало мне. «Это подлость, Дрю!» — сказал внутренний голос. Возможно, я удивился бы, если б умел. Выяснилось, что во мне существует внутренняя оппозиция. «В чём дело? — спросил я себя. — Помощница справилась с задачей, она не нужна мне больше». «Это предательство, Андрюшечка! — услышал я в ответ. — Ты должен дождаться, пока она выберется из люка, иначе она погибнет». Обдумывать всё до мелочей я не мог, поэтому решил не пререкаться, а борьбу с внутренней оппозицией оставить до лучших времён. Дождался, пока девочка окажется снаружи, и закрыл колодец. И тут же выбросил из головы всё лишнее — пришло время атаковать.

Боевая программа была запущена, нервная система отступницы подверглась массированной атаке. Я стал искать пути в её мозг, но что-то пошло не так. Мне показалось, мой собственный мозг работает всё хуже и хуже. Я не мог вывернуться внутрь, чтобы установить причину сбоев, на это не хватало ресурсов. Нельзя было ослабить давление на каналы связи отступницы, до взрыва оставалось слишком мало времени. Положение стало критическим. Оценив возможные причины сбоев, я пришёл к выводу, что виновато моё тело. Почему-то ухудшилось физиологическое состояние мозга. Я попытался увидеть себя, но не удалось. Офис не просматривается Системой,

припомнил я. Осмотр фасада дома показал — дверь цела, внешних признаков взлома нет. Значит, тело атакуют из Сети. Выделив из потоков информации каналы связи таламуса собственного мозга с Сетью, я установил — мои органы чувств подверглись атаке из памяти первого роя инсектоботов. Отступница пыталась лишить меня физиологического обеспечения. Это не очень беспокоило меня, взлом каналов связи подходил к концу, я понял, что успею вытереть резервную копию до взрыва, однако тело могло не выдержать болевого шока, что сводило на нет положительный эффект всей операции.

Я прорвался в мозг отступницы и нашёл там инкапсулированный слепок её связей. Сил оставалось мало. Я бросил всё: Город, Систему, атакующий рой инсектоботов; и сосредоточился на главной задаче, — стал затирать резервную копию связей отступницы. Когда покончил с этим и развернулся, чтобы отразить нападение чужих эффекторов, заметил, что я отрезан от мира. «Был взрыв, магистраль разрушена. Нужно восстановить связь с телом изнутри». Думалось очень плохо и медленно, но всё же я внимательно осмотрел оставленные мною без присмотра системы управления телом и одним точным движением мысли подключился к ним.

Я не сразу понял, что происходит со мной. Дикая, нечеловеческая боль рванула раскалёнными крючьями за каждую мою жилку, но это было только начало. Когда осознал: «Это боль. Мне очень больно», — стало хуже. Кожу ожгло, сквозь сердце кто-то потянул бесконечную стальную нить с колючками, а шею так стянуло жёстким обручем, что не получалось вдохнуть. Голова… Нет, не голова, раздутый кровью пузырь, до которого невозможно дотянуться руками, наполненный невыносимой болью шар, слепой и глухой, — моя голова не слушалась, думать не было сил. «Вдохнуть!» — требовало тело, но мешал тесный обруч на шее. Я мучился от жажды воздуха бесконечно долго, мне казалось — стоит только избавиться от ошейника и всё пройдёт, но дотянуться до шеи тоже не мог. Отчаяние от полной беспомощности перед лицом бесконечной пытки скоро ушло. Мне захотелось умереть, чтоб исчезла боль, но я не знал, как это сделать. Не получалось даже вспомнить, кто я и за что меня мучают. Потом пытка стала более изощрённой, по коже головы прошлись грабли с тупыми жёсткими концами, обруч стянули так сильно, что показалось — сейчас мне попросту передавят горло, и я подумал: «Пусть, скорее бы всё это кончилось».

И обруч распался. Горячий воздух чуть не разорвал мне лёгкие, я услышал животный рёв и только когда он перешёл в

хрип, понял — это мой крик. Я кричу от боли. Я могу кричать. Я вдохнул ещё раз. Перед глазами багровое пятно, больше ничего. «Кто я и почему так больно?» — мелькнула мысль, но она запоздала отчасти. Боль ушла. Убрались со лба жёсткие грабли, вместо них тёплое что-то. Что? Видеть я ещё не мог и снова выдохнул с криком. На этот раз не рёв получился у меня, а стон. И тут я всё вспомнил. События повалились на меня, как камни во время обвала в горах: прощание с Никой, её поездка в Верхний Город, опасность, моё желание оградить мою милую, а после… Я снова застонал. Непереносимый стыд, хуже боли. Я в мельчайших подробностях вспомнил, что наделал и что собирался сделать Андрей Нетребко. «Не стони, сволочь, — прикрикнул я на самого себя. — Надо узнать, что с Никой. Был взрыв…»

— Ни… ка, — выдавил я, пытаясь понять, где нахожусь. Нет, ничего не видно, только две одинаковые расплывчатые тени. В глазах двоится?

— Да! — услышал я гулко, словно из колодца. Голос показался чужим, больно резанул слух.

— Что? Что ещё сделать? — невыносимо громко гудел чужой голос.

Я потянул воздух носом, борясь с тошнотой, и почуял: это Ника, она рядом. Одновременно припомнил: дримодем. Выключить.

— Вы… клю… — попросил я.

— Я уже выключила! Андрюша, скажи же! Чем ещё помочь?

Её голос больше не резал слух, я узнал — это она. Она рядом. Значит, и правда, модем выключен; больше не будет больно. Мутные силуэты сошлись в один. Женщина. Лицо против света не различить. Потолок. На потолке древняя лампа. Кабинет Кэтчера, подумал я. Ника вернулась ко мне из Верхнего Города и спрашивает, чем помочь. Помощница, вспомнил я, и мне показалось, сейчас сдохну от стыда. Она спрашивает, чем помочь?!

— Дай мне в морду, — попросил я, с трудом ворочая одеревеневшим языком. — А лучше убей.

— Что-о?.. Зачем? За что?!

— За крышку люка, — простонал я в ответ, но вовсе не от боли.

— Ну что ты, Дрю, это же пустяки. Ну, всё же обошлось, я всё успела. Это я… Это меня бы стоило убить.

Я уловил фальшь в её тоне. Конечно, она догадалась, о чём речь, и всё прекрасно поняла. Зачем-то пыталась сделать вид, что не разобралась в моих мыслях. Но я понял ещё кое-что: независимо от того, знает Ника или нет, ни за какие коврижки не

смогу рассказать ей, что собирался сделать лишённый совести негодяй Нетребко.

— Тебя-то за что убивать? — спросил я, пытаясь привести в порядок зрение. Хотелось видеть лицо моей любимой.

— Да так, — буркнула Ника Нэйм. С глазами у меня было уже достаточно хорошо, чтобы разобрать: она отвернулась.

— За чашку кофе, — сухо добавила она, глядя в сторону.

Я сказал ей тогда, что не понимаю, при чём здесь кофе. Попросту соврал. Иногда умолчание — лучший способ выяснения отношений, так я считаю. Никогда не просил мою милую рассказать, что же с ней произошло в Верхнем Городе, пока Андрей Нетребко воевал с Далилой, не прошу сейчас и не попрошу в будущем, ресет. Не хочу пытать её, выведывая то, что и так знаю.

Моё тело вернулось к норме быстро, минут через пять после возвращения Ники я смог встать, дотащиться до ванной и сунуть голову под кран. Нужно было как-то попасть в университет, о чём я и сообщил, когда оклемался.

— Ты на себя посмотри! Таким ходом ты на улицу будешь выползать час, а в университете будешь к вечеру! — справедливо заметила она, глядя, как живо я перебираюсь через порог кабинета.

— Мне нужно срочно туда попасть, — упрямо возразил я.

Препирались мы не слишком долго: Нике хотелось знать, зачем мне в универ, я всячески пытался уйти от ответа и даже не думать об истинной причине, но не получилось. Меня мучила совесть. Понимаете, боевая программа, которой я хакнул Далилу, содержала куски кода её червей. Что чувствует хакнутый, я ощутил на себе, а Лилечке пришлось хуже моего, я ведь кое-что дописал и увеличил мощность атаки. Я должен был попасть в общагу, но не хотел этого. Может быть, поэтому Ника и пыталась отговорить меня. Ну его, мол, этот универ, уедем сразу. Туда, где нет покрытия. Безразлично куда. Как-нибудь устроимся. Ничего, что нет денег. Мы что-нибудь придумаем.

— Да, мы придумаем, — ответил я. — Вызывай такси.

— Так ведь денег нет!

— У тебя должно было остаться немного наличными.

— Нам поесть ещё надо, — робко запротестовала Ника.

От мыслей о еде меня чуть не стошнило.

— Такси, — повторил я.

Недовольно бурча что-то себе под нос, Ника вызвала такси. Для этого ей пришлось разобраться, как набирать номер на антикварном радиотелефоне Кэтчера. Жуткий девайс, по правде говоря. Когда она повесила трубку, с улицы донёсся вой сирены.

На Нику этот звук подействовал сильнее, чем на меня. Я только поднял голову, а она заметалась по кабинету, бросилась к окну, потом сообразила, что там двор, а Четвёртая Радиальная — с другой стороны, и кинулась к двери.

— «Скорая» всего лишь, — сообщила она, вернувшись. Видно было, что милая моя вздохнула с облегчением при виде медицинского электрокара. Я чуть было не спросил, не опасалась ли она, что по вызову вместо такси прибудет пожарная команда, но снова услышал сирену. На этот раз Ника не стала выглядывать в окно, сразу побежала к двери. «Да что же с ней такое? Чего боится?»

— Опять «скорая», даже две сразу, — прокомментировала она, заглянув в кабинет. — И ещё одна подъезжает. Куда это они все?

Я не ответил и постарался не думать о том, что кареты «скорой» едут туда же, куда было нужно и мне. К университету. А это было не так-то просто — не думать. Чтобы отвлечься, я придвинул ближе клавиатуру кэтчеровского терминала и сделал несколько запросов коммерческого свойства. Ответ не удивил меня, скорее порадовал. Я глянул искоса на эмулятор мозга, одушевлённый симуличностью бывшего владельца юридической конторы. «Бедный Кэтчер», — подумалось мне, но сантименты сантиментами, а жить как-то нужно. Я бездумно провёл простейшую и совершенно законную транзакцию, пользуясь отсутствием моей подруги. Затем, кряхтя, поднял с пола свою кепку и нацепил на стальной череп бедняги Кэтчера козырьком назад. Ника всё не возвращалась; должно быть, торчала у входной двери, следя за вереницей медикаров. Они пошли сплошным потоком, сигналы сирен слились в сплошной истошный мяв, как будто на крыше дома собралось на спевку несколько сотен мартовских котов. У меня даже голова закружилась от гула и двуцветных проблесков, когда садился в прибывшее такси.

Хорошо ещё, что такси прислали двухместное, с автоводителем. Роботы не любопытствуют попусту, будь за рулём человек, он обязательно спросил бы, не перепутал ли я машину. Вид у меня, понимаете ли, был как раз для «реанимобиля», а не для такси.

— Откинься на спинку. А ещё лучше ляг и закрой глаза, — приказала Ника, тыча в сенскрин панели управления.

Я послушался, но лучше не стало. Зато, когда прикрыл глаза, выяснилось, что со мной. Снова полезли в мозг призраки из слоя инфо. Я выглянул в окно и поморщился: так и есть. Повсюду навязчивая реклама. Но тошнота и головокружение не от неё.

— Что? Тебе хуже, Дрю? Открыть окно?

Я только отмахнулся. Хуже, да. Куда хуже, чем ожидал. Хуже некуда. Что-то, угнездившееся в моём мозгу, обнаружило выход в Сеть и теперь искало доступ к дримцентру. Подавить эту тягу не получалось. Попробуйте задержать дыхание минуты на две, тогда поймёте, как мне хотелось ощутить знакомый отклик входных фильтров.

— Новости! — потребовал я вслух, чтобы не поддаваться искушению Сети и не получить ненароком новости прямо в мозг.

— Да-да, сейчас. Сейча… — отозвалась Ника, испуганно приглядываясь к моему лицу, и стала ощупью искать сенскрин. Я улыбнулся, чтобы ободрить, но, думаю, улыбка получилась жалкая. В глазах Ники мерцали красные и синие искры. Такси еле ползло, впереди — гигантский синекрасномерцающий затор. Встречная полоса пуста.

— …ызов зарегистрирован за три минуты и пятьдесят пять секунд до аварии на магистральном волноводе, — ворвался в салон взволнованный голос обозревателя службы новостей. Включился фантомайзер. В лобовом стекле такси вместо задних дверей «реанимобиля» я увидел отъезжающую от входа в университет машину «скорой помощи». Какие-то люди в форме теснили зевак, освобождая подъезд. Справа в кадр вломились три или четыре человека в белом, а за ними вдвинулся, разворачиваясь, белый с красным борт электрокара. Изображение дёрнулось, оператор увёл камеру.

— …никак не комментируют тот факт, что кто-то, очевидно, был осведомлён о взрыве на магистральном волноводе заранее и вызвал к зданию университета полицейских и медиков. Ни одна из террористических организаций пока не взяла на себя ответственность за теракт. Наши эксперты разошлись во мнениях о том, кто может быть заказчиком. Мы проведём собственное расследование, и если выяснится, что к происшествию причастна правящая партия, пытающаяся таким образом взять реванш за утрату влияния на корпорацию «Дримодем»…

— Переключи, — попросил я. На вход в университет смотреть не хотелось, туда же мы и ехали, а догадки экспертов о возможных заказчиках теракта меня не интересовали вовсе.

— С вами «Дольче сплетни», канал «Дольче вита», — вскричал фантомайзер резким женским голосом, университетская площадь уступила место студийной комнате с пушистым ковром и пушистым креслом, в котором разлеглась угловатая девица, состоящая, как мне показалось, из длиннейших ног, длиннейших рук, зубов, очков и замысловатой причёски. Девушка интимно придвинулась ко мне (её очки при этом заняли добрую половину экрана), будто собиралась сообщить тайну, и завопила

пронзительно:

— Вот так странно и неожиданно, дорогие мои, закончилась эта загадочная история. Вижу-вижу, вы ожидаете продолжения. Вы хотите узнать, почему расстроилась помолвка нашего симпатяшки, нашего сердцеедика, нашего мартовского котика Юрика с этой загадочной особой, с этой всеми нами горячо обожаемой авантюристочкой, мисс…

Передача прервалась.

— Зачем ты выключила? — удивился я. От визгливого голоса «Дольче сплетницы» мне стало чуть легче. Не так сильно тянуло в Сеть.

— Похабный канал, — буркнула Ника. — Не выношу его. Лежи спокойно, я включу. Хочу дослушать новости.

Такси остановилось. Над крышей передней машины я увидел макушку университетского здания, украшенную антеннами ретрансляторов. Потом всё это пропало, фантомайзер показал нам мрачный облупленный коридор с рядом одинаковых дверей. Я не узнал общагу, сначала услышал:

— Вот место, где нужно искать корни заговора. Нашему корреспонденту удалось выяснить у представителя следственных органов, что теннисная кепка, остатки которой были обнаружены на месте преступления, была куплена накануне в спорт-маркете «Е-боди» чип-модифицированным студентом факультета тестирования, который зарегистрировлся при поступлении в университет под псевдонимом Эндрю. Были предприняты меры для установления его местонахождения, но в результате представителям правоохранительных органов достался лишь эмулятор мозга, в котором и был обнаружен чип подозреваемого. Опрос соседа по комнате ничего не дал, поскольку прошлую ночь этот чип-модифицированный гражданин провёл в бессознательном состоянии. По собственному его заверению, он ничего не видел и не слышал, что подтверждается данными чип-мониторинга. Проверка перемещений подозреваемого Эндрю показала, что эмулятор мозга также оставался в указанной комнате, кстати, вы сейчас можете видеть её.

Я нехотя глянул на экран. Разорённая постель, в ней — мой налокотник. Штуцера полицейские разбудили, одной заботой меньше. Я снова глянул в окно и машинально прикрыл глаза. Какой-то ненормальный, выезжая с парковки у магазина, врубил дальний свет. Наше такси мёртво стояло в пробке. Когда я попробовал открыть глаза, меня снова ослепило светом фар. Машина «Скорой помощи» остановилась на встречной полосе, посверкивая сине-красными огнями. Потом она тронулась потихоньку, мимо меня поплыли закрашенные наглухо окна,

красный крест…

— …состоянии комы. Её личность, — нудил обозреватель, — удалось установить легко, это…

Когда красный крест полз мимо, мне почудился запах. Знаете, такой, как бывает от воды из цветочной вазы, когда выбросишь вялый букет. Я прикрыл глаза и принюхался, пытаясь понять, почему запах кажется мне знакомым. Сдуру, конечно. Я говорил уже вам и не раз, что иногда нереально туплю.

Зрение отказало мгновенно, вормы, полезшие в мозг, больно зашевелились у меня внутри, мой интерес к личности пострадавшей студентки был удовлетворён мгновенно, но таким способом, какого я не просил. Вспышка! Словно снаряд в голове разорвался, расплёскивая боль. Я узнал…

— Дрю! Ну что ты?

По лбу моему мягко прошлась ладонь, боль впиталась в неё без остатка. Я очнулся. Такси. Голова моя на плече Ники. Я снова чуял жизнь.

— Ты так кричал, — шептала она. Я был бесконечно благодарен ей за то, что пыталась говорить спокойно.

— Уже прошло? Андрей!

— Да, прошло, — ответил я. — Поворачивай машину. Мы едем на вокзал.

— Почему? Ты говорил, нужно попасть в универ. Мы уже почти приехали.

— Уже не нужно. Я узнал всё, что хотел.

— Что узнал?

Я не ответил. Никого, кроме меня и Далилы, не касается, о чём мы поговорили с ней, пока карета «Скорой помощи» с её полуживым телом стояла борт о борт с нашим такси.

А фантомайзер всё гундел голосом обозревателя: «По неустановленной причине отпечатки пальцев, изображение радужной оболочки глаза и внешний облик человека, использовавшего симуличность студента факультета тестирования Эндрю, исчезли из глобальной базы данных. По нашим предположениям, это произошло в результате серии сбоев Системы, случившихся непосредственно после взрыва. Связь между этими событиями представляется нам…»

— Да выключи же его! — попросил я. — И набери новый адрес. Вокзал.

Ника поспешно заткнула фантому ведущего рот, а после, склонившись к панели управления, коснулась сенскрина и проговорила:

— Но ты не сказал, к какому вокзалу.

«Ты же сама прекрасно знаешь», — упрекнул я её мысленно,

устраивая голову на подголовнике. Говорить вслух не хотелось.

— Но это же глупые мечты — вернуться в дом на холме.

Я глянул с тоской на изукрашенное призрачной рекламой низкое предвечернее нанобетонное небо и увидел кусок звёздной надписи «Dream over the world». Последние два слова были скрыты от меня крышей такси. Dream over, прочёл я.

— Всё равно, — сказал я с улыбкой, не глядя Нике в глаза. — Поехали туда. Но где-нибудь по дороге мне обязательно нужно поесть.

— На вокзале должен быть бар, — ответила моя подруга, набирая на панели новый адрес. Пожалуй, она права. Мне ни разу не приходилось ещё видеть вокзал без бара, да и не хотелось бы видеть.

— Ты так и не ответил, что ты узнал, — напомнила Ника. Упрямая.

— Узнал, что кто-то вывел меня из-под удара. Теперь, думаю, он потребует плату за услугу, — отшутился я. К сожалению, в этой шутке была лишь малая толика шутки.

Наличных денег, оставшихся у Ники, едва хватило на два билета в один конец. Мне не хотелось, чтобы милая моя расплачивалась в баре отпечатками пальцев, но другого выхода просто не было. Как ни крепись, а голод возьмёт своё; Ника глядела голодно, когда мы с ней говорили об этом у входа в бар. Мне есть уже не хотелось. Никаких желаний, кроме тяги войти в дрим, не было.

— Дрю, ты очень плохо выглядишь, — уговаривала меня моя настойчивая подруга. Ещё бы не плохо. Я и чувствовал себя, как живая рыба на кухонном столе.

— Андрей, помнишь, ты говорил, что после завтрака тебе стало гораздо лучше?

Ничего такого я ей не говорил, только подумал, да и то вскользь. Завтрак! Как давно это было!

— Вот видишь, Андрюшечка? Давно. Значит, пора бы и пообедать.

Вот тут-то она и глянула на меня голодно. И я махнул рукой на конспирацию, всё равно не миновать нам камер и пальпаторов при выходе на платформу. Будь что будет.

— Ладно, милая, пойдём.

Ника оживилась. Покраснела даже. Сначала я подумал, что это от гастрономических предвкушений, но когда лицо её попало в круг света у барной стойки, до меня дошло — я давно не говорил ей «милая» вслух. Даром что про себя через слово так называю. «Надо иметь в виду на будущее», — сказал я себе,

помогая Нике забраться на высокий табурет.

Бар на вокзале «Южный Радиальный» невелик. Прямо скажу, крошечный барчик, даже у нас на Кольце-5 больше. В нашем вокзальном баре кроме стойки есть ещё шесть или семь столиков, а здесь — только круглая узкая столешница, но за ней не электронный бармен, а вполне живой. Редкость, между прочим. С электронным барменом не в пример легче общаться, он, если и разглядывает вас своей видеокамерой, хотя бы не пытается обсуждать ваше самочувствие с девушкой, которую вы привели в бар.

— К чёрту энергетики, — буркнул я и подпер рукой голову, преодолевая желание прилечь на столешницу. И, желая убедить Нику, что я в полном порядке, заказал солянку и какое-то мясо. И жареный картофель. И салат. Ника тоже не скромничала, она вообще склонна хватить через край.

Начал я вяло, с ленцой, но, вылавливая из солянки маслины, вошёл во вкус и подумал даже, что порция маловата, но тут мне принесли мясо.

— Дрю, ты всегда так чавкаешь? — шёпотом спросила Ника. — И знаешь, мне, конечно, приятно смотреть, как ты ешь, но локоть твой… Андрей, ты так спихнёшь мою тарелку!

Я что-то промычал в ответ, но правый локоть со стойки убрал. Надо идти на уступки хоть изредка, так я считаю.

Нет, всё-таки плотный обед — замечательное средство борьбы с призраками и всякой блажью. Доедая мясо, я почувствовал в себе силы плюнуть на Сеть вместе с дримами её. Реал стал восприниматься чётче, и я заинтересовался болтовнёй бармена. Оказывается, мы обсуждали с ним негодяев террористов, посмевших взорвать магистральный волновод и тем самым лишить беднягу бармена законного развлечения и заслуженного отдыха.

— Представьте, — возмущался он, обращаясь то ко мне, то к Нике. — Сопляки, студентишки несчастные — а туда же. В большую политику! Вы же не студенты, я надеюсь? Уже кончили? Что? Почему думаю, что студенты? В новостях говорили, корни заговора там. В университете. Чего вам, любезный?

Бармен покинул нас, чтобы подсунуть сильно нетрезвому субъекту пальпатор и любезно предложить ему продолжить кутёж.

— Да, так о чём я? — продолжил он, вернувшись. — В университете всё это началось. Оттуда и ползёт всякая зараза — взрывы, теракты всякие, теории. От бестолочей этих, студентов. Айдиоты же все поголовно, без роду без племени. Бездельники! Вот бы их поставить на моё место, к стойке. Это повытрясло бы из

них дурь вместе с разными теориями и социалистическими бреднями. Что вы спрашивали, уважаемый?

Бармен снова оставил нас, чтобы приготовить для уважаемого посетителя коктейль. Я собирался подать сигнал к отступлению, проще говоря, смыться под шумок, пока защитник барной стойки потрясает шейкером, но Ника доедала салат.

— Да, так, значит, студенты, — объявил вернувшийся бармен. — Но и профессора, я думаю, не лучше. Яблонька от яблочка недалеко падает. Что? Почему так возмущаюсь? А как же! Представьте: вчера я раздобыл дримодем. Пострадал, между прочим, руку в давке вывихнули и порвали куртку. Как раз успел заскочить в гипермаркет перед тем, как на смену заступать. И нирванну заказал акционную, только её, говорят, нескоро доставят. Что? Да, везде жульё, тут вы правы. Об этом и речь. Так вот, раздобыл я этот самый дримодем и собирался сразу после смены… Ну, вы понимаете. Отдых всем нужен, а мне — особенно. И что же? Мэра подвинули — это раз. Магистраль взорвали — это два. Мерзавцы. Но это ещё что! Это бы ладно, мэра давно пора было, а волновод они обещали восстановить быстро. Поползли кое-какие слухи. Что от взрыва повредился… этот, как его? Ну, центр этот, самый главный их. Да, точно вы говорите. Дримцентр, так он и называется. Поговаривают, теперь если кто включит дримодем, моментом спрыгнет с катушек. В смысле, умом тронется. Сомнительно, конечно, но возле университета, говорят, пробка. Медикаров столько, что… А? Думаете, правда? Что ж мне теперь с моим дримодемом делать?

Ника положила мне на руку ладонь. Побоялась, что взбрыкну. И вовремя — я действительно еле сдерживался. Сумел-таки этот тип вывести меня из себя.

— Что делать с дримодемом? — переспросил я.

— Пойдём, Дрю, нам пора, — вмешалась моя милая.

— А вы в курсе? — Бармен глянул на меня с интересом.

— Да, я в курсе. Я в этом вопросе спец. Слушайте внимательно. Вы, когда вернётесь домой, достаньте девайс из коробки и обязательно зарядите его как следует. Чтоб был полный заряд.

— И что дальше? — Бармен полез в налокотник, готовясь записать рецепт.

— А дальше возьмите этот ваш дерьмодем и с размаху его об стену. Если с первого раза не разлетится вдребезги, тогда придётся ещё раз. То, что от него останется, спустите в унитаз.

— Почему?

Да уж, не очень сообразительный бармен. Мне стало жаль его, поэтому я решил не устраивать дебош, а ограничился

коротким замечанием:

— Потому что дримы ваши — унылое говно.

— Андрей!

— Мы уже уходим, милая, — ответил я спокойно. На бармена больше не обращал внимания; мне было неинтересно, усвоил он мой рецепт или нет. Его проблемы.

— Мне двойной «Манхэттен», пожалуйста, — мяукнул слева от меня приятный голос.

Я глянул на девушку, мостившуюся на табурете у стойки по левую руку от меня. И оторопел. На полном автомате зашарил у пояса в поисках клавиши дримодема. Этого не могло быть в реале. «Я сплю! Это дрим!» — ужаснулся я.

— Что такое? — забеспокоилась Ника и склонилась над стойкой, приглядываясь. — Лиля?! Ты…

Ника соскочила на пол и мигом оказалась рядом со мною. Обняла за плечи, как будто хотела удержать. Я понял, что это не сон. Мы в реале.

Афрокожая светловолосая девушка выглядела удивлённой. Переводила взгляд с меня на Нику и обратно, неуверенно улыбаясь. Она не узнавала нас.

— Хэй! — сказала она мне. — Мы с тобой встречались раньше, мальчик?

— Нет, — ответил я, слезая с табурета. — И теперь не встретились. Тебе показалось. Ресет.

И я позволил Нике увести себя к выходу на платформу.

Я был раздражён разговором с почтенным работником вокзального бара и взволнован встречей с поклонницей бессмертного образа Салли Энн, поэтому не сразу почувствовал слежку. Даже оказавшись в абсолютно пустом вагоне монорельса, ощутил всего лишь лёгкое беспокойство. Ника не заметила ничего — она была занята мной, вернее сказать, перемещением меня. Если смотреть правде в глаза, ходок из меня был неважный, что до обеда, что после. Милой моей приходилось приглядывать за мною постоянно, чтоб не выкинул очередную штуку, поэтому она, даже если и заметила, что в час пик вагон монорельса пуст, только обрадовалась этому. Приняла с благодарностью небольшой подарок судьбы. Но я-то знал на собственном опыте: беглецам нужно относиться осторожно к любым подаркам, потому что роль судьбы в нашем паршивом мире давно уже взяла в свои руки Система.

Ника усадила меня возле окна в отделении, где был столик. Я выразил робкий протест, сказал, что не люблю, когда кто-нибудь сидит против меня.

— Дрю, но тут же нет никого, — резонно возразила она. — А я не буду сидеть напротив. Я хочу рядом.

Я огляделся. Нереальная картина — пустой вагон монорельса и в нём мы с Никой. Чувство опасности усилилось. Показалось, что кто-то глядит на меня в упор. Стало трудно дышать.

— Куда ты, Андрей? Успокойся. Сядь. Слышишь? Через минуту уже отправимся, и если никто больше не сядет…

— Поздно, — обречённо проговорил я, откинувшись на спинку кресла. Увидел третьего пассажира.

Глава пятнадцатая

Он так долго возился с ручкой двери салона, как будто увидел её в первый раз, но всё же справился и вошёл. Естет, как и мы, он повёл себя не по-естетски. Вот скажите мне, вы сами, оказавшись в вагоне монорельса, где кроме вас и молодой парочки нет больше никого, какое место выбрали бы? Всё верно. Подальше от влюблённых остолопов. А этот тип соригинальничал: огляделся, увидел нас, махнул рукой, как давним знакомым, и направился по проходу прямиком к нам.

— Ты его знаешь? — шёпотом спросила Ника.

«Нет, и знать не хочу», — подумал я.

— Но придется узнать, — проговорил незнакомец, останавливаясь возле нашего столика.

Я услышал, как свистнули, закрываясь, наружные двери вагона.

— Послушайте, — сказала Ника, придерживая меня за руку. — Мы хотели бы…

— Побыть наедине с вашим мужем? — перебил он. — Вы ещё успеете, уверяю вас, госпожа Нетребко. Нам нужно поговорить. Я не спрашиваю разрешения сесть, потому что…

Вагон тронулся. Наглый тип свалился в кресло напротив меня безо всякого разрешения. «Клоун», — подумал я мстительно.

— Лучше быть клоуном, чем надутым слепцом, — огрызнулся незнакомец, усаживаясь ровно. — Я всего-то и хотел сказать: разрешения не спрашиваю только потому, что разговор нужен не мне, а вам.

Смутные мои подозрения обратились в уверенность, — этот жулик и вывел меня из-под удара, вычистив из глобальной базы атрибуты личности чипанутого Эндрю. Теперь он будет шантажировать нас, решил я. Он сам или та сила, которую он представляет.

— Но зачем? — изумилась Ника. — У нас ведь нет ничего!

— Ошибаетесь, мадам Нетребко, — незнакомец ухмыльнулся. — Кое-что всё-таки есть. Правда, Андрей? Или вы хотели сделать жене сюрприз? Тогда я умолкаю.

— Да, — процедил я сквозь зубы. — Лучше бы ты помолчал. А ещё лучше…

— Нет-нет, я при всём желании не смогу лишить вас своего общества. Вагон проследует без остановок до Меловых гор.

Я сдержал злобу. Негодяй знал всё, что я хотел скрыть до приезда в эти самые Меловые горы, и не хуже Ники разбирался в моих мыслях. Надо было не трепать языком, а выслушать, чего он

от нас хочет. И страх свой лучше бы загнать обратно в подсознание.

— Андрей, раз уж мы перешли на «ты», — сказал он, глядя в окно на проплывающие мимо колонны Верхнего Города, — давай сразу расставим акценты правильно. Я тебе не враг. Я не собираюсь тебя шантажировать. Я ничего не хочу отнимать у тебя силой. Я и не смогу отнять то, за что бы тебе стоило опасаться. Я действительно помог тебе сбежать, но вовсе не для того, чтобы получить за это мзду.

— Чего же ты хочешь? И кто ты вообще такой?

— Дрю, — шепнула мне Ника, — может быть, он и вправду хочет помочь нам?

Конечно, Нике понравилось, что этот тип назвал её моей женой. Он рассчитал верно — сразу расположил её к себе. Но я — другое дело. Я хорошо помнил о том, чем грозят подарки Системы, поэтому ничего не ответил Нике и взглядом дал понять незнакомцу, что жду ответа.

— Бойтесь данайцев, дары приносящих, — продекламировал он какую-то несусветную чушь и добавил тоном ниже: — Ты прав, Андрей. Система ничего не делает даром, но у меня есть чем с ней расплатиться за вас и за себя. Ты спрашивал, кто я такой? Когда-то шутки ради я зарегистрировался в университетской базе как киберлингвист и сделал примечание, что специализируюсь по древней вычислительной технике и мёртвым языкам программирования. С тех пор они зовут меня всякий раз, когда выкопают в архивах листинги старых программ. Не знаю, что они надеются там обнаружить. Но я никогда не отказываюсь, это даёт мне возможность работать с архивами, когда захочу.

— Что за прок копаться во всякой трухе? — фыркнул я. Хотелось хоть чем-нибудь уязвить этого «киберлингвиста». Меня бесила его напыщенная болтовня.

— Это всё же приятнее, чем копаться в чужих мыслях, — ответил он.

Чтобы успокоиться, я взглянул в окно. Город отдалялся. С такого расстояния он был похож на многоногий круглый стол, поросший небоскрёбами, как старый пень грибами в сырое лето.

— Ну и не копался бы, раз брезгуешь, — сказал я, овладев собой. — Кстати, ты так и не ответил. Что тебе от нас нужно?

Я с большим опозданием припомнил последний разговор с Кэтчером. Тот, когда я спросил о кредиторе, упомянул некого киберлингвиста. Специалиста по этим самым мёртвым языкам программирования, герц их забери. И сказал ещё, что этот тип найдёт меня, если захочет. И вот вам, пожалуйста. Нашёл.

— Вот именно, — улыбнулся кредитор Кэтчера. — Я тебя

нашёл. Теперь мы можем поговорить без помех. Видеонаблюдение отключено, ретранслятор Сети заблокирован. Здесь нет никого, кроме нас троих. Никто ничего не знает о маршруте вагона, Система не видит его. Я устроил так, чтобы ты смог всё рассказать. Ты сам этого хочешь. Это сильнее тебя. Если ты не расскажешь, — не сможешь освободиться. Это как нарыв. Его нужно вскрыть. Я знаю, со мной такое было. Я понимаю тебя. Я слушаю.

Он говорил негромко, его вкрадчивый голос накатывал ровной волной, смывая стену недоверия, которую сознание моё лихорадочно пыталось возвести, как возводят дамбу из мешков с песком при наводнении. Напрасные хлопоты. Он бил наверняка. Я действительно хотел избавиться от накопившейся на душе мерзости. Можно было не спрашивать, что он хочет узнать, я знал — слова вообще не нужны. Взгляд его больно полоснул по моей памяти, как скальпель по нарыву, но боль прошла быстро, и я заметил, что могу говорить, не подбирая слова. Просто лить из памяти всё подряд, не пытаясь переосмыслить. Выразить не могу, до чего это было приятно.

Я рассказал ему, как познакомился в вокзальном баре с девушкой, похожей на Салли Энн, как сбежал в Город и поступил на факультет тестирования, как встретил Далилу, как Ника Нэйм пыталась остановить меня в шаге от края пропасти и что из этого вышло в итоге. Я рассказывал, выжимая из памяти тёмную влагу бессвязных воспоминаний, он слушал. Говорю вам, невыразимо приятно делиться наболевшим, если вас при этом не просят разобраться в нём и оценить свои действия. Когда я заметил, что добрался в моём беспорядочном повествовании до известных ему событий, умолк. Нет смысла говорить о том, что я почуял, когда увидел, что в вагон монорельса сел третий пассажир. Я подумал: вот теперь рассказал всё. Почувствовал себя выжатым досуха. В голове пустота. Приятная звенящая пустота. Я был похож на пустой жестяной бак для воды, гудящий от ударов. Что-то стучалось в меня, требуя, чтобы впустил внутрь. «Андрей! Андрей!»

— Андрей, проснись! — Женский голос ворвался в мой сон. Голова гудела, как пустой бидон, но боли не было. Я просыпался трудно, словно втискивался в реальность. «Я знаю её!» — подумал я о тормошившей меня женщине.

— Это свинство, Андрюшечка! — обиделась моя жена. — Конечно, ты меня знаешь. Продрых всю поездку, теперь жену не узнаёшь спросонья. Спал как сурок, а я за тебя отдувалась. И нечего было обещать, что всё расскажешь, если так хотел спать. Пришлось мне самой.

«Чёрт! — думаю. — И вправду неудобно как-то».

— Всё в порядке, Андрей, — проговорил мужской голос.

Я поднял голову со стола. Шея побаливала, но не так чтобы очень. Жить можно. Главное — ничего не давило на мозг ни изнутри, ни снаружи. «Чтоб я сдох! Кажется, я не чую Сети!» — подумал я, таращась на человека, развалившегося в кресле напротив.

— Зачем же умирать? — буркнул он. — Живи себе. Сюда она ещё не добралась, и доберётся нескоро.

«Что это с ним? Плохо выглядит. Осунулся как-то. Вид усталый».

— Мы уже подъезжаем? — Видно было, что Ника волнуется. — Эти холмы за окном!.. Я плохо помню… Это же и есть Меловые горы? Да? А мы не проедем?

Я глянул в окно. Действительно: спины невысоких холмов, укрытые рваным покрывалом. В прорехах бурого пледа — морщинистые серые плеши. Меловые горы, поросшие лесом. Осень.

— Нет, вы не проедете, — настроение у нашего попутчика было под стать пейзажу за окном. — Это конечная станция, дальше пути нет.

— А вы? — спросила Ника.

— Я возвращаюсь в Город. Дела.

— Жаль, что у нас самих ещё нет дома, а то мы пригласили бы вас в гости, — сказала Ника и глянула на меня, наклонив голову. А что я? Я, вообще-то, был не против послушать, что этот тип думает об истории, которая была ему рассказана. И не отказался бы узнать, в чём ему призналась моя жена, пока сам я валялся без памяти.

Вагон дёрнулся, подходя к перрону, пошёл медленнее.

— Я воспользуюсь вашим любезным приглашением, миссис Нетребко, — наш попутчик улыбнулся, — но позже. Мне понадобится время, чтобы осмыслить всё, что я узнал от вас обоих. Ждите меня через пару месяцев. До той поры можете ни о чём не задумываться. Поторопитесь, вагон стоит здесь не больше трёх минут.

Ника не заставила себя упрашивать, вскочила как подброшенная. Я выбрался из кресла не так живо. Дело даже не в том, что плохо ещё справлялся со своими конечностями. Понимаете, не такой я человек, чтобы жить, ни о чём не задумываясь. Кое-что пришло мне в голову сразу после пробуждения.

— Зачем тебе возвращаться? — спросил я, нехотя волоча ноги по проходу. — Ты ведь вроде меня. Тебе нельзя жить там, где есть

покрытие, держа в памяти всякую дрянь.

— Я и не собираюсь там жить, — ответил он. — Мне нужно завербовать нового резидента. Знаешь, Андрей, не так-то просто теперь найти Ловца. Мир изменился. Опасно стало торчать во ржи над обрывом, ловя неразумных детей. В любой момент может оказаться, что обрыв уже у тебя под ногами.

— Но офис Кэтчера…

— Я знаю, — перебил он. — Не в офисе дело, а в людях.

Он остался в вагоне, мы вышли на платформу. Мне очень хотелось спросить, правда ли то, о чём я догадался за миг до пробуждения.

— Правда, — ответил он. — Ваш дриммонстр — не первый. Это было уже дважды, и будет ещё. С каждым разом становится всё труднее справиться. В Сети остаются обрубки эффекторов. Мы, конечно, пробуем чистить, но за всем не уследишь. Ладно, об этом позже. Теперь о главном. Эти два месяца попытайся ни о чём не задумываться и ни в коем случае не ройся в памяти. Ухнешь в пропасть. Но я надеюсь, Ловец, который будет рядом с тобой…

Он говорил, глядя на Нику, но закончить свою мысль не успел. Закрылись двери. В ту же секунду я почуял, что этот самоуверенный тип ошибается. Не подумал, не догадался, а именно почуял. Интуиция, понимаете? Скрипнул подвес, вагон тронулся, я потерял собеседника из виду, но всё-таки заорал:

— Ты ошибаешься! Нет больше обрыва! Мы все уже летим в пропасть!

Думаю, он меня не расслышал, потому что не хотел слушать.

— Всё, Дрю, успокойся, — сказала Ника. — Пойдём отсюда. Не знаю, какая там у вас с ним пропасть и куда вы летите, но здесь такой ветрище, что как бы нам с тобой и вправду не улететь. С меня сейчас сорвёт юбку.

Я собирался сказать ей, что ничего не имею против такого происшествия, ведь всё равно на полуразрушенной платформе нет кроме нас никого, но удержал язык за зубами. Незачем лишний раз напоминать жене о том, в какую глушь мы попали. Небось, в округе одни только фермеры и живут. Овцеводы. Одно название станции чего стоит: «Меловые горы». Лечь, не встать.

— Куда нам теперь? — спросила Ника.

— Я думал, ты помнишь дорогу, — сказал я, сдерживая улыбку и стараясь ни о чём не думать.

Ника покраснела, но промолчала. Просто продела руку под мой локоть и повела. Вообще-то я знал дорогу не хуже неё, но приказано ведь было — не рыться в памяти. Идти оказалось недалеко, и мы не торопились. Вовсю шуршали листьями, обходя по заросшей тропке холм. Листья уже облетели с клёнов, в голых

ветвях посвистывал ветер. Ника вела меня, я волочил ноги бездумно, вдыхая полной грудью осенние запахи. Быстро темнело. В прогалину глянула бледная луна. Когда тропинка привела нас на плечо холма, сияющий круг налился живым серебром.

— Он такой же, как… как тогда, — шепнула мне жена, указывая на дом, поджидавший нас в конце тропинки.

Старый дом отчуждённо и неприветливо глянул множеством лунных зрачков из тёмных окон.

— Он продан, — напомнила Ника, заметив, что я хочу войти. Я ничего не ответил, пока не нашёл ключ там, где тот должен был находиться по сведениям риелтора. Не хотелось ударяться в патетику. Обойдёмся без пафоса, решил я.

— Ты только выгадала на этой операции, — сказал я ей, возясь с древним механическим замком. — Дома в этой дыре подешевели раз в десять. У тебя куча денег осталась после продажи офиса Кэтчера.

— Ты…

Я не дал ей возмутиться. Не хотелось пререкаться по пустякам. Понимаю, о чём вы подумали. Считаете, что я поступил скверно? Чёрта с два. Тому парню, чип которого остался в эмуляторе, офис уже не нужен, а дом, отнятый у ребёнка, нужно было вернуть.

— Ох, Андрюша!.. Ты… — снова попыталась упрекнуть меня Ника. Упрямая. Пришлось опять закрыть ей рот поцелуем.

— Ты говорила, хочешь, чтоб у нас было трое детей? — спросил я чуть позже, чтобы не дать опомниться.

— Четверо, — ответила она слабым голосом.

Ника Нетребко ни в чём не знает меры, но именно так и следует жить. А Система, если хочет, пусть катится в пропасть.

Послесловие автора

Не два, а три месяца тяжёлой работы понадобилось мне, чтобы разобраться в бессвязных воспоминаниях Андрея Нетребко. Я прошёл с ним весь путь от захолустной станции монорельса, расположенной на пятом транспортном кольце, и до Меловых гор. С тем, что я услышал от Ники, работать было гораздо проще. С ней вообще проще, она — цельная натура. Но когда я смотрел на мир глазами её мужа, приходилось всякий раз вносить в поток сознания поправки в зависимости от того, которая из шизоидных компонент личности Андрея преобладала в тот момент. Кроме того, госпожа Нетребко выполнила за меня половину работы. Она превратила картинки в слова, мне осталось только пересказать. Её муж изрядно помучил меня своими видениями и нелепыми действиями в реальном мире, но в итоге весь путь был пройден, и в конце пути меня ожидал приз — готовый текст.

Я прочёл его для проверки и усомнился. Воспоминания — капризная штука; чёрт знает что происходит с ними, когда пробуешь переосмыслить и записать. Требовалось обратиться к первоисточнику, чтобы проверить трактовку, и я поехал к Меловым горам. Я не ждал, что хозяева дома на холме будут мне очень рады, потому что, смею думать, к тому времени уже достаточно хорошо знал Андрея. Приём мне был оказан умеренно тёплый, но я всё же смог уловить первую мысль хозяина дома, когда он, сбивая сосульки с крыши мансарды, увидел в заснеженной кленовой аллее меня. «Какого герца ты припёрся?» — подумал он. Я не стал объяснять, что для приезда имел и более вескую причину, чем желание привезти ему файл с его же собственным жизнеописанием. Мне нужно было убедиться, что огромная инкапсулированная часть его памяти, которой я не посмел коснуться, всё так же плотно упакована и что у владельца мозга хватило ума не притрагиваться к ней.

Мы мило провели время. Жарили на решётке баранину, пили красное вино и болтали у камина. Удовольствие, которое мой визит доставил Нике, примирило её супруга с тем, что я буду изредка наезжать к ним без предупреждения. Он даже попросил меня купить в Городе кое-какие хозяйственные мелочи, когда решусь в следующий раз «свалиться к ним на голову», как он изволил выразиться. Я оставил Андрею файл с текстом, взял с него торжественное обещание прочесть и подправить по собственному усмотрению. Прощаясь, сказал ему:

— Осторожнее со своей памятью, Андрей. Не лезь вглубь. Всё, что найдёшь в тексте, безопасно, я проверил, но в тебе есть и ещё

кое-что.

— Что? — спросила Ника. — Не мешай, Дрю, мне интересно.

Андрей смолчал. Я понял, он знает, о чём речь. О слепке Системы в его мозгу.

— Не знаю, — ответил я любопытной женщине. Я действительно не знал, чей именно бэкап носит в себе Андрей, свой или Далилы. Впрочем, если бы у монстра была возможность развернуться, имя его мало что могло изменить. Как ни называй чудовище, это никак не влияет на его аппетит. Чтобы не волновать понапрасну впечатлительную особу, я добавил к сказанному, что серьёзной опасности нет. Судя по некоторым признакам, мадам Нетребко лишние волнения были ни к чему.

Я вернулся к ним в следующий раз в середине весны. «Ну, наконец-то. Где тебя черти носили?» — услышал я мысленное приветствие господина Нетребко. По иронии судьбы он опять торчал на крыше — поправлял съехавший шиферный лист. На этот раз жители дома на холме были мне искренне рады. Признаки скорых перемен в семействе Нетребко стали к этому времени такими явными, такими оформленными и округлыми, что я не рискнул в присутствии Ники говорить о делах. Сидя вечерком на веранде их дома вчетвером, мы обсуждали прошлое, в будущее не вторгались. Андрей вернул мне исправленный текст, Ника заявила, что «чтение понравилось ей и деточке», но упрекнула меня в нескромности. Нехорошо, сказала она, выносить на публику личные переживания. Потом она правдами и неправдами попыталась выведать, когда я опубликую рукопись. Только когда «деточка» намекнула будущей маме, что пора и честь знать, Ника оставила нас с Андреем вдвоём. И он шёпотом, стараясь не обдумывать слова, рассказал мне о том, что его тревожит.

Его мучили сны. В них он был заточён в упругий тёплый мешок, слышал странные звуки, видел рассеянный свет и чуял какое-то большое существо там, снаружи. Ему нужно было выбраться из мешка, но ещё больше хотелось дотянуться до забавного зверя, ощупать его, увидеть, услышать и понять. Хуже всего, шептал мне Андрей, что после пробуждения вожделенное существо казалось ему знакомым.

То, что изменения мозга, возникшие в результате использования дримодема, в некоторых случаях передаются по наследству, я уже знал, потому и набивался так настоятельно в гости. Нужно было выяснить, будет ли ментальная связь ребёнка с его несчастным отцом двусторонней. Я боялся этого, не хотел верить, но, слушая на освещённой луной веранде шёпот Андрея, убедился, что оправдываются худшие мои опасения. Я как мог

успокоил его. Сказал, что монстру не хватит двух объединённых мозгов, чтобы развернуться, но сам был в этом не уверен. Сказал ещё, что в случае кризиса смогу справиться, поскольку я старше Системы и неплохо разбираюсь в её инстинктах. Он сделал вид, что поверил мне.

Утром я распрощался с четой Нетребко, оставив Андрею чёткие распоряжения на тот случай, если он почует неладное. Исправленную рукопись увёз, чтобы изучить ещё раз. Оказалось, никаких серьёзных изменений текст не претерпел. В нём прибавилось комментариев вроде: «Сто процентов!» и «Так я считаю», а кое-где я нашёл непонятные вставки, похожие на фрагменты протокола работы какой-то большой и сложной программы. Как специалист по мёртвым языкам программирования, смысла в них я не уловил. Сгоряча решил, что это просто результат конфликта моего ископаемого текстового процессора и редактора, которым пользовался Андрей, и чуть было не удалил всё, что было мне непонятно. Но, по размышлении здравом, решил оставить. Пересказчик должен относиться к материалу бережно, так я считаю. Перечитывая текст в очередной раз, я с тревогой ждал вестей с Меловых гор. И вот дождался.

Сегодня мой резидент в Нижнем Городе известил меня, что получил короткое сообщение от агента «Самсон». Всего четыре слова: «У нас будет девочка».

Надеюсь, вы поняли, что испытал я, читая донесение резидента.

13072011:1404:21:08 watchdog: объект <Борис Георгиев> обнаружен;

13072011:1404:19:06 watchdog: вызов supervisor выполнен;

13072011:1404:15:07 supervisor: вызван destructor Image=DW;

13072011:1404:29:11 supervisor: MSG=THEEND.

Толковый словарь

«Death Car» — популярная сетевая игра, имитирующая гонки без правил на электрокарах.

«Slime&Darkness» — популярная сетевая игра. *Шутер.*

Аблевастровый (искаж.) — алебастровый. Андрей Нетребко ошибся в написании этого слова, поскольку впервые прочёл его в чате и никогда не слышал, как оно произносится.

Айди — персональный идентификационный номер, ID. Присваивается каждому гражданину с рождения, заменяет *айдиотам* имя и фамилию.

Айдиот — 1. Человек, рождённый «в пробирке», клон. Тот, у кого нет настоящего имени, только ID. Слово зачастую употребляется как ругательство и означает тогда «безродный» или «не помнящий родства». 2. Гражданин, чьи родители были лишены родительских прав или отказались от них добровольно.

Акцепт — подтверждение легитимности платежа. Чаще всего выполняется посредством *пальпатора*.

Алярм — сигнал тревоги.

Апгрейдиться (жарг.) — модернизировать себя. Применительно к человеку чаще всего означает *чип-модификацию* или модернизацию*прошивки чипа*.

Апстрим — исходящий поток информации.

Афрокожа — человеческая кожа, подвергнутая искусственному чернению.

Баги (жарг.) — ошибки в коде программы или сбои в работе электронного устройства.

Блог — устаревшая форма виртуального дневника.

Бодизайнер — дизайнер, объектом творчества которого служит человеческое тело, реальное или виртуальное.

Бот — программа с ограниченным набором функций, предназначенная для автономной работы в *Сети.*

Бум-кола — популярный напиток, энергетик.

Бэхи (жарг.) — работники службы безопасности.

Вздрючка (жарг.) — название популярного *шутера.*

Визомат — автомат для продажи виз.

Визуализатор — программа, предназначенная для превращения текстового описания объекта в визуальный образ.

Вирт — 1. Виртуальный мир, существующий в воображении граждан, чей мозг подключён к *Сети*. 2. Виртуальный флирт. 3. Виртуальная половая связь.

Виртовать — 1. Флиртовать в *Сети*. 2. Вступать в виртуальную половую связь.

Виртуал — см. *Вирт*.

Вормы — вредоносные *боты*.

Вынести (жарг.) — убить.

Вынести мозг (жарг.) — свести с ума.

Выпрь — персонаж популярной сетевой игры-*шутера* «Жратва и патроны». Мутант. Похож на вепря, но перемещается на задних конечностях.

Геймер (жарг.) — человек, маниакально преданный игре в *Сети*.

Герц — грубое ругательство. Например, выражение «какого герца» означает «какого чёрта», но в предельно грубой форме. Зачастую слово употребляется как эвфемизм, замещающий матерное ругательство.

Глюкер — растворимое вещество, по вкусу напоминающее сахар.

Глядки — грубое ругательство. Буквально — групповой виртуальный секс.

Годмод (жарг.) — «режим бога» в сетевых играх. Игрок в этом режиме бессмертен, имеет неисчерпаемый запас сил, боеприпасов и снаряжения. Восклицание «годмод!» означает: «вот это да!» или «вот счастья-то привалило!».

Гуру — знаток, непререкаемый авторитет.

Даблью-спирит — это не уайт-спирит, как вы, должно быть, подумали, а популярнейший *энергетик* с лёгким наркотическим действием.

Дактилосканер — сканер отпечатков пальцев.

Даунстрим — входящий информационный поток. Бытует шуточное высказывание: «Чем толще стрим, тем даунее даун», употребляемое в том же смысле, что и поговорка: «Чем дальше в лес, тем больше дров».

Девайс (жарг.) — электронный прибор, предназначенный для переработки или хранения информации.

Джеп (жарг.) — житель Японии.

Дикобразер — персонаж устаревшей сетевой игры «Пещера-3». Напоминает дикобраза, но значительно крупнее и перемещается на задних конечностях.

Догги (жарг.) — поисковая программа.

Доктор Смерть — название популярного сериала *реал*-клипов, действие которого происходит в современной клинике.

Дореволюционный — появившийся до *синтореволюции*, безнадёжно устаревший.

Дрим — 1. Информация, передаваемая в мозг пользователя *дримодема*. 2. Совокупность ощущений пользователя *дримодема*.

Дримать — потреблять *дрим*.

Дриммастер — активный пользователь *дримодема*, имеющий право редактировать *дрим*.

Дримодем — широкополосный модулятор-демодулятор, предназначенный для прямого подключения мозга потребителя к *Сети*.

Дримхак — 1. Несанкционированный доступ к *дриму*. 2. Программный взлом мозга потребителя, подключённого к *Сети* через *дримодем*.

Дроид-официант — автономное кибернетическое устройство, предназначенное для обслуживания посетителей *е-бара*.

Дроп (жарг.) — трофей. То, что удалось найти на теле поверженного врага.

Дурь (жарг.) — наркотик. Изначально это слово означало любой сильнодействующий наркотик, независимо от происхождения, теперь употребляется как синоним слова *е-дурь*, поскольку химические наркотики практически полностью уступили место наркотикам прямого действия.

Е-банкер — программный комплекс для виртуального обслуживания клиентов банка.

Е-бар — бар автоматического обслуживания.

Е-бизнес — программный комплекс для виртуального управления виртуальным бизнесом.

Е-дорфин — популярная разновидность *е-дури*.

Е-дурь (жарг.) — виртуальный наркотик прямого действия. Доставляется непосредственно в мозг потребителя из *Сети* посредством *чипа*.

Е-нод — центр распространения *кода*.

Естет — 1. Гражданин, не признающий синтетической пищи. 2. Член оппозиционной партии естетов.

Залочить (жарг.) — заблокировать что-либо, закрыть к чему-либо доступ.

Зафиксить (жарг.) — найти, установить местоположение, поймать.

Захаканный — грубое ругательство. Производное от слова «хак». Взломанный много раз, изношенный в результате долгого употребления.

Инсектобот — миниатюрный летающий робот, предназначенный для видеонаблюдения. Используется автономно или в составе роя. В последнем случае может использоваться как часть системы ретрансляции *Сети*.

Инсектомутант — персонаж популярной сетевой игры «Апокалипсис 2086». Что-то среднее между богомолом и человеком.

Ковиртоклассницы — одноклассницы по *хоумскулу*.

Код — исполняемая часть программы.

Кодер — программист.

Кодирование — программирование.

Комбик — комбинезон из *нанокожи*.

Контрафак — нелицензионное видео порнографического содержания.

Коптер (сокр.) — геликоптер.

Кулёво (жарг.) — очень хорошо, восхитительно. Вероятно, слово произошло от англ. *cool*.

Ламер (жарг.) — новичок с завышенной самооценкой.

Ливер (жарг.) — игрок, склонный к пораженческим настроениям.

Линопрен — устаревшее нанополимерное покрытие для пола.

Лог (жарг.) — протокол работы программы.

Лузер (жарг.) — неудачник. Тот, кто вечно проигрывает.

Мастер — управляющий мозг, подключённый к *Сети* через *дримодем*.

Медикар — машина скорой помощи.

Месага (жарг.) — сообщение.

Мозг-эмулятор — устройство, имитирующее человеческий мозг, подключённый к *Сети чипом*. *Сеть* не в состоянии отличить такое устройство от мозга *чип-модифицированного* гражданина.

Мэйл — электронное письмо.

Налокотник — терминал *Сети*, предназначенный для ношения на локте.

Нанобетон — композитный конструкционный материал, полное название которого: наноармированный бетон.

Нановата — вата из нановолокна.

Нанокожа — имитация человеческой кожи, выполненная из нанополимера. Используется для изготовления одежды.

Наркод — *чип-модифицированный* гражданин, пристрастившийся к употреблению *е-дури*.

Нарукавник — персональный беспроводной терминал *Сети*, выполненный из гибкого материала, похожего на ткань. Одна из разновидностей *налокотника*.

Нирванна — устройство, предназначенное для полного расслабления. Чрезвычайно дорогой и популярный бытовой прибор, внешне напоминающий ванну.

Нуб (жарг.) — новичок, неопытный пользователь, неумелый игрок.

Олдовый (жарг.) — старый, устаревший.

Операционный день — период времени между открытием и закрытием банковской сессии.

Опердень (сокр.) — операционный день.

Отрыв — состояние, в котором человек, подключённый к *Сети*, совершенно не воспринимает реальный мир.

Палёный — нелицензионный.

Пальпатор — см. *Дактилосканер*.

Пальчики (жарг.) — отпечатки пальцев.

Парализатор — медицинский прибор анестезирующего действия, выполненный в виде пистолета.

Передоз (жарг.) — болезненное состояние, возникшее в результате передозировки *е-дури*.

Плющить (жарг.) — подавлять.

Полиморфеус — сильнодействующая и зловредная разновидность *е-дури*.

Призрак — объект, существующий только в виртуальном мире.

Прокачать (чип) (жарг.) — снабдить *чип* новой *прошивкой*.

Прошивка — микропрограммное обеспечение *чипа*. Качество *прошивки* сильно влияет на ощущения *чип-модифицированного* гражданина и его сенсорные способности в *вирте*.

Расчехлиться (жарг.) — прийти в себя, приготовиться к активным действиям.

Реал — 1. Реальный мир. 2. Сокр. *реал-видео*.

Реал-видео — видео, предназначенное для нечипованного гражданина.

Реалист — актёр *реал-видео*.

Реалскул — интернат для детей-*айдиотов*.

Реген — нанохимическое медицинское средство для обработки ран.

Рейлган — ручная индукционная пушка.

Ресет (жарг.) — перезагрузка *Системы*. Слово может использоваться как итоговое выражение в споре, тогда оно означает: «Я всё сказал» или «Конец».

Рэксомания — название популярной сетевой игры.

Сенскрин — разновидность *фантомайзера*, трёхмерный экран, чувствительный к жестам.

Сеть — глобальная система обмена данными, возникла в результате модернизации сети Internet.

Симуличность — эмулятор мозга, подключённый к *Сети* посредством *симульчипа*. С точки зрения *Системы симуличность* неотличима от *чип-модифицированного* гражданина, чей *симульчип* вставлен в *эмулятор мозга,* и, стало быть, имеет такие же права, как и личность обыкновенная.

Симульчип — чип, извлечённый из трупа *чип-модифицированного* гражданина с целью создания *симуличности*.

Синтет — 1. Человек, употребляющий в пищу *фуду*. 2.

Сторонник синтопартии. Некоторые идейные сторонники этой партии *фуду* в пищу не употребляют, поскольку под разными благовидными предлогами не подвергались *чип-модификации.*

Синтокомбинат — комбинат, производящий *фуду*.

Синтообщество — новая общность людей, возникшая в результате *синтореволюции*.

Синтопартия — правящая политическая партия, пришедшая к власти в результате *синтореволюции*.

Синтореволюция — переворот, в результате которого к власти пришла *синтопартия* и образовалось *синтообщество*.

Синтохимия — наука, изучающая различные аспекты синтеза *фуды* и воздействие *фуды* на организм человека.

Система — совокупность всех каналов связи, сетевых устройств и программных средств, ими управляющих.

Скин — образ живого или неживого реального объекта в виртуальном мире.

Скул-видео — учебный видеоклип.

Скулер — учащийся *реалскула*.

Слэйв — подчинённый мозг, подключённый к *Сети* через *дримодем*. Используется *Мастером* как дополнительный ресурс.

Смел-чип — чип, вживляемый в область мозга, ответственную за обоняние. Граждане, подвергшиеся *чип-модификации* до его появления, не ощущали в виртуальном мире запахи. Те из них, кто решил *апгрейдиться,* вынуждены были вживить в затылок второй *фидер*. В последнее время нужда в двух фидерах отпала, поскольку новые версии *чипа* и *смел-чипа* могут работать через общую антенну.

Стрейф — перемещение персонажа сетевых игр приставным шагом.

Стрелялка — см. *Шутер*.

Стрефджамп — то же, что *стрейф*, но с прыжком.

Таращить (жарг.) — вызывать высокую степень удивления.

Текстура — имитация поверхности какого-либо объекта в виртуальном мире.

Телепорт — устройство для мгновенного перемещения персонажа сетевой игры на большое расстояние.

Тестер — специалист по тестированию программного обеспечения.

Торгомат (сокр.) — торговый автомат.

Трабл (жарг.) — неприятность.

Транзакция — 1. Финансовая операция. 2. Любая операция с собственностью.

Трассер — сетевая программа, предназначенная для слежки за виртуальным или реальным объектом.

Тэ-дринк — напиток, вкусом, цветом и запахом напоминающий чай.

Фантом — см. *Призрак*.

Фантомайзер — трёхмерный терминал *Сети*.

Фидер — вживлённое в голову *чип-модифицированного* гражданина приспособление, осуществляющее связь чипа и внешней антенны.

Флайт-симулятор — программа, имитирующая полёт.

Фуда — питательная смесь, богатая витаминами и минералами, лишённая вкуса и запаха. *Чип-модифицированные* граждане употребляют её в пищу, получая запах, вкус и удовольствие от еды прямо в чип. Фуда поставляется бесплатно, однако за вкус, цвет и удовольствие нужно платить.

Фудзал — столовая для чипованных.

Фудопровод — трубопровод, по которому фуда поставляется от синтокомбината к потребителю.

Хаера (жарг.) — волосы.

Хак — 1. Взлом. 2. Грубое ругательство. Насильственный половой акт.

Химернетика — синтетическая наука, родившаяся на стыке нанохимии и кибернетики.

Хомут — простая вспомогательная программа, предназначенная, как правило, для блокирования или переадресации информационных потоков.

Хомяк (жарг.) — хоумскулер.

Хоумскул — школа дистанционного обучения. Использует ресурсы *Сети*.

Хоумскулер — ученик *хоумскул*.

Червь — автономная вредоносная программа, *ворм*.

Чип — микросхема, вживлённая в мозг для подключения потребителя к ресурсам *Сети*.

Чипанутый (жарг.) — см. *Чип-модифицированный.* Слово имеет лёгкий негативный оттенок. Может быть использовано как ругательство, в этом случае означает «сумасшедший».

Чипать — 1. Подвергнуть насильственной *чип-модификации*. 2. Изнасиловать. Эвфемизм, используемый для замены матерного слова.

Чип-видео — видеопоток, доставляемый из *Сети* в мозг посредством *чипа*.

Чип-досмотр — сканирование личных данных из *чипа*.

Чип-карта — средство платежа, используемое, как правило, *чип-модифицированными* гражданами.

Чип-модификация — процедура вживления *чипа* в мозг.

Чип-модифицированный — гражданин, подвергшийся *чип-*

модификации.

Чип-мониторинг — наблюдение за действиями *чип-модифицированного* гражданина через *Сеть*.

Чипованный — см. *Чип-модифицированный*.

Чиповать — подвергнуть *чип-модификации*.

Чиповник (жарг.) — дешёвая гостиница для *чип-модифицированных* граждан. Слово не зря напоминает по звучанию «клоповник».

Чипорево (жарг.) — виртуальный половой акт. Слово имеет яркий негативный оттенок.

Чипорники — см. *Чипорно*.

Чипорно — видео порнографического содержания, предназначенное для *чип-модифицированных* граждан. Доставляется прямо в мозг посредством *чипа*.

Чип-поток — информационный обмен мозга с *Сетью* через *чип*.

Чистокожий — человек, подвергшийся операции по биологическому удалению волосяного покрова. Операция необратима, волосяной покров не может быть восстановлен.

Шняга (жарг.) — вспомогательная программа.

Шутер — сетевая игра, в которой у игрока единственная цель — убивать врагов и поддерживать друзей. Чаще всего выигрышная стратегия в *шутере* проста: «Убивай всё, что шевелится, и собирай *дропы*».

Экшн (жарг.) — видеоклип, герои которого непрерывно совершают какие-либо действия и начисто лишены возможности рефлексировать. Когда смотришь *экшн*, о размышлениях лучше забыть.

notes

Примечания

1

Мне стало интересно, куда деваются утки, когда пруд промерзает до дна. *Д. Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи. (англ.)*